

ТРИЛОГИЯ
ДЕВЯТЬ
КОРОЛЕВСТВ

КОРОНА
СТА
КОРОЛЕЙ

РЕЙЧЕЛ ХИГГИНСОН

Пропавшая принцесса...

Когда-то у Тессаны Аллисанд была семья. Дом. Чин. Будущее. До той ночи, когда у неё отняли всё любимое. В тайне увезенная в труднодоступный и уединенный монастырь в самый дальний уголок её мира, Тесс была воспитана в безмолвии монахов и трагизме сиротства. Она бы там и осталась, если бы её не отыскала тёмная магия, убившая её семью.

Невыполнимая миссия...

И теперь, когда её личность раскрыта, Тессана должна предстать перед домом, из которого она сбежала так много лет назад. Корона Девяти Королевств должна быть возвращена на законное место, и Тесс должна быть той самой единственной, кто пронесет её через все девять королевств. А когда она прибудет на место, ей потребуется убедить умирающее королевство, что корона, которая принадлежала сотне королей, должна быть передана королеве.

Мятежный принц...

Тейлон Трескинат когда-то любил. Принцессу. Дочь, убиенного короля. Он рискнул всем ради её спасения, лишь бы она выжила. И когда эта самая принцесса внезапно возвращается в его жизнь — но только это уже не перепуганная до смерти девочка, которую он помнит из детства, — он должен решить, в чём заключается его долг. Что делать с девушкой, которая угрожает всему, что он знает и любит. Или с королевством, ради защиты которого, он пойдет на всё.

Переводчик: *Kirochka*, *Rovena_nn*

Редактор: *Gosha_77*, *NaPanka*, *svetik99*

Вычитка: *Gosha_77*, *NaPanka*, *Rovena_nn*

ГЛАВА 1

— Тесс! — крикнул кто-то. — *Тесс!*

Перевернувшись на другой бок, я глубже зарылась в шерстяное одеяло и заплаканную подушку, боясь покинуть свои сны. Они нуждались во мне. Они нуждались в моём мече, моём мастерстве и моём отмщении.

— Тесс! — настойчиво повторил голос. — Я принесу ведро воды, если ты не прекратишь упрямиться, — повисла пауза, а потом голос произнёс: — В прошлый раз, когда я использовал воду, чтобы разбудить тебя, тебя это взбесило.

Я открыла глаза и моргнула, желая разглядеть, что творилось вокруг. Тёмные, дикие образы в моей голове сменились простой, но уютной спальней, выкрашенной различными оттенками серого. Я прищурилась от света свечи, падающего на моё лицо, и от руки, протянутой в намерении потрясти меня за плечо.

— Я проснулась, — выдохнула я.

— Тебе приснился ещё один сон.

Я приподнялась на локте и уставилась на белую стену.

— Мне снился тот же сон. Мне всегда снится один и тот же сон.

— Твоя семья?

Вопрос задел мои и без того натянутые нервы.

— Оливер, если отец Гариус найдёт тебя здесь, он отрежет тебе язык, — я наклонилась вперёд, глядя на молодого монаха, который пока ещё был на обучении. — Что вообще-то может сослужить тебе хорошую службу, уж больно плохо у тебя получается соблюдать обет молчания.

Оливер выпрямился. Он пододвинул свечу поближе к своему длинному серому одеянию и вздёрнул подбородок.

— К несчастью для тебя, *Тессана*, мой обет молчания — вторая скрипка в твоей потребности говорить. Если бы я всегда соблюдал свои клятвы, ты бы уже сошла с ума, — он хихикнул. — Ты бы всё ещё разговаривала с чучелом и бронзовой миниатюрой отца Гариуса.

Я плюхнулась обратно на единственную выделенную мне подушку и проигнорировала то, как вылезшая из наволочки солома впилась в кожу.

— Полагаю, ты прав. А теперь, если ты меня извинишь, я с нетерпением жду тишины сна, — я закрыла глаза и мысленно приказала этому идиоту исчезнуть.

А когда он этого не сделал, я постаралась не возжелать ему заразы оспы на лице.

Я пыталась, но я не была монахом на обучении. Поэтому я потерпела неудачу.

— Если бы только можно было уснуть, миледи. Но, увы, наступило утро. А ты на курином дежурстве.

— Ненавижу куриные дежурства, — проворчала я.

— Ты ненавидишь любые обязанности.

— Я тут подумала, пожалуй, я сама отрежу тебе язык и избавлю отца Гариуса от лишних хлопот.

Глаза Оливера распахнулись, и он попятился от моей кровати.

— Сначала ты должна поймать меня.

А потом он исчез, быстро пробежав по коридору, как испуганная маленькая мышка, которой он и был.

Я улыбнулась, села и потянулась. Оливер, возможно, и был самым раздражающим существом, когда-либо украшавшим королевство, но он был моим раздражающим существом, и он был прав.

Без него я бы давно сошла с ума.

Я собралась с духом и сбросила с себя шершавое серое одеяло. Я быстро переделась из ночной рубашки в простое серое платье и натянула чулки.

Я нащупала свои туфли, тоже серые, в ещё не проснувшемся свете, не обращая внимания на лампу рядом с кроватью. Я не была готова к свету. Я не была готова ясно видеть и встречаться лицом к лицу с реальностью.

Проблески ужасного сна всё ещё плавали в моём сознании, и я отчаянно пыталась уцепиться за исчезающие, искажённые образы, которые всего несколько мгновений назад были так ясны. Образы моей семьи. Воспоминания о семье, которую я любила всем сердцем.

Семья, которую я *всё ещё* любила всем, что у меня осталось.

Но теперь, когда кто-то забрал их у меня, стало ещё тяжелее.

Я плеснула в лицо ледяной воды и заплела в косу каштановые волосы.

Выскользнула из своей комнаты и вышла на улицу покормить кур. *Голодные твари.*

Холодный воздух просачивался в одежду и цеплялся за кости. Проигнорировав дискомфорт, я закончила работу по дому и вернулась на кухню. Коридоры оставались

тихими и неподвижными, хотя большая часть монастыря уже проснулась. Храм Вечного Света требовал, чтобы его жрецы блюли обет молчания, начиная с самого детства и вплоть до момента их смерти.

Возможно, даже после смерти. Я не была экспертом по Братству Молчания. Даже если последние восемь лет я называла это уединённое место своим домом.

Вряд ли они смогут ответить на мои вопросы, если я их задам. Вместо этого они указывали мне на тома, тексты и бесконечные страницы литературы о Свете. И как бы интересно это ни звучало, я просто должна была верить, что моя загробная жизнь будет громогласной.

Отец Торош кивнул мне, когда я пронеслась мимо него к камину. Он стоял у каменного стола и месил тесто для завтрака. Отец Сало стоял рядом с ним и нарезал овощи для некой разновидности тушёного мяса, ежедневного подаваемого к каждой трапезе. Монахи были людьми привередливыми. Рутинка была такой же частью их религии, как и свет, которому они поклонялись.

Я протянула руки к огню и вдохнула запах тлеющих углей и кипящей овсянки. Закрывает глаза и позволила теплу окутать меня. Весь остаток дня от меня будет пахнуть, как от костра, но мне было всё равно. Что угодно, лишь бы прогнать холод.

У меня за спиной цокнул язык, и я отступила назад. Я оглянулась и увидела, что отец Торош грозит мне пальцем. *"Отступи. Сожжёшь своё платье"*, — мысленно предупредил он, бросив на меня острый взгляд.

"Воспылаешь и станешь огнедышащим драконом, вынужденным подняться в небо во имя спасения от бунтующих жителей деревни".

Надо признать, эта последняя мысль была моей.

Затем отец Сало прищёлкнул языком. Даже не глядя на меня, я знала, что он прогоняет меня. Я отошла от камина и схватила яблоко. Я уже два года была на овсяной забастовке. На монахов произвела впечатление моя твёрдая позиция. Или отвращение. Я не была уверена, что именно. Но поскольку их обет молчания растянулся на десятилетия, у меня было чувство, что они оценили мою упрямую убеждённость.

Я вонзила зубы в сочную мякоть плода и поспешила из тёплой кухни обратно в холодный зной коридоров, в постоянные изгибы и повороты, где я могла ориентироваться с закрытыми глазами.

Когда они впервые привезли меня сюда, мне было плохо. Я не могла уснуть больше чем на час. Боясь мыслей, которые кружились вокруг моего вечно активного ума, я бродила по храму в поисках покоя и тишины, которая ускользала от меня даже в монастыре, давшем обет молчания.

Я так и не нашла ни покой, ни тишину.

Но, в конечном счете, я обжилась достаточно хорошо, чтобы теперь спать всю ночь напролет.

На это ушло три года.

Через открытую дверь библиотеки на верхнем этаже в коридор лился свет. Это было моё любимое место во владениях.

Я подошла к Теновианской двери из чёрного кедра и очертила контур трёхглавой змеи, обвитой текстурированными свитками и изящными письменами, которые я не понимала. Я потянулась выше и дотронулась до рукояти мощного меча, кончик которого был сделан в виде пера, а чернила, как кровь, капали с лезвия.

Братство Молчания очень гордилось библиотекой, которую они охраняли за этими дверями.

В комнате щёлкнул язык, и я шагнула внутрь, зная, что слишком долго медлила.

Отец Гариус стоял и ждал меня, неодобрительно нахмурив кустистые брови. Его руки были сложены перед собой, придавая ему видимость терпения и понимания, хотя я знала, что блюсти клятвы и не кричать на меня за трату его времени впустую, ему стоило огромных усилий. Помимо всего прочего.

Когда я только приехала сюда, отец Гариус общался со мной через записки. Но через восемь лет я научилась читать выражения лиц и молчаливо высказанные мысли. Выражение лиц монахов было далеко не таким безмятежным и стоическим, как они думали.

— Доброе утро, отец Гариус, — прошептала я. — Вам хорошо спалось?

Я никогда не уставала задавать бесчисленные вопросы, которые вертелись у меня в голове. Даже если это лишь только раздражало немых монахов, мне нужно было произнести их вслух, освободить свой разум от их постоянного терзания.

Он постукал ногой в ответ. Я сжала губы, сдерживая улыбку. Оливер уже сидел за столом и что-то яростно выводил пером. Он даже не взглянул на меня, когда я села рядом с ним.

Я взяла перо и прочитала про себя сегодняшней урок.

Отец Гариус подошёл и встал перед нами. Он стоял молчаливым часовым на протяжении всего урока, пристально наблюдая за нами и посылая неприятные хмурые взгляды всякий раз, когда мы отвлекались от нашей работы.

К тому времени, как утренний урок был закончен, мои пальцы болели от письма, зрение затуманилось от того, что я смотрела на большое количество слов, а зад онемел от изгибов табурета.

Отец Гариус отступил назад, давая понять, что нам позволено передохнуть. Я сразу же подошла к большим окнам, выходящим на раскинувшиеся вдоль западной стены сады. Горизонт скрывался за ними, показывая лишь белые вершины гор, и солнце освещало каждую часть Хеприна.

Хеприн был самым восточным местом в королевстве. Окаймлённый с двух сторон берегами Хрустального моря, а с двух других лесом Теллекан, он был самым изолированным из девяти королевств.

Хеприн был населён мирными людьми, строго преданными своему богослужению и земледелию. Храм Вечного Света был лишь одним из многих монастырей, разбросанных по этой тихой стране.

Возможно, именно поэтому эта земля так и не стала мне домом.

Я не была спокойной. И вряд ли я была религиозна.

Я была кровожадной и дикой. Мне не терпелось избавиться от своей юности, которая удерживала меня от истинной судьбы. Я жаждала пролитой крови и криков ужаса. Мою кожу покалывало от надежды на смерть.

Обещания мести.

— Ты опять взялась за своё.

Я склонила голову набок и впиалась взглядом в Оливера и его шёпотом произнесённое предостережение.

— Что?

Его широкий рот растянулся в полуулыбке.

— Витаешь в облаках.

Я опустила руки по бокам и заставила себя успокоиться. Он был прав. Отец Гариус никогда не закончит с моим образованием, если я раскрою свои истинные намерения. Он никогда не отпустит меня, если увидит тьму внутри меня.

Позади нас щёлкнул язык и, повернувшись, я встретила с мутными серыми глазами монаха. Отец Гариус не мог быть моложе начала времён. Его кожа была жёсткой, как у дракона, а терпение импульсивным. И он всегда олицетворял оттенки серого. Седые волосы. Седые брови. Серая кожа. Серое облачение. Он был одним большим бесцветным пятном.

Однажды он спас мне жизнь, но монастырь не был моим домом.

И отец Гариус знал это.

Он махнул рукой в сторону окна с чёткой командой. Нас гнали прочь из храма. Настало время для ежедневной медитации в саду.

Я лучезарно улыбнулась отцу Гариусу, на что он мягко ответил мне тем же, и со вздохом облегчения покинула библиотеку.

К тому времени, как мы с Оливером вышли на солнечный свет, я уже чувствовала, как надутые губы Оливера заражаются красотой улицы.

— В чём дело? — спросила я, ведя нас в направлении, противоположном саду.

Вместо сада мы двинулись к задней части парка, стремясь добраться до реки, которая извивалась вокруг каменной стены. Стена защищала монастырь от любой возможной угрозы и отделяла нас от внешнего мира.

Оливер остановился и поднял длинную палку, которой он стал прихлопывать стебли сочной травы и танцующих бабочек.

— Это несправедливо, что ты его любимица, когда всё, что ты делаешь, это *говоришь*.

Я чуть не подавилась со смеху.

— Думаешь, *ты* должен быть его любимцем, когда всё, что ты делаешь, это... не говоришь?

— Я с ним с самого детства, — заметил Оливер. — Я ему практически сын. И я говорю благодаря тебе. На самом деле, мне приказали говорить.

Я наблюдала, как белка бегает кругами вокруг большого красного дуба.

— Я помню его стихотворение "последняя Жатвенная Луна", в котором говорится, что все существа под Великим Светом находятся под его опекой. Он брат тем, кто живёт, и отец тем, кто ищет.

Оливер хмыкнул.

— Но я больше сын, чем большинство.

— Ревность тебе не к лицу, — проворчала я. — Ты мне гораздо больше нравишься, когда просто грустишь.

Он подставил мне подножку, и я споткнулась на три шага, прежде чем спохватилась. Когда я повернулась, он поднял руки и показал на свой закрытый рот.

— И что за Брат Молчания *выбирает*, когда ему молчать? — потребовала я ответа.

Он пожал плечами и улыбнулся так очаровательно, что я не могла не простить его.

Через несколько мгновений мы добрались до задней стены. Виноградные лозы и плющ переплетались у основания и тянулись до самого выступа, позволяя нам легко взобраться на возвышающуюся границу.

Вдали, там, где извилистая река обрывалась в предательские водопады, ревела вода. Вода перед нами была не менее спокойна, несаясь сверкающими стремнинами. На деревьях

пели птицы. Густой полог зелёных листьев заслонял солнце, а нас окутывала прохлада Теллеканского леса.

Мы сбросили обувь и двинулись к грязному берегу реки.

— Я думала, что моя рука отвалится, если мне придётся написать ещё одну банальность Барстуса. Если бы у людей Барстуса была хоть капля здравого смысла, они бы отбросили свои самодовольные бредни и начали всё заново.

Оливер ухмыльнулся, глядя на свои босые ноги и прыгая с камня на камень.

— Ты должна предстать перед их королевским двором. Уверен, они оценят твоё посвященное мнение.

— Возможно. В чём разница между тем, чтобы предложить ближнему своё пальто, и тем, чтобы предложить ему свой плащ? Почему бы просто не сказать: если ваш сосед замёрз, дайте ему что-нибудь, чтобы ему было тепло.

Оливер рассмеялся.

— Или вместо того, чтобы перечислять все способы, которыми ваш сосед с Барстуса может пострадать, такие как падение в колодец или падение с крыши или...

— Падение со скалы, — подсказала я.

— Да. Как насчёт того, чтобы просто сказать: если ваш сосед упадёт с любой высоты, большой или малой, помогите ему.

Я пошатнулась на маленьком скользком камне, но в последний момент удержала равновесие.

— Барстус, должно быть, самая скучная страна в королевстве. Даже представить не могу, какой ужасный университет там будет.

— Я очень сомневаюсь, что там разрешают побеги на реку.

Я посмотрела на него.

— Технически нам тоже не разрешены побеги на реку. Отец Гариус думает, что мы медитируем.

Смех заплясал в его карих глазах.

— По крайней мере, он винит тебя в моей неудаче.

Мои глаза распахнулись от его хладнокровия.

— Он винит меня, потому что *ты* обвинил меня! Перед всем собранием!

— Они хотели знать, почему я не могу стать дисциплинированным! И в этом только твоя вина! Ты не обязана жить здесь всю оставшуюся жизнь, принцесса. И мне придется. Конечно, я обвинил тебя. *Я всё ещё* виню тебя.

— Ах, ты!

Я рванула вперёд, балансируя на краю остроконечного камня, не обращая внимания на острую боль в ступне. Оливера ещё пока не дорос до своего долговязого тела. Несмотря на его высокий рост, во мне было нечто твёрдое, в отличие от его тощих рук, которые едва могли принести ведро воды из колодца на кухню. Я попыталась столкнуть его в реку, но он, смеясь, отскочил в сторону.

Я перепрыгнула на следующий камень. Мы старались держаться поближе к берегу реки, но где-то во время погони я забыла об осторожности. Не успела я опомниться, как поток лизнул мои лодыжки и намочил подол платья. Камни были покрыты скользким мхом, и я больше не могла быстро передвигаться между ними. Мне нужно было время успокоиться и восстановить равновесие.

Поняв, как далеко мы ненароком забрели, Оливер начал прыгать назад к берегу, его

смех плыл по ветру. Мне не терпелось окунуть его в могучую реку. Он умел плавать, но не очень хорошо.

Я усмехнулась, представив, как он плюхается на грязный берег.

Карканье нарушило наш момент и, подняв глаза, я увидела большого ворона, сидящего на свисающей ветке над головой. Он поднял голову к небу и снова пронзительно закричал.

Во мне промелькнуло воспоминание. Изыщные, покрытые перьями крылья, с кончиков которых капала кровь. Почерневшие лапы с когтями хищника. Такие же потемневшие глаза сверкали ненавистью и яростью. Я закрыла глаза, стремясь избавиться от образов, которые не могла точно воспроизвести в памяти. Они проплывали в моём сознании, как во сне и мимолётно. И всё же, где-то на задворках моего сознания, я чувствовала, что это уже случилось однажды.

Моя кровь превратилась в лёд.

Взгромоздившись на камень, где вода струилась по моим голым ногам, я снова услышала крик существа, такой громкий, что я остановилась, чтобы посмотреть на него. Я замахала руками в попытке остаться в вертикальном положении.

На мгновение меня охватил ужас, когда ворон наклонил голову и встретился со мной взглядом. Дыхание со свистом вырвалось из сдавленных лёгких, и на мгновение мне показалось, что птица узнала меня.

Или, может быть, я узнала птицу.

Я покачала головой. Затем птица расправила свои длинные ониксовые крылья и устремила к моему лицу.

Я закричала и отпрянула в сторону, но потеряла равновесие. Я погрузилась в воду раньше, чем смогла снова закрыть рот.

Я захлебнула полную грудь холодной воды в отчаянной попытке вырваться на поверхность. Моё тяжёлое платье становилось только тяжелее в воде. Ноги скользили по песчаному дну, но вода двигалась слишком быстро, чтобы я могла найти опору и поднять своё тело вверх.

Я отчаянно боролась с потоком воды и спутанной одеждой, но не смогла противостоять яростному течению.

Всё вокруг потемнело.

Образ ворона покинул мои мысли, когда необходимость выжить взяла верх. Думать больше было не о чем, кроме как о том, что *всё кончено*.

Истинное, кровоточащее разочарование запульсировало во мне. Это была самая глупая из возможных смертей.

Я должна была умереть вместе со своей семьёй восемь лет назад.

ГЛАВА 2

Я толкнулась вверх в последнем огромном усилии, всплыла на поверхность, и сумела сделать последний вдох. В следующую секунду на меня обрушилась волна и снова утащила под воду.

Я слышала отдалённый крик ворона, как если бы его когти могли дотянуться до меня и привлечь моё внимание, но течение продолжало тащить меня за собой. Злобная птица прокричала победную песню.

"Должно быть, это сон", — рассудила я. Образы моей семьи — улыбающиеся,

смеющиеся и живые — затанцевали в моём сознании, и у меня возникло странное ощущение, будто я сплю наяву. Их смерти преследовали меня даже тогда, когда я умирала.

Я представила себе, как моя семья ждёт меня по ту сторону смерти. Их знакомые руки широко раскрылись в приветствии, их улыбающиеся лица обещали мир и безопасность, любовь и тепло.

— Тессана, — позвал отец сквозь мутную дымку. — Иди домой.

"Он зовёт меня к ним", — поняла я.

Мне не особенно хотелось умирать, но сейчас всё казалось не так уж плохо. С ними мне будет гораздо лучше. Лучше оставить этот мир в прошлом и найти их в великой загробной жизни.

Я открыла рот, желая ответить ему, что уже иду, но тут же набрала полную грудь воды. Страх боролся с принятием. И я решила, что не буду трусихой по этому поводу. Я смело встречу смерть.

Как только вода наполнила мой рот, что-то с силой обхватило меня за руки, подобно зубам. Моё дыхание превратилось в крик, и я зажмурилась в агонии. А потом я полетела... взлетая из воды в огромном водовороте реки и пены.

Я задыхалась, меня рвало, и я дрожала на берегу. Я не могла контролировать яростную дрожь своих конечностей.

Когда меня, наконец, перестало трясти, я перекатилась на бок и распласталась на земле. Я моргнула, глядя на небо, и удивилась, увидев яркий дневной свет. Он казался таким неуместным после темноты моей близкой смерти.

Зубы стучали так сильно, что я испугалась, что какой-нибудь сломается.

Надо мной возникла фигура, мрачная и серьёзная. Отец Гариус.

— Мой... — я не могла говорить из-за дрожи. Я попробовал ещё раз: — Мой... Отец... — он наклонился, чтобы лучше меня слышать. — Домой.

Темнота снова окутала мой разум, и я поддалась внезапному, всепоглощающему изнеможению. Образы моей семьи, ожидающей с распростёртыми объятиями, стали чем-то более мрачным. Я перестала хотеть дотянуться до них. Перестала хотеть видеть их красивые лица, обнять мать и отца. Вместо этого инстинкт убежать захлестнул мою бешено текущую кровь, в то время как безмолвный ужас сжал лёгкие в тиски.

Ворон, тот самый, что всегда появлялся в моих снах, сидел на подоконнике и смотрел. Ждал, наблюдал и слушал. Он всегда наблюдал. Он всегда был рядом, пока моя семья тонула в собственной крови. Когда их лёгкие дрожали от влажного, прерывистого дыхания. В то время как их конечности беспомощно подёргивались.

На этот раз я смотрела на него в ответ.

Я смотрела, как он смотрит на меня. Его чёрные глаза-бусинки сосредоточились с расчётливым интересом. Я почувствовала его разочарование. Его молчаливую ярость.

Я почувствовала, как зловещий дух внутри него оцетинился и заартачился, потому что я всё ещё была жива.

Он жаждал моей крови.

Он хотел сломать меня.

Во сне я вздернула подбородок и отважилась бросить вызов птице сделать что-нибудь с её недовольством. После реки у меня не было терпения для игр. Я глазела на ворона, осмелится ли он прикончить меня.

— Если хочешь моей смерти, приходи за мной сам, — прошептала я.

Моё сердце бешено колотилось в груди. Я никогда раньше не разговаривала с птицей. Я всегда игнорировала его. Я никак не могла оторвать взгляд от безжизненных тел у моих ног, от лужи крови, пропитавшей подол моей ночной рубашки. Обычно я смотрела на безжизненный взгляд отца или на обмякшие, бессильные тела братьев с беспомощностью, которая терзала мою душу.

И тут я впервые заметила чьё-то присутствие, маячившее на заднем плане.

Ворон поднял клюв к серому небу по другую сторону окна и яростно захлопал своими огромными крыльями. Он открыл свою тёмную пасть и закричал на существо, которое, как я знала, парило прямо за пределами моего сознания.

Птичий зов разорвал воздух. Я прижала подбородок к груди и закрыла ладонями уши. И всё равно я его слышала. Как будто он исходил из моего собственного разума. Как будто крик вырвался из моего рта, а не из птичьего.

Как будто я была тем, кто призывал это великое зло.

И пока я боролась с ужасной болью в голове, сквозь крик раздался голос моего отца. До сегодняшнего дня он никогда со мной не разговаривал. Он никогда ничего не делал, только умирал.

— Пора, — объявил он. Его низкий рокочущий голос разнёсся по комнате, заглушая крики птицы. — Тессана, — потребовал он, — Вернись домой.

Крики ворона становились всё громче и громче, пока не стало слышно даже голоса моего отца. Я согнулась пополам, как можно сильнее прижимая ладони к ушам, но ворон всё ещё визжал и орал. Я закрыла глаза и стиснула зубы до боли, уверенная, что от этого ужасного звука моя голова лопнет ещё до того, как я проснусь.

Как только давление за моими глазами стало невыносимым, визг прекратился. Ворон исчез. Образы тел моей семьи пропали.

Темнота не отступала, и я больше не видела свою семью. Наконец я осталась одна в глубокой бездне своего подсознания. Я ничего не видела. Ничего не слышала. Я просто спала.

Проснувшись я с не дающим покоя чувством, что должна что-то делать.

Мои веки дрогнули, и пылающие лёгкие втянули воздух. Я моргнула и снова увидела отца Гариуса, который навис надо мной с торчащим из уголка рта корнем травы телли. Он яростно жевал, нервный тик выдавал его тревогу.

В этот момент я вспомнила. Я почувствовала, как росток стал сильнее, громче, более целеустремлённым... непобедимым.

— Домой, — прохрипела я срывающимся голосом.

Отец Гариус коротко кивнул. Он согласился.

Часом позже я приняла ванну и переоделась в самую тёплую одежду, какая у меня была. Мои пальцы дрожали на горячей чашке в моих ладонях. Чай не помог прогнать холод, который проник в мои кости и заставил пальцы ног свернуться в шерстяных тапочках.

Отец Гариус присел на край стола, наблюдая за мной серыми глазами, которые видели больше, чем следовало.

Я наблюдала за ним в ответ. Отец Гариус видел меня в худшем состоянии. Он затащил меня в Храм Вечного Света против моей воли и заставил оставаться здесь все эти годы. Он был такой же упрямый, как и я, и так же твёрдо настроен сохранить мне жизнь.

Я не была пленницей. В конце концов, он спас мне жизнь. Но и абсолютно свободной я не была. Его причины имели смысл, и когда я наблюдала, как политический климат

королевства меняется и перестраивается на протяжении всей моей жизни, я поняла.

Однако мне надоело наблюдать за происходящим из своеобразной тюрьмы. Я не могла найти покоя. Мой разум жаждал других обязанностей, кроме кормления цыплят.

И мой язык отчаянно нуждался в разговорах.

Помимо болтовни с Оливером.

За этими стенами меня ждало что-то ещё. Теперь я чувствовала это сильнее, чем когда-либо.

— Мне нужно домой.

Я выдержала взгляд серых глаз моего наставника и заговорила медленно, чтобы мой голос не дрогнул. Братство Молчания сделало всё возможное, чтобы воспитать меня такой, какой, по их мнению, я должна была быть. Но здесь не было женщин. Они не обладали манерами, подобающими аристократам моего положения. Так что, когда я решила сегодня изложить свою точку зрения, я сделала это с достоинством человека, которого почти забыла. Я обратилась к самым ранним воспоминаниям о моём школьном образовании и к образу женщины, которой хотела бы видеть меня моя мать.

— Я слишком долго медлила, отец Гариус. И хотя я благодарна вам за приют, мне необходимо домой.

Он прищурился. *"Что для тебя дом, сирота?"* И когда я не скукожилась, одна из его кустистых бровей изогнулась в ещё одном немом вопросе. *"Откуда ты знаешь?"*

Моё дыхание дрогнуло, покидая лёгкие в одном длинном выдохе. Облизнув пересохшие губы кончиком языка, я выложила ему правду:

— Мне снились сны. О моём отце.

Спокойный серый взгляд отца Гариуса стал острым, как серебро.

Братство Молчания не верило в сновидения с мёртвыми. Эта идея была ересью для человека, который верил, что его душа покинет тело и будет поглощена Великим Светом на небесах. Большая часть королевства тоже в это верила. Это моя языческая мать научила меня шептать молитвы тем, кто умер до меня. Искать их в своих снах.

— Он велит мне вернуться домой, — закончила я. — Он говорит, что время пришло.

Отец Гариус пристально посмотрел на меня. Сердился ли он на меня за то, что я проигнорировала все восемь лет его учения? Или то, что я так долго скрывала от него свои сны?

Он никогда ничего не объяснял, поэтому я выбрала третий вариант. Он был убит горем из-за того, что я могла оставить его спустя столько времени.

Не моя вина, что я оставила такое сильное впечатление.

Я сделала глоток обжигающе горячего чая, чтобы скрыть улыбку.

Отец Гариус обвёл рукой круг, показывая, что я должна рассказать ему больше. Я продолжила:

— Они снятся мне почти каждую ночь. Но сегодня днём отец впервые заговорил со мной. А когда он заговорил, то велел мне возвращаться домой.

Отец Гариус встал и прошёлся по своему кабинету. Подойдя к книжному шкафу, он провёл пальцем по корешкам книг в кожаных переплётках на нижней полке.

Найдя то, что искал, он извлёк книгу, прищелкнув языком. Он обернулся, его ряса развевалась. Я почувствовала, как страх давит мне на грудь, а в затылке злое покалывает.

Он положил книгу на стол передо мной, и я узнала текст. Точно такая же книга была спрятана в покоях моей матери, когда я была ребёнком. Языческий священный текст, теперь

объявленный вне закона в королевстве и признанный еретическим девятью королевствами в унисон.

Я проследила за скрюченным и покрытым обветренной кожей пальцем отца Гариуса. Тупым ногтем он указывал на тщательно нацарапанные чёрными чернилами слова на древнем пергаменте.

Ворон с расправленными крыльями. Крылья были исцарапаны тяжёлым почерком, с кляксами, как если бы каждое перо кровоточило. Художник сильно давил на каждую деталь, подчёркивая её особенности, размывая мельчайшие детали.

Его тёмный клюв был раскрыт, голова склонилась набок, он смотрел, ждал... видел. Его острые лапы впились острыми, как бритва когтями в страницу, и казалось сама страница начала кровоточить. Корявые линии художника тянулись, растягивались и сжимались, пока не осталось никаких сомнений, это животное опасно.

Это животное означало смерть.

Отец Гариус нетерпеливо постучал пальцем по изображению. Я окинула взглядом слова, нацарапанные на полях, и абзацы на соседних страницах. Но всё было написано на другом языке, который я не могла понять.

Отец Гариус снова постучал и, подняв глаза, я встретила с ним взглядом. Другой рукой он схватился за горло и сделал вид, что задыхается.

— Да, — прошептала я, наконец, поняв. — Да, я видела это раньше. В своих снах, — я сглотнула и выдохнула, моё сердце внезапно затрепетало. — И в реке тоже.

Старый монах опустил глаза, признавая поражение. Он захлопнул книгу, словно мог заточить ворона внутри этих древних страниц. От тревоги меня бросило в озноб.

— Что же мне делать? — я спросила мужчину, который не мог мне ответить.

Отец Гариус долго смотрел на меня. Наконец он снова подошёл к книжному шкафу и поднялся по раздвижной лестнице, открывавшей доступ к верхним рядам книг.

Найдя нужное место на полке, он отодвинул книги в сторону, сложив их в ненадёжную стопку на краю полки. Двумя сильными пальцами он постучал по задней стенке. Что-то поддалось, и его рука исчезла в зияющей чёрной дыре.

Его рука снова появилась, теперь уже сжимая кожаную сумку. Он сунул сумку под мышку, поставил на место стенку, книги и свитки и осторожно спустился с лестницы. Он сел и ещё с минуту пристально смотрел на меня.

Он кивнул, в конечном счете, уступив какой бы то ни было идее, которая привела его в движение. Он развязал клапан на сумке и вынул содержимое.

Я резко втянула в себя воздух. Мощь чистого воздуха пронзила меня подобно острию ножа.

Золото отражало слепополуденный свет, проникавший в комнату, подобно длинным пальцам садящегося солнца. Рубин в центре диадемы подмигнул мне, нащёптывая воспоминания и замыслы, шепча о королевстве полном грёз и ещё более полном сожалений.

Я потянулась к короне ещё до того, как успела связать воедино две связные мысли. Я сомкнула онемевшие пальцы вокруг тонких граней и позволила золоту врезаться в ладони, показать мне, насколько оно реально, доказать, что это именно то, о чём я думала.

— Откуда? — я поперхнулась словом, заикаясь от его тяжести. — *Откуда* у вас она?

Отец Гариус уставился на меня своими мудрыми серыми глазами, и мои мысли вернулись к тому дню, который мне постоянно снился, но я никогда не вспоминала о нём добровольно.

Мальчик. Девочка. Растерянный монах.

"— Они мертвы, — серьёзно прошептал мальчик. — Все до одного. Вся королевская семья, — монах уставился на мальчика. — Возьмите её. Вы должны. Они убьют её, если найдут, — монах покачал головой, отрицая истинность слов мальчика. — Возьмите её сейчас же, — взмолился он. — Возьмите её и возьмите это.

Он сунул окровавленную корону в руки монаха. Его пальцы оставляли липкие отпечатки на грязном золоте. Монах опустил взгляд на корону, на головной убор древнего королевства, а затем перевел взгляд на испуганную маленькую девочку. В итоге монах кивнул. Единожды.

Я плакала. Я не могла перестать плакать.

— Я не могу оставить тебя, — сказала я мальчику.

Его ясные голубые глаза смотрели на меня с непролитыми слезами.

— Это единственный способ уберечь тебя, — он шагнул ближе, сжимая мои руки, алые от чужой крови. — Ты должна идти, Тесса. Ты должна уйти, иначе они убьют и тебя тоже.

— А как же ты? — я всхлинула, пытаюсь сдержать слёзы, стараясь быть такой же сильной и храброй, как он. — Они и тебя убьют.

Он резко тряхнул головой, взъерошив свои тёмные кудри и отбросив их на лоб.

— Они охотятся не за моим королевством. Они не хотят иметь со мной ничего общего.

— Я не могу оставить тебя, — настаивала я.

Взгляд его голубых глаз умолял меня, даже когда он подтолкнул меня к монаху.

— Только так я могу защитить тебя. Пожалуйста, Тессана, позволь мне защитить тебя".

Я моргнула, удивившись этому воспоминанию. Я совсем забыла о принце. Я совсем забыла о короне.

"— Однажды я женюсь на тебе, — заявил тот самый маленький мальчик всего за несколько недель до трагических событий. — Я женюсь на тебе, а это значит, что ты должна позволить мне защищать тебя.

Я дерзко вздёрнула подбородок и возразила:

— Мне не нужна твоя защита.

Его улыбка согревала меня изнутри. Она была такой же яркой, как солнце.

— Я знаю это, Тесса. Вот почему ты должна мне это позволить.

— Прекрасно, — вздохнула я. — Ты можешь защищать меня. Когда мы поженимся. Но ни днём раньше".

Отец Гариус прочистил горло, и мои мысли вернулись в настоящее. Я прижала корону к быстро бьющемуся сердцу, и мне пришлось смахнуть слезу, о которой я и не подозревала.

— Корона принадлежит моему отцу, — я произнесла слова, запертые в тюрьме моего прошлого.

Я провела большим пальцем по бриллиантам и выгравированным виноградным лозам. Закрывает глаза и увидела отца, сидящим на краю трона, с короной на голове, с улыбкой на губах. Я видела, как мой старший брат примерял её, когда отца не было в тронном зале. Я видела, как сестра смотрит на него с приоткрытым от страха ртом.

Эта корона, которая управляла не только одним королевством, а девятью. Девять королевств, управляемых наследием ста королей.

Корона Девяти Королевств.

Мой отец был сотым монархом в роду ста королей. И старший брат должен был стать сто первым.

Но правление моего отца было прервано, а правление моего брата закончилось, не успев даже начаться.

И теперь я сидела в тихом уединении Монахов Молчания, в королевстве вдали от моего собственного, тайно спрятанная, защищённая из чистой необходимости, единственный оставшийся член королевской семьи Элизии.

И в моих хрупких руках я держала ключ к объединению разрозненных королевств. Ключ к вновь обретенному миру в королевстве.

Ключ отмщения, которого я жаждала больше всего на свете.

ГЛАВА 3

Я моргала, как мне показалось, целый час. Мои веки казались такими же тяжёлыми, как корона в моей руке.

— Я и забыла, что у вас есть она, — сказала я отцу Гариусу.

Он молча кивнул. Вероятно, он приписал это моей травме.

Я снова вспомнила тот ужасный день, который начался радостно и ярко. Все девять королевских семей пришли на праздник, который мой отец устраивал в честь рождения моего младшего брата. Члены королевской семьи прибыли в величественных караванах, чтобы засвидетельствовать своё почтение новому принцу Элизии.

Но незваные гости вторглись во дворец, смерть пылала на их клинках. Они не причинили вреда ни одной другой королевской семье. Только моя семья была убита.

В то время как моя семья лежала неподвижно и безжизненно, её забрали раньше времени, а меня спасли вместе с короной.

Теперь мой дядя правил Элизией и девятью королевствами, но без короны. Без неё он никогда не сможет стать настоящим королём.

Люди готовы умереть за эту корону.

За эту корону будут вести войны.

И я держала её в руках, зная, что пришло время выйти из укрытия.

— Ты должна пойти домой. — Скрежет испугал меня, и я чуть не выронила её. Отец Гариус снова открыл рот. — Ты должна править, Тессана. Эта корона принадлежит тебе. Она всегда принадлежала тебе.

Было очевидно, что он не пользовался своим голосом уже много-много лет. Я сомневалась, что когда-либо в его жизни было время, когда он нарушал свои обеты в Храме Вечного Света. И он думал, что я достаточно важная персона, чтобы заговорить.

Новые слёзы защипали мне глаза, и мне захотелось обнять его за шею и зарыдать, уткнувшись лицом в его одежду. Я воздержалась. Он только что нарушил связующие его клятвы. Нежелательное выражение чувств с моей стороны могло вызвать у бедного мужчины приступ.

— Как я могу править? — спросила я вместо этого. — В Элизии никогда не было женщины-правителя.

— Но ты же принцесса из дома Экстентии, — он судорожно сглотнул и провёл языком по губам. — Твоя семья правила Элизией с самого начала, с того момента, как королевства

объединились. Ты — законная наследница.

Обида горела глубоко в моём животе.

— Мой брат был законным наследником. У него украли будущее. Точно так же, как у меня отняли моё.

Отец Гариус подался вперёд в своём кресле и взял мою руку, сжимая её в своей.

— Нет, Тессана. Твоё будущее было спасено. Ты была спасена. А теперь ты должна вернуться домой и спасти это царство от зла, которое хочет его уничтожить.

— Что вы имеете в виду? — моё сердце бешено колотилось, кровь гудела от беспокойной энергии.

— Твои сны, дитя. Они что-то значат. Они означают что-то ужасное. Твой отец попросил тебя вернуться домой, и ты должна это сделать.

— Но вы же не верите в сны! — запротестовала я.

Его пожатие усилилась, и край короны врезался в мою ладонь.

— Но сны не пустое место. Даже я не могу игнорировать то, что произошло. Твой отец попросил тебя вернуться домой. Ты должна его послушать.

Несмотря на то, что голос отца Гариуса был резок от недоиспользования, и мне пришлось напрячься, чтобы расслышать его отчётливо, смысл его слов разнёсся по комнате, как звон колокольчика, разносящегося по безмолвным залам храма.

— Я хочу домой, — призналась я. — Мне не просто нужно, но я хочу этого.

Его хватка на моей руке ослабла.

— Хорошо.

— Но что же это за зло? Что я могу сделать? Мой дядя не признает меня правителем Места Силы раньше, чем другие королевства назовут меня королевой. Сотни *королей* носили эту корону, отец. Не королевы. Тем более принцессы. Особенно семнадцатилетние сироты.

Он щёлкнул языком знакомым способом, демонстрации разочарования.

— Ты не просто девушка, Тессана. Ты — Тессана Аллисанд из дома Экстентии, дочь Фридриха, короля Элизии и правителя королевства. Ты — принцесса. Ты выжила. А теперь ты вернёшь корону своему народу и покажешь ему, что ты всё ещё жива.

— А что, если они мне не поверят? — мой голос дрогнул, а пальцы задрожали.

Я ненавидела этот страх. Я ненавидела себя за то, что не могла чувствовать более сильного чувства мужества и преданности.

— Заставь их поверить тебе, — потребовал отец Гариус. — Заставь их увидеть тебя такой, какая ты есть.

— А если это не сработает?

— Тогда у тебя есть корона. Королевства должны быть объединены ещё раз. Только Корона Девяти имеет власть сделать это и сокрушить зло, скрывающееся по всему королевству. Это даст тебе власть править, Тессана. Это даст тебе власть объединить армии и возглавить девять королевских семей. Если всё остальное потерпит неудачу, у тебя есть корона.

Это было правдой. У меня действительно была корона. У меня была корона, которую невозможно было воспроизвести, и которая отсутствовала более восьми лет.

Им придётся поверить мне.

А если они этого не сделают... Тогда я... Тогда я, вероятно, снова убегу.

По крайней мере, на этот раз, когда я покину королевство, я буду знать, куда идти.

Я посмотрела на потрёпанные книги, и полки рядом с округлыми окнами. Трудно было

представить, что я скоро брошу эту тихую, простую, *безопасную* жизнь.

Эмоции, о существовании которых я и не подозревала, проснулись, открыв сонные глаза, превратившись в зверя, который жил в моей груди, в моей душе. Они расправили кожистые крылья и подняли длинную бронированную шею, отчаянно желая увидеть горизонт.

Моё сердце стучало от желания. Теперь я принадлежала чему-то большему, чем я сама. Когда я ответила отцу Гариусу, мой голос был таким же скрипучим, как и его.

— Да, — прошептала я. — Да, я пойду.

Он даже не улыбнулся. Он не выглядел успокоенным. Вместо этого его серые глаза стали жёсткими, и он медленно кивнул, как будто ему нужно было время, чтобы принять мой ответ.

— Возьми Оливера.

— Нет, — возразила я. — Я не могу просить его оставить здесь свою жизнь. В любом случае, он этого не сделает. Он слишком сильно любит братство. Он...

Отец Гариус поднял руку.

— Он не создан для жизни в храме, как хотелось бы верить его матери. Да благословит её свет. И он тебе нужен. Дорога домой будет опасной, даже если вам удастся спрятать корону во время путешествия. Любой в королевстве был бы готов убить за эту корону. Понимаешь ли ты это, Тессана? Никто не знает, что ты жива. А это значит, что никто не узнает, если ты умрёшь. Ты ни при каких обстоятельствах не можешь открыть, что корона у тебя.

— Отец, как вы думаете, что мы будем делать...

— Вы найдёте путь. Вы должны.

Он был прав.

Либо мы проделаем весь путь до Элизии.

Либо нет.

— Оливер не захочет ехать, — заверила я отца Гариуса. — Он слишком умён. Когда мы в детстве играли в драконов, он всегда был деревенским жителем, который рассказывал храброму рыцарю о драконе. Мне самой пришлось играть роль дракона и рыцаря!

Отец Гариус отвернулся, и я могла бы поклясться, что он сделал это, чтобы скрыть улыбку. Но когда он снова посмотрел на меня, его глаза были серьёзными.

— Мы будем скучать по тебе здесь, Тессана. Ты была экзотическим цветком нашего существования цвета пшеницы.

Я улыбнулась своему наставнику, человеку, который вырастил меня.

— Но пшеница выглядит как золото при свете, отец. Экзотический цветок бледен по сравнению с великолепием золота.

Его глаза наполнились эмоциями, и я повторила выражение его лица, не в силах сдержать глубокое сожаление о том, что оставляю его здесь.

— Вот почему королевство нуждается в тебе, Тессана. Вот почему ты должна вернуться домой.

— Увижу ли я вас когда-нибудь снова? — из уголков глаз скатились слёзы, но я не стала их смахивать.

Он покачал головой и слегка улыбнулся.

— Моя дорогая, здесь наши пути расходятся. Но для того, чтобы я нашёл свой, а ты свой. Я не понимала. Я хотела задать ему ещё несколько вопросов, пригласить его в замок,

как только установлю свое правление. Но он поднёс палец к губам, и я поняла, что этот беспрецедентный момент разговора подошёл к концу.

Вместо этого я сказала ему:

— Мы уедем рано утром. Мы пойдём через Кашу. Через Золотые равнины. Сейчас лето, жара может быть проблемой, но...

Отец Гариус прищёлкнул языком, и я обратила на него всё своё внимание. Он резко дёрнул подбородком.

— Вы не хотите, чтобы я шла через Кашу? Но это самый прямой путь, я думала...

Основа прищёлкнул языком. Я проглотила разочарование. Было намного проще, когда он говорил со мной.

— Вы же не хотите, чтобы я пошла через Теновию?

Он кивнул.

Я застонала.

— Но участок Теновии, граничащий с Хеприном, лес Теллекан, — он улыбнулся мне. Мне хотелось кричать. — И не просто какой-нибудь участок Теллеканского леса, а Кровавый Лес! Вы не можете ожидать, что мы будем путешествовать по Кровавому лесу в одиночку и выживем!

Он снова кивнул.

Он действительно ожидал этого.

— Мы умрём ещё до наступления ночи. В этих лесах обитают такие же призраки, как и в Денамоне.

Магия была изгнана из королевства тысячи лет назад. И всё же слухи о коварной чёрной магии, кишащей в Кровавом Лесу, пронеслись по всем девяти королевствам. Даже в нашей мирной, практичной стране мы жили в страхе перед тёмным присутствием сразу за границей.

Сами деревья, по слухам, были пропитаны злой магией, скрывающей тёмные тайны и теневых монстров. Единственными, кто отваживался бродить по этим лесам, были воры, поджидающие, как пауки в паутине, свою следующую жертву, и язычники, исповедующие запрещённую религию.

Строгий взгляд отца Гариуса заставил меня проявить непочтительность. Я проглотила свой ответ.

— Прекрасно. Пойдём через лес Теллекан, — по крайней мере, мне не придётся беспокоиться о реакции дяди на моё внезапное появление на его пороге. Бандиты и призраки убьют меня первыми.

К этому времени на следующей неделе я буду вознесена на огненный алтарь в качестве жертвы девственницы языческому богу бурундуков.

Он протянул мне сумку, в которой хранил корону, и я неохотно убрала тяжёлую золотую драгоценность обратно в потайное отделение на дне сумки. Я встала, внезапно почувствовав, что мне не терпится собрать вещи для предстоящего долгого путешествия.

Отец Гариус успокоил меня, мягко положив руку мне на плечо. Он медленно встал, показывая свой возраст скрипом суставов и прерывистым дыханием. Он шагнул вперёд и заключил меня в тёплые объятия.

В горле снова появился комок. Я не могла вспомнить, когда в последний раз кто-то обнимал меня. Жест показался незнакомым и чужим.

Мои руки запоздало затрепетали и легли ему на спину. От него пахло сеном и маслом,

которым зажигали храмовые фонари. Я закрыла глаза и запечатлела этот момент в памяти.

Я никогда его не забуду.

Он отступил назад, и я перекинула сумку через плечо. Я без оглядки выбежала из комнаты. За закрытой дверью я снова вытащила корону, зная, что не смогу сделать это снова, пока не доберусь до своей родины.

Я провела пальцами по выгравированным виноградным ветвям, которые украшали основание. Они переплетались друг с другом, обвиваясь вокруг сверкающих бриллиантов, которые увеличивались в размерах к центру короны. Главный рубин был размером с половину моего кулака и сверкал, отражая свет свечи. В его поверхности я видела своё размытое изображение.

Я закрыла глаза снова и надела корону. Под её весом моя голова наклонилась влево. Глаза наполнились горячими слезами.

Когда я снова открыла глаза, остатки солнечного света пропали за искрящимся одеялом звёзд и молочного лунного света. Я сняла с головы корону, растирая занемевшую шею. Я открыла сумку, чтобы положить корону, но что-то привлекло моё внимание, что-то было спрятано в глубине.

Мои пальцы сомкнулись вокруг тонкой серебряной цепочки, и я вытащила кольцо из сумки. Серебряный кулон в форме слезы свисал с цепочки, оформленный бриллиантом и сапфиром.

Я потёрла пальцем камни и почувствовала тёплую волну, прошедшую по телу.

Ещё одно забытое воспоминание всплыло в моём мозгу.

Шуршали осенние деревья, их ярко-красные листья слетали на землю с каждым порывом ветра. Воздух пах зимними кострами и остатками тёплой погоды. Красноватое солнце низко висело в небе. Скоро придёт время возвращаться в дом. Наши мамы будут нас искать.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал он мне.

Он был старше меня и никогда не позволял мне об этом забывать. Не то, чтобы я забыла. Я посмотрела на него глазами, полными любопытства. Я не понимала, почему он хочет проводить со мной время. Ему нравились мои братья. Они всегда пытались вовлечь в его в игры и весёлые проделки. Но он оставался со мной. Даже когда я хотела делать девчачьи глупости, как он называл это, например, собирать осенние листья, чтобы украсить мой праздничный головной убор.

Я смотрела на него, восхищаясь тем, каким сильным он выглядел, особенно для мальчика одиннадцати лет. Его голубые глаза были яркими даже в угасающем свете.

— Что это?

— Ты должна носить его, — ответил он. — Это покажет всему королевству, что ты предназначена для меня.

Я сморщила нос.

— Я не твоя.

Он сделал шаг ко мне, держа кольцо, чтобы я взяла его. Я не могла отвести от него глаз. Когда он вёл себя таким образом, резко и требовательно, это напоминало мне, что однажды он станет королём. Он может быть не королём такого влиятельного королевства, как мой отец, но влияния у него будет достаточно. У него будет своё собственное королевство.

— Ты будешь, — настаивал он. — Наши отцы подписали бумаги сегодня утром.

Поэтому мы здесь. Поэтому назначили праздник. Когда ты достигнешь нужного возраста, мы поженимся.

Во мне зажглось что-то горячее.

— Я думаю, что сама выберу, за кого выйти замуж. Отец не принимает за меня такие решения.

— Твой отец принимает за тебя такие решения, Принцесса. Мы обручены. Ты ничего не можешь с этим сделать.

Я вздернула подбородок.

— Я могу убежать.

— Думаешь, что можешь убежать от меня?

Я сделала шаг назад, внезапно опасаясь этого мальчика, которого знала всю жизнь. Однако он уже не казался мне мальчиком. Он казался совершенно другим созданием.

— Да. Думаю.

Он следовал за мной, когда я отступала.

— Я буду преследовать тебя.

— Тогда я спрячусь.

Он наклонился вперёд, ловя моё запястье своей большой и более сильной рукой.

— Тогда я тебя найду.

Моё сердце бешено билось. Я решила сменить тактику.

— Мальчики не любят жениться. Алекс постоянно жалуется из-за своего обручения. Он говорит, что будет подкладывать жаб в её туфли и намажет пастой её расчёску.

Он раскатисто рассмеялся.

— Алекс изменит своё мнение, когда придёт время жениться. Я уверен, что он оставит расчёску принцессы Каши в покое.

— Откуда ты знаешь? Он на целый год старше тебя.

— Да, но у него есть противные младшие сёстры, из-за которых он боится всех женщин. У меня нет. Так что, мне нечего бояться, — я открыла рот, чтобы возразить, но он легкомысленно оборвал меня, — кроме того, я видел принцессу Каши. Он не будет жаловаться, когда познакомится с ней.

Теперь я чувствовала горячий гнев уже по другой причине.

— Ты ничего не знаешь.

Он сделал ещё один шаг ко мне.

— Я знаю, что ты ещё красивее, чем принцесса Каши. Я знаю, что женюсь на тебе. Я знаю, что у меня для тебя есть подарок, если ты перестанешь со мной спорить.

— Ты можешь отдать мне свой подарок, — сказала я ему тоном королевы. — Я потом решу, хочу ли выходить за тебя замуж.

Он тепло улыбнулся мне и протянул кольцо. Два камня танцевали на лёгком ветерке, позвякивая о серебряную подложку в форме слезы.

— Тебе нравится?

— Оно прекрасно, — прошептала я.

Он надел его мне на шею. Оно было слишком длинным. Оно свисало до пояса моего бархатного платья.

— Я хотел, чтобы ты всегда носила его. Даже когда мы станем старше.

Я дотронулась до красивых камней, один изображал моё королевство, а второй — его.

— Что, если я решу не выходить за тебя?

Он пальцами дотронулся до моего подбородка, и я ещё раз посмотрела на него.

— Тогда можешь оставить его как символ моего разбитого сердца.

Я улыбнулась, хотя инстинкт говорил мне бежать.

— Ты всегда сможешь жениться на принцессе Каши.

Его смех наполнил прохладный воздух теплом, а тьму неожиданным светом.

— Тесса, жду не дождусь, когда ты станешь королевой.

Я надела кольцо и кулон с камнями звякнул у меня на груди. Но я не буду королевой его королевства.

Я буду королевой своего.

ГЛАВА 4

— Слишком рано, чтобы начинать путешествие, — ныл Оливер рядом со мной.

Я неохотно признала, что он прав, утренний холод проникал под мой плащ, сквозь муслиновое дорожное платье и пробирал до костей. Я спотыкалась о камни и лежащие ветки.

У братства не было свободных лошадей для нашего путешествия, так что нам с Оливером придётся пересечь девять королевств пешком. Мы несли только несколько буханок хлеба, шесть яблок, немного солёного мяса, и монеты, которых будет достаточно только для того, чтобы не умереть с голоду, если мы выживем в лесах Теновии.

Если быть честным, нам не нужно пересекать все девять королевств. Только три располагались между Храмом Вечного Света и центральной частью королевства, где Элизия сияла как бриллиант в короне и Место Силы.

Сквозь мои размышления донёсся голос Оливера:

— Ты меня слушаешь?

— Да, — ответила я. — Ещё рано. Ты замёрз. Ты устал. Ты капризничаешь.

Он локтем ткнул меня в предплечье, и я почти споткнулась о свои собственные ноги.

— Я говорил о преимуществах караванного передвижения, по меньшей мере, семь минут. Я привёл несколько хороших доводов! Теперь мне нужно начинать снова. Ты слышала *что-нибудь* из того, что я сказал?

Мы были в дороге всего два часа, а я уже была совершенно вымотана.

— Ни слова, Оливер *Молчаливый*. Поразительно, как часто и громко ты разговариваешь. Я удивлена, что дома, мимо которых мы проходим по пути не пробудились от своего мирного сна, чтобы выразить своё мнение по поводу путешествия на лошадях.

Он нахмурился на меня.

— Не нужно грубить. Я *могу* помолчать. Когда хочу.

— И я *могу* быть доброй, когда хочу, — вздохнула я, сожалея, что была груба. — Я нервничаю из-за путешествия.

Солнце потеплело и превратило серое небо в панораму пастельных цветов. Мазки розового, фиолетового и индиго тянулись по пробуждающемуся простору над головой, и день оживал с полной силой.

Он снова ткнул меня локтем, и его торба повторила движение тела.

— Ох, маленькая королевская особа, не о чем волноваться! Эти дороги очень оживлённые. Это означает, что у нас будет много попутчиков и мятежники останутся в стороне. Мы прибудем в ваше бесценное королевство в целости и будем волноваться только

О ванной.

Я подняла бровь.

— И как часто ты путешествовал по этим оживлённым дорогам, *маленький монах?*

Его улыбка померкла.

— Ты волнуешься по пустякам, — настаивал он. — Мы знаем, как о себе позаботиться. Нечего бояться.

* * *

Через две недели Оливер понял, что это было не совсем правдой.

Мы стояли на границе между Хеприном и Теновией и не знали, куда идти дальше. Дорога из Хеприна раздвоилась на два одинаково извивающихся пути. Над каждой дорогой нависал лес, почти полностью загораживая солнце.

Две страны не могли сильнее отличаться друг от друга. Пейзаж Хеприна стал включать в себя островки деревьев, открывавших немного солнца, свет, казалось, исчез совершенно, когда мы оказались на границе нашего идиллического королевства Хеприн и Кровавым Лесом Теновии. Дорогу больше не обрамляли дикие цветы и высокие травы, танцующие на ветру. В окнах аккуратных домиков по бокам дороги больше не было ящиков с цветами и садов на маленьких участках земли. Просторные холмы, прославляющие Свет, уступили место корявым заплаткам, поросшими высокими деревьями и, наконец, это были уже не заплатки, а толстые стены смертельного леса, к которым не прикасалась рука человека.

Теновия не была наполнена светом, солнцем и цветами. Теновия была ничем иным, как чёрными деревьями, толстыми, как башни замка, переплетёнными корнями, которые пробивали себе путь сквозь липкую землю, и тенями, которые, казалось, меняли форму и таились во тьме.

— Отец Гариус сказал нам держаться к Северу, когда возможно, — напомнил мне Оливер. — Дорога направляется на Юг, и это в конечном итоге приведёт нас в Пылающую Пустыню, и к работорговцам, которые продадут нас тому, кто даст лучшую цену.

Я прикусила нижнюю губу.

— Но, кажется, эта дорога более оживлённая. Безопаснее.

— Почему это? — спросил он с искренним удивлением.

— Там свет, — и он там был, хоть и минимальный.

— Где?

Я переминалась с ноги на ногу

— Ну, может быть не совсем свет. Но я вижу цветы. И если там цветы, то должен быть свет. По крайней мере, часть времени.

— Мы не будем выбирать дорогу, исходя из того, где растут... сорняки. Нам нужно выбрать северную дорогу. Меньше вероятность нарваться на орды Ворестры.

— Скорее мы встретим Армию мятежников, — я пыталась побороть свежую волну страха.

Он пробормотал:

— Отец Гариус сказал держаться севера. Нам нужно идти на север. Каждая дорога опасна.

Он был прав.

Я указала подбородком на северную дорогу и пошла вперёд.

— Ты прав. Мы можем о себе позаботиться. Ты сам это сказал, так?

Я слышала, как он сглотнул, но не бросила на него взгляд. Я бы потеряла терпение, если бы он дал мне причину.

У нас была примерная карта, которую дал нам Отец Гариус для ориентации во время путешествия, но на ней не были указаны все дороги, которые нам встречались, и ничего из того, что мы видели в последнее время, не совпадало с ней. Мы или были на совершенно другом пути, чем собирались, или карту надо было править.

И это было очень возможно.

Отец Гариус только однажды оставлял Храм Вечного Света и ему выдали меня в качестве подарка на прощание.

Без сомнения, он больше ни разу не выйдет за ворота Храма.

Температура упала, и я вся покрылась мурашками. Стволы деревьев здесь в объёме были такими же, как домики в Херпине, которые мы оставили позади, и возвышались так высоко, что, готова поклясться, доставали до солнца. Их тяжелые ветви обвивались вокруг друг друга и переплетались, образуя непроницаемый для света полог.

— Выглядит зловеще, — сказал Оливер со смешком. — Было удовольствием быть знакомым с вами, Принцесса.

Я не обратила на него внимания.

Мы ещё двадцать минут шли в тишине, прежде чем у Оливера закончилось терпение.

— Что в Ордах Ворестры делает их лучше, чем армия мятежников? Я никогда не мог до конца понять отличие в способах смерти от наших потенциальных угроз.

— Если Орды Ворестры поймут нас, они отрежут нам головы, насадят их на колья на стенах вокруг города и съедят наши сердца сырыми.

— Драконья кровь! — выругался Оливер. — Просто за то, что перешли границу?

— За то, чтобы выжить, — сказала я ему. — Головы должны отпугивать ночных драконов и работорговцев. Сердце — это деликатес.

— Драконы, — выдохнул Оливер. — И ты предпочитаешь Ворестру Теновию? Ты сошла с ума?

— Мы бы остались около границы, уменьшая риск быть пойманными. Но ты прав. Вероятно, это бы не сработало. Я слышала, что Орды сейчас пристально наблюдают за границами.

— Сейчас все королевства пристально наблюдают за границами.

Меня наполнила пустота. У меня болело сердце за то королевство, королевство, которое когда-то было свободным и процветающим. Королевство, где люди доверяли друг другу. Моя жажда изменить это теперь расцвела в настойчивую цель. Она зародилась в ступнях и прошла по венам, наполняя кровь и кости решимостью.

Оливер снова заговорил, неспособный оставить мирную тишину в покое.

— По меньшей мере, мятежники не съедят наши сердца.

— Нет, они просто будут топить нами костры, чтобы не рубить свои святые деревья.

Оливер резко вдохнул, и это был последний звук на несколько часов, который я слышала от него.

— Нужно остановиться на ночь, — сказала я ему, когда тусклый дневной свет угас и превратился в сумерки раннего вечера. — Сейчас, пока окончательно не стемнело.

— Ты имеешь в виду, что мы будем спать на открытом месте? — он старался сохранить голос спокойным, я слышала, что он дрожит. Сон под открытым небом не беспокоил нас в

Хеприне. Но сейчас мы пересекли границу Теновии, и было невозможно не бояться неизвестности.

— Я вижу впереди свет, — показала я на поворот дороги. — Он достаточно яркий, чтобы быть таверной. Будем надеяться, что они просят не слишком много.

Я опустила руки и пальцами обхватила ручку сумки. Я не могла решить, что более опасно — встречаться с людьми или пытаться избежать их. Но страх Оливера был как раз к месту. Мы не могли спать под открытым небом в этом лесу, особенно если хотели сохранить конечности прикрепленными к телу.

В тишине мы подошли к двери хижины, скользнули внутрь и нашли маленький столик в дальнем углу комнаты. Больше всего я хотела схватить руку Оливера и держаться за неё, но я не могла позволить незнакомцам увидеть, как я нервничаю. Мне нужно было сделать всё, чтобы защитить корону.

Казалось странным быть окружёнными людьми, когда проведёшь столько времени в изоляции. Тепло огня согрело мою замёрзшую кожу. Я держала сумку близко к себе, она уже стала частью моего тела.

Я обеспокоенно смотрела на лица и осматривала комнату. Казалось, каждая пара глаз узнавала меня. Мне очень хотелось пригладить волосы. Ни одно из этих лиц не было мне знакомо, и я не знала, почему ожидала встретить кого-то знакомого. Но мои чувства заменила паранойя.

Я ничего не могла с собой поделать и чувствовала, будто за мной следят. Что каким-то образом они меня видят. Видят то, что я несу. Что даже сейчас они планируют, как убить меня.

Мою семью предали и убили, и мы даже не знаем, кто были эти люди. Они избежали наказания. Они свободно ходили по королевству, как им заблагорассудится.

Я покачала головой. Прошло восемь лет. Я была ребёнком. Теперь я была женщиной, взрослой и изменившейся.

Никто не узнал бы меня. Это было невозможно.

— Что будем делать? — с нотками истерики прошептал Оливер.

Я посмотрела в огромные карие глаза и пожалала плечами.

— Я не знаю. Я раньше никогда не была в таверне.

Он наклонился вперёд, сжав пальцами края маленького столика.

— Я тоже!

— Что? Как это возможно?

Его щёки порозовели от смущения.

— Я с младенчества жил в монастыре. Когда у меня была возможность посетить такое место, как это?

Я наклонилась и понизила голос до шепота.

— Я выросла во дворце! Почему ты думаешь, что у меня есть опыт, которого нет у тебя?

Он нахмурился, его черты лица изменились от веснушчатого монаха до дикого хорька.

— Так что мы будем делать?

— Ты пойдёшь и попросишь комнату, — сказала я ему.

— Я?

— Я не могу, я женщина!

Его вздохом гордился бы даже Отец Гариус.

— Если я там умру, — он показал на стойку, где дородный мужчина с маленькими

глазами и без шеи стоял и наливал в кружки эль. — Скажи моей матери, что я добровольно отправился в путешествие, чтобы спасти принцессу.

Я сжала губы, чтобы удержаться от улыбки.

— Клянусь жизнью, я не позволю ей поверить ни во что другое.

Он продолжал ворчать, идя по комнате и пытаясь избежать людей на своём пути.

Завсегдатаи таверны были уже изрядно разгорячены элем. Я наблюдала, как мужчина размером в полдерева махнул своей кружкой и выплеснул янтарную жидкость на бедного Оливера.

Я была уже готова позвать его, когда ещё один гигантский мужчина перекрыл обзор.

В углах его рта пенилась слюна, и он проревел:

— Девочка.

Я подняла брови и ждала продолжения.

— Тебя не должно здесь быть, — прорычал он.

Его громоподобный голос привлёк внимание нескольких окружающих столиков.

Мои щёки покраснели. Осмотрев комнату, я заметила, что большинство посетителей были мужчины и были такими же высокими и широкими как и он.

Чёрт возьми, все завсегдатаи были мужчинами.

Я распрямила плечи. Ножки стульев скрипели по полу, когда несколько мужчин встали на ноги.

— В чём дело? — я слышала, как спросил один из них.

— Здесь девушка, — прорычал кто-то ещё.

По комнате прокатился неистовый грохот.

Что они имели против девушек?

— Я так понимаю, вы не принимаете девушек? — спросила я первого бегемота.

— Никаких девушек после заката, — его мясистый кулак махнул в сторону двери. — Тебе нужно уйти.

Мои плечи со вздохом опустились. Я открыла рот, чтобы возразить, но Оливер протиснулся сквозь толпу и появился рядом со мной.

— Мы — путешественники, — объяснил он. — Мы не знали о ваших правилах.

Выражение лица мужчины сменилось от ярости к раздражению. Очевидно, они уже имели дело с нежелательными женщинами. Он сделал шаг назад, но всё ещё указывал на дверь.

— Женщинам не дозволено быть на улице после наступления темноты, — пропыхтел он, когда я встала.

— Почему нет? — слова вырвались раньше, чем я смогла остановить их.

Он наклонился вперед, и я вдохнула кислый запах эля и животных.

— Демоны предпочитают девчушек, — похотливая ухмылка приподняла влажные уголки его рта. — Они на вкус слаще, чем мужики.

— Демоны? — сглотнул Оливер.

— Они населяют эти леса, — объяснил мужчина, и другой мужчина рассмеялся, как будто они шутили. Это не был радостный смех, и смех не был дразнящим. Звук был нервным, и по моему позвоночнику побежали мурашки. — Демоны тебя найдут, милочка, — сказал он мне. — Они любят появляться, когда ты блуждаешь по Кровавому Лесу в темноте. Они любят утаскивать людей в Деннамон.

У меня закружилась голова. Я не боялась демонов, блуждая по Кровавому Лесу после

наступления темноты. И всё же эти люди верили в проклятие леса сильнее, чем все, кого я до этого встречала. И они здесь жили. Здесь был их дом.

Внимание мужчины переключилось обратно на Оливера.

— Отведи её куда-нибудь, или лес заберёт у тебя твою симпатичную компаньонку.

— С-с-пасибо, — заикался Оливер.

Я обхватила ручку сумки пальцами и сжимала до тех пор, пока пальцы не стали холодными и не онемели. Вероятно, было бесполезно упоминать, что я уже была в безопасном месте, и что это он отправлял нас обратно в тёмную неизвестность.

Я ещё раз взглянула на лица мужчин, собравшихся вокруг. Нет, здесь мы не найдём помощи.

Оливер взял моё запястье дрожащими пальцами и потащил меня к двери.

— Думаешь, если я хорошо попрошу, они укажут направление к ближайшему замку?

Я сжала губы, чтобы не засмеяться. Я не поняла, шутит Оливер или нет.

Посмотрев на тролля со строгим лицом, я покачала головой.

— Сомневаюсь. Десять к одному, он бы предпочёл, чтобы демоны нашли нас, как только мы выйдем наружу.

Оливер фыркнул.

— Очень полезно.

— Вы сказали, что вы путешественники?

Я подпрыгнула, напуганная грубым голосом, доносившимся от двери таверны. Его голос был почти не слышен за хохотом мужчин, наблюдавших, как мы уходим, если бы я не так нервничала, я бы вообще его не услышала.

Я посмотрела на мужчину, прислонившегося к дверному проёму. Он был почти полностью скрыт под чёрным плащом с капюшоном, надвинутым низко на глаза. Я могла рассмотреть только неряшливую бороду, закрывающую нижнюю половину его лица.

— Кто? — Оливер большими глазами смотрел на мужчину. — Мы?

— Вы путешественники? — медленно повторил мужчина в плаще.

— Д-д-да, — ответил за нас Оливер. — Мы на пути к... к... тётушке.

Я ткнула друга локтем в бок и нашла глубокое удовлетворение в его тихом стоне. Но, правда, Оливер? Нашей тётушке?

— Бумаги, — потребовал незнакомец.

Я изучала его и пыталась не паниковать. Остальные мужчины Теновии были сложены так же крепко, как деревья. Они были созданы для тяжёлой работы в лесах, чтобы рубить древний лес, и тащить древесину в разные концы королевства. У незнакомца не было их сложения и роста, но он был не менее угрожающим.

Его плащ не помогал. Я представила разнообразное оружие, спрятанное в складках. Его руки в перчатках лежали на рукоятке чего-то, что казалось очень острым. И он держал лицо в тени, и я могла разглядеть только его сильную челюсть.

Если бы только я видела его лицо, я могла бы расслабиться. Я бы могла...

— Бумаги? — взвизгнул Оливер.

Так много для стража, чтобы защитить меня. Выглядело так, как будто я защищаю Оливера.

— У вас должны быть бумаги, если вы не из Теновии. Иначе нам придётся предположить, что вы — мятежники.

— Нет! — взвизгнул Оливер. — Мы не мятежники.

Он взглянул на меня, нервно ёрзая, переминаясь с одной ноги на другую. Я ущипнула его, чтобы он успокоился.

Это не сработало.

— То есть у вас есть бумаги, — предположил незнакомец.

Голос Оливера было едва слышно.

— Не совсем...

— Тогда вам придётся пойти со мной, — сказал ему незнакомец. — Вы нарушаете границы.

Нарушаем границы?

Они найдут корону через несколько минут. Мы были в дороге только две недели. Мы только вчера покинули Хеприн!

— Они с нашими лошадьми на улице, — солгала я так быстро, как смогла придумать. — Они на... улице. С лошадьми.

— С вашими лошадьми? — сухо спросил мужчина. — На улице?

Я кивнула.

Он махнул рукой в сторону, мелькнула загорела кожа. Он толкнул дверь, пока я обдумывала, как у мужчины из этого королевства может быть такая бронзовая кожа. Мужчины у нас за спиной были все белые и нетронутые солнцем.

— В любом случае, — прорычал он. — Показывайте дорогу.

Оливер вышел первым, бросив вороватый взгляд через плечо. Я следовала за ним по пятам, толкая его в спину. Я чувствовала на себе взгляд из тени и с усилием подавила истерику.

Как только мы вышли в прохладную ночь, моё прикосновение стало твёрже.

— Беги! — шёпотом я закричала Оливеру в ухо. — В лес! Беги!!!

К счастью, после всех лет проказ и наказаний, он знал, когда нужно слушаться без промедления. Мы оба метнулись вперёд одновременно и побежали в сторону от главной дороги к ближайшему скоплению возвышавшихся деревьев. Кровавый Лес простирался перед нами, бесконечное скопление теней.

Крики незнакомца доносились позади нас, побуждая нас бежать быстрее.

Может быть, демоны ждали нас в переплетённой чаще. Но что угодно было лучше, чем позволить надоедливому констеблю утащить нас в тюрьму только для того, чтобы провозгласить себя следующим Королём Элизии и повелителем всего королевства только потому, что у нас не было сопроводительных бумаг.

ГЛАВА 5

Это была ужасная идея.

Тюрьма была бы значительно лучшим вариантом, чем вслепую бежать через смертельный лес Теллекан.

Я спотыкалась о корни, когда ветки, похожие на корни, впивались в моё лицо и одежду. Ветви поймали мою косу, и я едва не упала, когда низко висящая ветвь внезапно появилась передо мной.

Я не знала, что случилось с констеблем. Он мог быть сразу за нами или даже сбоку, но завывание ветра и шум листьев накладывались на бешеное биение моего собственного сердца и наши спотыкающиеся шаги, и эти звуки поглотили все остальные.

Неспроста считалось, что лес населяли призраки. Вой чего-то жестокого и дикого преследовал нас, когда мы продирались вперёд, крепко держа друг друга за руки. Что-то дотронулось до моей спины, и я вскрикнула. Мои ботинки стали тяжелее из-за грязи, налипшей на подошву и подол платья.

К чертям быть девушкой. Поэтому мужчины Теновии запирали своих женщин по ночам. Мы очень плохо бегали из-за всех слоёв материи и неудобной обуви.

Если я когда-нибудь доберусь до своего королевства, первым делом я сожгу в пепел все платья, нижние юбки и корсеты. Мы будем носить брюки как мужчины.

— Драконья кровь! — прошипел Оливер, когда почти столкнулся с деревом толщиной с коттедж в Херпине. Он споткнулся и остановился, всё ещё держа меня за руку. — Думаю, мы оторвались.

Я тяжело дышала, холодный ночной воздух колот мои лёгкие с каждым вдохом. Я дико оглянулась вокруг, но видела только на несколько футов вокруг себя. Ночь была угнетающей под покровом леса, почти физически ощущалась её густота.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю, — задыхался он. — Но я бы лучше испытал судьбу, чем умер от того, что врежусь головой в дерево. Не очень представительно, так?

— Нет, сгнить в тюрьме — это гораздо более утончённо.

— Точно.

— Точно?

Он проигнорировал мой сарказм.

— И что теперь?

— Что ты имеешь в виду, и что теперь? Мы посреди жуткого леса без надежды найти дорогу в темноте. Мы только что убежали от констебля из Теновии, потому что у нас не было сопроводительных бумаг и поэтому мы находимся в этой стране нелегально. И та небольшая надежда на горячую еду, что у нас была, испарилась. Я полагаю, нам остаётся только лечь и умереть.

— Погоди, — пропыхтел он. — Ты ужасно мрачная.

Я решила ему не отвечать. Вместо этого я досчитала до десяти.

Неподалёку зашевелились кусты.

— Что это? — взвизгнул Оливер.

Я обнаружила, что сжимаю его руку.

— Я не знаю, — прошептала я. — Белка?

— Возможно, сова. Они — ночные создания.

Кусты снова зашевелились, их яростно трясло от корней до верхушек. Я прищурилась в темноте, но разглядела только неясное очертание возвышавшейся изгороди.

— Может быть, это наш констебль?

Оливер кивнул и дёрнулся всем телом.

— Он нас нашёл, — вскрикнул он. — Он потащит нас в тюрьму и запрет там на ночь!

— И там будет горячий суп. И ванна.

— Не думаю, что в тюрьме есть ванны, — заспорил Оливер.

Я ещё сильнее сжала его руку, пока мы ждали, какую форму примет хруст ветвей.

На самом деле, нам не надо было прекращать бежать. Но я винила страх в том, что мы приросли к месту. Страх и ненормальное любопытство.

Внезапно стена кустарника разделилась. Ветки наверху разломались прямо посередине,

как поражённые громом. Огромный вепрь метнулся вперёд, фыркая в землю и испарывая воздух парой клыков. Он топнул ногой и покинул своё убежище из листьев. Красные глазбусинки горели в темноте, нацеленные на нас, и потом он бросился вперёд с клокочущим голодным воплем.

Мы застыли еще на секунду, достаточную для того, чтобы представить, какова будет смерть на этих толстых, изогнутых клыках, слишком удивлённые и напуганные, чтобы что-то делать. Я испустила душераздирающий вопль, или, возможно, это был Оливер, и мы снова побежали.

Вепрь без проблем преследовал нас сквозь заросший лес. Его копыта лучше подходили для преодоления узловатых корней, которые поднимались из земли, как скалистые утёсы над Кристальным Морем. Он рычал и фыркал и загонял нас глубже в дебри, его мощные копыта отскакивали от коры без труда. К нашему счастью, хищник был высок и толст, и он не всегда мог протиснуться в узкое пространство между деревьями, как мы.

Мои лёгкие начали болеть и горло жгло. Я волочила ноги под слоем грязи, собравшимся у меня на ботинках. Я была хорошо физически подготовлена после восьми лет бесконечных обязанностей по хозяйству в замке, но день был длинным и бежали мы уже давно. Сейчас уходили последние унции сил.

— Нам нужно что-то делать, — я сжала руку Оливера. — Нам нужно вверх! — Если мы задумаемся хоть на секунду, чудовище покарает нас за нерешительность.

Мы с Оливером разжали руки одновременно. Мы подпрыгнули до нижних ветвей огромного дерева. Мои пальцы скользили по замшелой коре, но я впились ногтями и упёрлась ногами в ствол. Грязь, которая меня замедляла, теперь работала, чтобы приклеить мои туфли к скользкому стволу.

Потратив последнюю каплю сил, я подтянула ноги и обвила их вокруг ветки. Я успела только выгнуть спину, как чудовище бросилось на меня. Моё платье, свисающее вниз, колыхалось от движения воздуха, произведённого его падением. Я поблагодарила Свет за то, что убийственное создание было слишком низким и толстым, чтобы прыгать.

Вепрь ударил в соседнее дерево, и оно громко треснуло, когда он вонзил свои острые клыки в толстый ствол. Разозлившись, он вытащил клыки и побежал обратно в нашу сторону. Оливер закричал, когда смертельные клыки коснулись его спины и прорвали дыру в сутане монаха.

Я почти рассмеялась скорости, с которой он полез выше, демонстрируя силу и сноровку, полученную неизвестно где. Когда я слышала пыхтение и топот толстых копыт, когда чудовище готовилось напасть ещё раз, я последовала примеру Оливера.

Забраться на ветку было непросто, особенно когда ноги постоянно запутывались в длинном подоле платья. Но, в конце концов, я умудрилась встать, обнимая кору самого толстого дерева, которое я когда-либо видела.

Вепрь рычал на нас. Он снова напал, несясь вперёд со скоростью, на которую, как я думала, он не способен. Его плоская голова, похожая на луковицу, была низко наклонена и его изогнутые клыки торчали вперёд, когда он ударился головой в наше убежище.

Мои пальцы впивались в кору, пока не заболели, и дерево задрожало от силы удара. Одна нога Оливера соскользнула с ветки, и он опасно раскачивался, махая руками в попытках удержать равновесие.

— Выше! — закричала я, перекрывая рычание зверя.

Мы старались забраться в джунгли веток, пока вепрь отходил для большего ускорения.

— Что это за существо? — отчаянно кричал Оливер.

Мои ботинки были предназначены для ходьбы на длинные расстояния, но их подошвы уже стёрлись за последние две недели. Я отчаянно пыталась удержаться. Пальцы горели, и грудь сковывала паника.

— Вепрь, — выдохнула я, цепляясь за дерево, когда проклятое создание ударило ещё раз.

— Чёртов вепрь? — тьякнул Оливер. — И что он сделает, если собьёт нас?

Я с трудом сглотнула.

— Размозжит нам голову клыками, — я впиалась подошвами в трещины в коре. — Утащит нас в свою нору и будет есть нас несколько дней.

— Драконья кровь, Тессана! — он быстро вскинул руку. — Ты собиралась добиться моей смерти ещё до выхода? Или это спонтанное решение?

— Не надо устраивать драму, — как только он договорил, вепрь снова ударил основание дерева, от чего огромный ствол застонал и начал дрожать.

Мы остановились на широкой, плоской ветке, которая позволяла нам сесть вместе, прижав спины к стволу. Ветка изгибалась перед нами, создавая своего рода чашу, где можно было устроиться. Мы сняли свои сумки и держали их крепко перед собой, и прижавшись друг к другу.

— Ты когда-нибудь представлял жизнь за границами Хеприна? — спросила я его.

Он посмотрел вверх, на всё ещё шумящие ветви, в то время как создания всех видов торопились найти убежище на других деревьях.

— Никогда, — пауза была тяжёлой. — Я не хотел оставлять Хеприн. Что за смысл представлять жизнь за его пределами?

— Тогда ты зол на меня? Расстроен, что тебя заставили сопровождать меня?

Он подвинулся глубже в убежище широкой ветки, положив голову на чёрную поверхность.

— Боюсь, если скажу нет, то меня стряхнут с этого дерева на обед этому существу. Спроси меня снова с утра. Когда я не буду так обеспокоен размозженными мозгами.

Я невольно улыбнулась. Это был не тот ответ, которого я искала. Но и не тот, который я не хотела услышать.

Как бы ни был напуган Оливер, он сразу же уснул. Вскоре его голова скатилась на сторону, и стало доноситься мягкое посапывание. Я прижалась к его тёплому телу и пыталась не обращать внимания на холод, проникающий под покрытую грязью одежду.

Я решила дать Оливеру поспать, пока я посторожу. Опасные существа были не только на земле, деревья тоже могли таить опасность.

Пока мы путешествовали по Хеприну, мы могли спать на обочине дороге или найти приют в дружелюбной семье, которые были так добры, что могли приютить странников на ночь.

Сейчас ничего этого не будет. Не будет тёплых очагов. Не будет завтраков перед продолжением пути. Не будет больше удобства и заботы до тех пор, пока мы не пересечём границу Элизии.

Я подсчитала, сколько это займёт. Если мы всё ещё движемся в правильном направлении... если мы сможем найти дорогу в лесу с утра... если мы доживём до утра...

Недели.

Перед нами лежали недели, если не месяцы путешествия.

Даже тогда нам придётся понять, как пробраться через Мраморную Стену и выжить в Алмазных Горах. И всё это время нам нужно будет хранить корону в тайне. Нам нужно будет пройти незамеченными до тех пор, пока мы не достигнем единственного места, где корона будет в безопасности. Даже если я не буду в безопасности.

Путешествие, которое нам предстояло, казалось невозможным.

По моему позвоночнику бежал холодок, когда я смотрела в темноту. Я чувствовала на себя взгляд, почти как в таверне, из которой мы сбежали. Инстинкт подсказывал мне, что нужно быть особенно осторожной, предупреждал, что путешествие было не таким тайным, как я надеялась.

Но это было бесполезно. Со всей моей паранойей и страхом, я не могла видеть дальше своих ног. Темнота была слишком глубокой. Я моргнула при виде окружающих веток, но ничто не объявилось. Если кто-то за нами наблюдал, я надеялась, что он был так же слеп, как и я.

В конце концов, даже вепрь сдался. Дерево перестало дрожать от его непреклонных попыток, и вепрь ушёл.

Тишина опустилась на Кровавый Лес, нарушаемая только тихим посапыванием Оливера. Я запрокинула голову назад и уставилась в темноту над головой. Мне потребовалось несколько минут, чтобы успокоиться, но, в конце концов, я расслабилась.

Опасности, поджидающие нас, придут завтра. Мои веки стали тяжёлыми и я закрыла глаза, сама того не желая. Я обещала себе, что отдохну только минутку...

Воздух прорезал крик. Я моргнула и проснулась, недоумевающая и дезориентированная. На конце ветки, где мы спали, сидел ворон. Чёрные крылья вытянулись, и он взлетел, как только мой взгляд опустился на него. Он пропал в массе красных листьев и переплетении ветвей одним только взмахом крыльев.

Новые крики привлекли моё внимание к земле. Кто-то был в опасности. Кто-то маленький. Ребёнок. Тусклый свет пробивался сквозь полог листьев. Я проспала всю ночь. Ребёнок снова закричал.

У меня внутри скрутилась паника и заставила меня действовать. Мой локоть нашёл рёбра Оливера.

— Просыпайся! — потребовала я.

Он что-то пробормотал во сне, и, когда я наклонилась, чтобы перешнуровать ботинок, он скользнул по мне, ударившись головой и ствол.

И всё равно, он не проснулся.

Я потрясла его за ногу.

— Вставай, Оливер! — я впила пальцами в его бедро. — *Вставай!*

Он открыл глаз.

— Что случилось, Ваше Королевское Величество? Нужно вынести ночной горшок?

— В первую очередь, из тебя вышел бы ужасный слуга. Ты никогда не должен участвовать в делах с ночными горшками, — второе его веко поднялось, и он наградил меня сонной сардонической улыбкой. — Во-вторых, наши услуги нужны. Так что двигай своим стройным задом!

— Наши услуги? — он казался более проснувшимся.

Воздух снова прорезал крик, и я подняла палец, привлекая внимание к звуку.

— О, — он поднялся на ноги, безуспешно пытаясь ступить в любом направлении. — О, — я передала ему его сумку, чтобы он надел её. — Что это? — спросил он снова,

послушав с минуту.

— Я думаю, это младенец. Или маленький ребёнок. В любом случае, звук такой, как будто ему очень больно.

Спрыгнув вниз, мы снова осмотрели друг друга, чтобы убедиться, что ничего не оставили, потом отправились на звук криков.

Мы двигались так быстро, как могли, не зная точно, куда идём. К несчастью, звук заводил нас дальше в лес, вместо того, чтобы вывести из него. Мы пытались оставить отметки, чтобы найти дорогу обратно, но у нас не было времени, чтобы сделать это должным образом. С каждой секундой крики становились громче и отчетливее.

Между широкими деревьями и торчащими корнями было проще идти днём, но не намного. Мы шли сквозь густые заросли. С каждой минутой моя грудь сжималась всё сильнее и сильнее.

Что, если чудовище унесёт ребёнка прежде, чем мы доберёмся до них?

Что, если ребёнка уже унесли?

Что, если это вчерашний вепрь нашёл того, кем ему пообедать?

— Тесс, что там, как думаешь? — пропыхтел Оливер.

Я почувствовала, как он стал идти медленнее позади меня, и меня раздражала его внезапная нерешимость. Взглянув на него, я увидела, что он более обеспокоен, чем вначале. Его обычная трусость наконец-то проснулась.

— Ребёнок, — прошипела я. — Который в опасности. Нам нужно двигаться.

Настороженный взгляд Оливера метался от дерева к дереву.

— Ты не думаешь...?

Его замешательство ударило по моей решимости.

— Что, Оливер? Я не думаю, что?

— Драконья кровь, Тесс! Мы в Кровавом Лесу. Если там кричит ребёнок, почему мы бежим напрямиком к нему?

Его вопросы поколебали мою смелость. Какого ребёнка оставят одного, и тем более в Кровавом лесу? Дитя кричало так же громко, как всегда, и мой внезапный страх разбился. Я снова начала двигаться.

— Мы нужны ему, Оливер. Мы не такие люди, которые спокойно сидят, когда творится несправедливость.

Он не последовал за мной. Даже после моей зажигательной речи.

Я позволила себе ещё на минуту повернуться и нахмуриться на него самым серьёзным образом.

— Оливер Молчаливый! Не будь трусом!

Он сузил глаза, но сделал шаг вперёд.

— Ненавижу, когда ты добиваешься своего.

— А я ненавижу, когда приходится тебя оскорблять, чтобы добиться твоей помощи.

— Я не трус, — бурчал он, даже набирая скорость. — Я разумно осторожен. В отличие от некой принцессы, с которой я знаком.

— Хорошо, Оливер Осторожный. Ты решил свою участь. Если нас ожидает смерть, я позволю тебе быть правым.

— Я принимаю твои извинения, — парировал он.

Я смотрела ему в глаза, подтверждая, что он, фактически, был прав. У нас не было представления о том, что пряталось за ближайшим деревом и, тем более что за злобное

создание могло заставить ребёнка производить такие душераздирающие звуки. И всё же, мне нужно было сделать что-то. И я была благодарна за друга, который делает это что-то со мной, хотя знает, что лучше поступить по-другому. Я взяла его за руку, и мы побежали.

Наконец, мы добрались до оврага. Мы заглянули через край и обнаружили источник ужасных звуков, лежащий в самом низу ямы, покрытой грязью. У дальней стороны мелкий ручеёк был почти погребён под влажными листьями и вышедшими на поверхность корнями возвышавшихся деревьев.

Оливер сокрушительной хваткой вцепился мне в руку.

— Тессана, — прорычал он. — Это *не* ребёнок.

ГЛАВА 6

— Это ребёнок! — возразила я. — Только не человеческий. — Ноги понесли меня вперед, и я наполовину съехала по склону оврага, разбрасывая мёртвые листья и землю.

— Тессана! — закричал Оливер. — Я тебе не буду помогать!

— Подняться на гору или с малышом?

Оливер раздумывал несколько секунд.

— Ни в том, ни в другом.

— Очень хорошо, — вздохнула я. — Тогда мне придётся отправить тебя обратно к Отцу Гариусу. Ты сможешь там ему объяснить, почему не справился с заданием.

— Не будь безответственной.

Меня охватило раздражение. Я не ела ничего со вчерашнего скудного завтрака, и я слишком устала после сна на дереве, чтобы найти что-то весёлое в этой ситуации.

— Давай, Оливер. Увидим, как сильно я могу разозлиться.

Он мудро закрыл рот.

Малыш замолчал, когда я встала рядом с ним, слишком напуганный, чтобы издать хоть звук. Не человеческий ребёнок, а щенок белой лисы. Его белоснежная шёрстка разительно выделялась на фоне грязи и мрака окружавшего его леса. Он скрючился в ямке, почти скрытой изгибом большого корня. Поразительные зелёные глаза наблюдали за мной, пока я приближалась к его гнезду. Я чувствовала, как его маленькое сердечко быстро бьётся о такие же маленькие рёбра.

Я протянула руку, и он понюхал воздух прежде, чем снова поднять мордочку и испустить испуганный вопль. Я присела и попыталась его успокоить.

— Ну вот, крошка, — прошептала я. — Я не причиню тебе вреда.

Он не понимал меня. В конце концов, это была лиса. Но он откликнулся на мягкий тон моего голоса. Он прекратил кричать и снова исследовал мою руку. Понюхав воздух маленьким розовым носиком, он толкнул кончики моих пальцев и впился зубами в костяшку. Его маленькие зубки щекотали, и я посмеялась над отчаянной попыткой защититься.

— Какой ты суровый. Ты голоден? — спросила я. Он подвинулся ближе, показывая своё тельце в прекрасном белом меху. — Где твоя мама? — Я позволила ему грызть мой палец, пока осматривала окрестности в поисках подсказок.

Щенок продолжал жевать мой палец, пока я не убрала его. Я встала, чувствуя сомнения. Мать не оставит щенка одного, вот так. Малыш подвинулся к краю ямки, следуя за мной, но не оставляя свой дом. Его писк нарушал тишину.

— Он один? — спросил Оливер сверху.

— Насколько я вижу, — крикнула я в ответ. — Он просто малыш.

— Очень плохо, — вздохнул он. — Он не должен страдать в этом богом забытом месте.

Я согласилась. Рядом с высокими корнями кора была испачкана кровью, и её становилось больше при удалении от гнезда. Наконец, я нашла источник.

Мать разорвал на куски кто-то больше и злее её. Рядом с переломанным телом матери лежал ещё один лисёнок, с рыжим мехом, который почти полностью был пропитан засохшей кровью. В нескольких футах лежали останки лисицы крупнее.

Выпотрошенной.

Залитой кровью.

— Драконья кровь, — прошептала я. Щенок потерял всю семью.

Я оглянулась назад и его зелёные глаза наблюдали за мной из-за корня. Я почувствовала, как моя грудь разрывается от жалости.

— Мать и отец мертвы, — крикнула я Оливеру. — Как и брат.

— Тогда ему повезло, что он выжил. Хотя, это ненадолго.

Меня будто ударили в грудь.

— Тессана, нам нужно идти, пока светло. Нам нужно найти выход из этого ада.

В этом он тоже был прав.

Я наклонилась и подняла щенка.

— Он — это определённо она.

Я положила девочку в свою сумку и начала взбираться наверх, пока она пицала и когтями драла кожу. Мои покрытые кровью ботинки скользили по листьям, разбрасывая грязь и мелкие веточки. Когда я наконец-то вылезла и посмотрела на Оливера, он выглядел почище по сравнению со мной.

Поскольку с тех пор, как мы принимали ванну, прошло одинаковое количество времени, я имела полное право жаловаться, что это было нечестно.

Он вытащил веточку из моих торчащих косм.

— Как ты будешь о ней заботиться? С нами она тоже не выживет. По меньшей мере, если бы ты её оставила, то тебе не пришлось бы смотреть, как она мучается.

Она.

Я подняла подбородок и поняла, что найду способ.

— Она потеряла семью, Оливер. У неё никого нет, — сунув руку в сумку, я вытащила её. От ужаса её маленькие коготки вцепились мне в руку, и она держалась за меня так, как будто от этого зависела её жизнь.

Я держала её, чтобы Оливер мог её рассмотреть.

— Она в ужасе. Мы не можем её бросить.

Он наклонился ближе и понизил голос:

— Посмотри, какие зелёные глаза. Она особенная.

— Разве нет?

Он рассмеялся, когда она начала кусать его протянутый палец.

— Нам нужно найти что-нибудь ей поесть. Бедняжка умирает с голоду. Но не знаю, где в этом чёртовом кошмаре можно найти молока для маленькой бестии.

— Шикса, — прошептала я. Он вопросительно поднял бровь. — Так её зовут. Шикса.

— Это языческое слово, — в его голосе сквозило предостережение.

— Это означает "маленький воин". Моя мама так звала меня и моих братьев, когда мы

дрались.

— Твоя мать была язычницей? — Оливер встал и сделал шаг назад, как будто я заражу его воспоминаниями о религии моей матери.

— Нет, — ответила я. — Она не была язычницей. Но она знала язык. Она не отрекалась от него, как большинство людей сейчас. Она видела важность в традициях.

— Опасно использовать языческое слово, Тессана.

Я отмахнулась от него.

— И кто услышит, как я разговариваю с лисёнком?

У него не было на это ответа.

Я засунула Шиксу обратно в сумку, где она стала скулить и мяукать.

— Мы найдём тебе что-нибудь поесть, маленький воин, — прошептала я ей. Оливеру я сказала: — Давай пойдём, прежде чем останемся без света.

Оливер выразительно посмотрел на меня, но повёл нас в направлении, откуда мы пришли.

Мы не могли найти ни одного из наших знаков. Оливер вытащил карту из сумки, но было невозможно сказать, в каком направлении нужно идти. Мы бежали на север или на юг? Или мы сначала бежали на юг, потом на восток?

Большую часть утра мы бродили. Шикса скулила до тех пор, пока мы не нашли съедобные корешки, чтобы покормить её. Корешок был достаточно мягким, чтобы она могла разорвать его маленькими зубками. Мы нашли только три штуки, и она явно не совсем наелась, но успокоилась, облизывая усики розовым язычком.

Если бы нам так же повезло. К тому времени, как солнце достигло наивысшей точки над кронами деревьев, мой желудок злобно рычал, а ноги спотыкались о корни.

— Больше еды не осталось? — пыхтела я, когда мы повернули в другом направлении. Мы думали, что дорога была на востоке, но поход в том направлении не был продуктивным.

— Нет, — простонал Оливер. — Ну, немного. Но лучше оставим это на вечер.

— Мы уже должны были найти дорогу, — я провела пальцами по сваявшимся волосам, пытаюсь заплести дикие пряди.

— Это не лес, — добавил Оливер. — А невозможный лабиринт, ведущий в Деннамон.

Если бы у меня остались силы, я бы закатила глаза.

— Просто чуть дальше, — подбадривала я. — В конце концов, мы найдём. В этом направлении *что-то* есть. Деревья не могут простираться до конца мира.

Шикса мяукнула у меня в сумке, не соглашаясь. — Где-то должна быть дорога. В этом королевстве не только этот чёртов лес. Рано или поздно мы снова найдём цивилизацию.

Мы с Оливером замерли одновременно. Что-то щёлкнуло над головой, как разматывающаяся верёвка. Ветер выл в лесу, пока мы ждали чьего-то появления. Моя рука инстинктивно легла на пояс, где висело оружие.

Я закричала, когда умная верёвочная ловушка подняла нас от земли. В одну секунду мы твердо стояли на ногах, а в другую мы уже летели вверх через сплетение ветвей, молясь Свету, чтобы не разбить голову обо что-нибудь или друг о друга.

Из моих лёгких вышел весь воздух, и желудок переворачивался, пока мы не прекратили раскачиваться. Мы висели рядом друг с другом, болтаясь туда-сюда головой вниз.

Мы были подвешены слишком низко, чтобы была возможность ухватиться за ветки, и слишком высоко, чтобы дотронуться до земли.

Обе наших сумки лежали на земле в беспорядке, на расстоянии вытянутой руки. Я

пыталась удержать своё дорожное платье от подчинения гравитации, наблюдая за сумкой.

Мой меч тоже умудрился отстегнуться и лежал красивой серебристой чертой на беспорядочной лесной подстилке.

— Драконья кровь! — крикнула я ему.

Оливер пытался потянуться к нашим сумкам, пока я боролась с платьем, но даже его длинные руки не могли дотянуться.

Позади раздался голос, посылая мурашки страха по моей коже.

— А я-то думал, что мы вернёмся с пустыми руками.

Ещё один голос ответил с нашей стороны.

— Удача была на нашей стороне сегодня, Древо. Мы поймали не простой ужин, а деньги сразу на несколько ужинов.

— Вы ничего не найдёте у нас кроме пустых карманов и бесполезных сумок, — ответила я. Я пыталась разглядеть их, но из этой позиции было тяжело. Я изогнулась, но не смогла удержаться на месте. Самое большее, что я рассмотрела — это охотничьи ботинки из сыромятной кожи и чёрная кожаная одежда.

Бандиты, можно быть уверенными.

Драконья кровь!

— Тогда нищие, — рассмеялся тот, кого называли Девон. — В Кровавом Лесу? Вам разве не сказали, что нужно платить пошлину? Проход по нашим землям не бесплатный, девица. Ты или платишь золотом, или своей жизнью. Мы требуем одно или другое.

— Или всё вместе, — рассмеялся его компаньон.

Я снова изогнулась, не обращая внимания на боль в лодыжке, где верёвка впиалась в мою кожу. Я увидела их более отчётливо и удивилась тому, как молоды они были.

Я ожидала, что мужчины будут похожи на тех, кого мы встретили в таверне прошлой ночью, бородатые, громоздкие и хамоватые. Но это были молодые люди, всего на несколько лет старше нас с Оливером, мускулистые и выбритые.

— Вы не получите ничего, — сказала я им. — Опустите нас, чтобы мы могли продолжить путь.

Они посмеялись моей смелости. Я не могла винить их, но я подумала, что лучше быть храброй, чем бояться.

Что-то холодное и металлическое прикоснулось к моей неприкрытой лодыжке. Меч.

— Леди попросила обрезать верёвки, Эрет.

— Я не просила, — уточнила я. — Я приказала.

Оливер пробормотал предостережение, но моё сердце перевернулось, когда я пыталась не смотреть на свою сумку, лежавшую чуть дальше, чем я могла достать.

— К несчастью для вас, миледи, — фыркнул тот, кого назвали Эретом. — Мы отказались от короля и короны, чтобы *жить свободно* и не подчиняться приказам. Даже от заблудившихся нищих, бродящих по нашему лесу.

Я пыталась спрятать возглас удивления.

— Мятежники.

Они засмеялись.

— Кто ещё, вы думали, заявил права на Кровавый лес? — спросил Древо.

Я не знала, что на Кровавый лес кто-то заявил права. И я не знала, что мятежники занимают такую площадь в Теновии. Информация, которую мы использовали, когда строили планы, была устаревшей. Немногие новости добирались так далеко на восток, чтобы быть

услышанными в монастыре Отца Гариуса.

Это, особенно, было достойно внимания.

Несмотря на удивление, я расправила плечи.

— Я не предполагала, что Кровавый лес принадлежит кому-то. Я полагала, что он такой же дикий и необитаемый, как раньше, оставленный призракам и чудовищам, которые всегда населяли этот уголок Деннамона.

— Отчаянные времена, миледи, — фыркнул Эрет. — Армия мятежников заключила альянс с призраками Кровавого леса. Мы живём в мирной гармонии среди жестоких чудовищ и языческих затворников. Кто-то может даже сказать, что мы сражаемся на одной войне.

— И что это за война? — мой голос не дрожал, не смотря на панику. — Насколько я знаю, держава в состоянии мира.

— Тогда ты немного знаешь, нарушительница. — Мужчина наклонился ко мне. — Откуда ты, что до тебя не доходили слухи о войнах и победах Армии Мятежников?

Я закрыла рот и послала ему свой самый дерзкий взгляд.

— Что у нас здесь? — прогремел новый голос.

— Аррик, — сказали оба мужчины одновременно. Эрет отошёл на несколько шагов и низко склонил голову, выражая уважение.

Я повернулась и обменялась взглядами с Оливером, верёвка над головой скрипела. Новый мужчина медленно обошёл вокруг нас. Потом остановился около меня, пристально наблюдая.

Я почувствовала, как Оливер рядом начал молиться. Его тихий шёпот превратился в знакомые чтения. Оливер начинал читать свои молитвы, только когда у него были неприятности.

— Они говорят, что у них нет денег, — сообщил Эрет за нас. — И что они не знали, что нужно заплатить пошлину.

— Это так? — пробормотал новый мужчина, Аррик.

Он наклонился, чтобы рассмотреть моё лицо, когда его собственное было скрыто под капюшоном.

Я на секунду закрыла глаза, отчаянно ища смелости. Открыв их, я обнаружила, что смотрю в ярко-голубые глаза, обрамлённые густыми ресницами. Он отстранился, чтобы его лицо снова оказалось в тени.

— Но друзья, — его рука скользнула по моему лбу, потянув что-то, болтающееся там. — Я всё-таки кое-что нашёл.

Он дернул, и цепочка вокруг шеи поддалась. Он забрал кольцо, которое было со мной с тех пор, как его вернул мне Отец Гариус.

Меня ослепила раскаленная ярость.

— Отдай обратно, — потребовала я.

Минуту он молчал, глядя на кулон, сейчас лежащий у него в ладони. Наконец, он провозгласил стальное "Нет", его тон подписал смертный приговор.

— Сейчас же, — настаивала я.

Игнорируя меня, он откинул капюшон, чтобы лучше изучить кулон. Он быстро повернул голову и сверкнул зубами, он улыбнулся мне. Но с того места, где я висела, это казалось неправильным.

— Это очень редкая вещь, — заметил он. — Где ты её взяла?

— Из Деннамона. Оно проклято. Тебе лучше вернуть его мне, пока твои руки не превратились в пепел и твоё мужское начало не расплавилось.

— Что за угрозы, — усмехнулся он. Он посмотрел на своих друзей-бандитов. — Она смелая, разве нет? Если бы она не попала в ваши ловушки, осмелюсь сказать, вам пришлось бы драться.

— Отдай это мне или ты пожалеешь о своём смехе, — зашипела я.

Он долго смотрел на меня, изучая мои черты лица вверх ногами. Потом, кажется, он не нашёл во мне то, что искал, протянул ногу и пнул мою сумку, потом сумку Оливера, к своим друзьям.

— Возьмите обе, кто знает, какие проклятые предметы мы ещё там найдём.

— Я найду тебя, — крикнула я ему вслед, когда он начал уходить. — Ты проклянешь тот день, когда ты что-либо у меня украл!

Аррик оглянулся с ухмылкой, его капюшон прикрывал всё его лицо кроме улыбки.

— Это будет трудно, — рассмеялся он. — Поскольку более вероятно, что дикие твари, которые населяют эти места, найдут тебя быстрее, чем помощь.

Трое мужчин пропали в лесных тенях, пока мы с Оливером беспомощно висели в воздухе. Я испустила вопль ярости, следовавший за ними, пока я не могла.

Как только они ушли, Оливер перестал молиться. Я повернулась к нему.

— И что теперь?

Но он уже начал двигаться. Его верёвка раскачивалась туда-сюда, протестуя поскрипывая, а он поднял туловище так, что мог дотянуться до ботинка. Он смог вытащить маленький кинжал и не уронить его вниз.

— Откуда это взялось? — спросила я. Приятно было бы знать, что у него был план.

— Раньше это не казалось благоразумным.

— Благоразумным?

Я не могла ему поверить!

— Он украл моё кольцо, Оливер! Мою сумку! Пожалуйста, дай определение благоразумию, потому что я не понимаю этого!

Он помедлил в своих попытках обрезать толстые верёвки, удерживающие его ноги.

— Я едва ли мог справиться с тремя мужчинами с ножичком такого размера, пока ты висишь там как страдающая девица, разве нет? Лучше пусть они думают, что они ушли с добычей, чтобы мы могли последовать за ними.

В его словах был смысл.

Я ненавидела, когда в его словах был смысл.

— Прекрасно, — сдалась я. — Но поторапливайся!

Он ещё раз с тревогой посмотрел на меня, прежде чем вернуться к своей верёвке. В мгновение ока он освободился, со стуком приземлившись на ковёр из листьев и грязи. Ещё через несколько минут он обрезал мои веревки, и я поднялась с земли. Медленнее, чем хотелось бы, к ногам вернулась чувствительность, и головокружение прошло, и кровь обрела свою естественную траекторию.

Я прыгнула к мечу, который оставили мятежники, и Оливер сделал то же. Клинки казались слабыми и плохо изготовленными. Это входило в намерения Братьев, которые изготовили их. И вероятно, это было причиной того, что мятежники не обеспокоились тем, чтобы взять их.

— Я не так представлял себе мирное путешествие на твою родину, — признался он.

— Ты готов, Оливер Молчаливый?

Он кивнул.

— Твоя сумка необходима. Я сделаю то, что должен.

— Тогда приготовься испачкаться кровью.

ГЛАВА 7

Хотя мы умудрились потеряться в лабиринте Теллакейнского леса, мы умели вести слежку. Братья были непреклонны в нашем обучении, а наши уроки и дисциплина выходили далеко за рамки чтения.

Братство Молчания было весьма сведуще в различных дисциплинах: науках, самодисциплине, оружии с упором на шпионаж. Хеприн был мирной страной без собственной армии. И всё же, Братство и его непреклонные тренировки обеспечивали способность к защите страны.

И хотя мы не были профессионалами в слежке, нам не потребовалось много времени, чтобы догнать мятежников. Они не старались вести себя тихо, топая по лесу и распевая песни собственного сочинения.

Я двигалась, прилагая все силы, которые у меня остались, и следовала по пятам за Оливером. У Оливера была невероятная способность двигаться, не производя ни звука.

Чем ближе мы подбирались к бандитам, тем сильнее билось моё сердце. Моё дыхание участилось, и останавливалось каждый раз, когда я пыталась его выровнять.

Это будет моё первое настоящее сражение. Меня тренировали с тех пор, как Отец Гариус стал заботиться обо мне. Но я никогда не дралась ни с кем, кто бы желал мне зла.

Мы следовали за мятежниками на безопасном расстоянии, осторожно выбирая направление движения, чтобы нанести удар. Мы двигались глубже в лес, огибая деревья толстые, как дома, и перебираясь через торчащие корни.

Когда температура упала достаточно, чтобы моя кожа покрылась мурашками, и я позволила нервам звонить в колокола. Не зашли ли мы слишком далеко? Не стоило ли нанести удар раньше?

— Ш-ш-ш!

Оливер смотрел на меня, но я с огромными глазами стояла на своём.

— Достаточно! — одними губами сказала я. Я бросила выразительный взгляд на мужчин, радовавшихся своему веселью на расстоянии. — Нужно заканчивать с этим, — прошептала я. — Сейчас.

Он осмотрелся, глядя на то, что нас окружает. На сгущающийся туман и трёх мятежников. Он один раз кивнул, и мы подобрались ближе к нашей жертве.

Мы крадучись шли между деревьями, прижимаясь к огромным стволам, для того, чтобы обойти его и быстро перебежать к другому. Я запнулась, когда на расстоянии появились безумные фигуры. Тёмные формы нависали над нами, такие же высокие, как деревья. Гиганты?

Туман сгущался, скрывая странные контуры от моего взгляда. Я потрясла головой и двинулась вперёд. Мужчины шли, как будто знали тайный вход. Казалось, это было что-то вроде двери.

Оливер потёр глаза, без сомнения гадая, что это такое.

Трое мужчин теперь говорили тихими голосами.

— Я вас догоню, — сказал им тот, кого звали Аррик.

Двое мужчин попросились и ступили в туман. Аррик нагнулся и стал расстёгивать пряжку у меня на сумке.

— Сейчас, — приказал Оливер.

И мы сделали шаг. Метнувшись вперёд с навыками и силой, которые нас научили использовать, мы набросились на вора. Оливер стоял от него слева, а мой клинок дотронулся до его шеи справа.

Он в удивлении замер, дёрнулся направо, и мой клинок легко за ним последовал. Когда он попытался отступить от меня, то наткнулся на меч Оливера. Я держала оружие у его подбородка и смотрела в тень, где скрывалось его лицо под тенью капюшона со всей своей ненавистью и раздражением, кипящими внутри меня.

— Я сказала тебе, что приду за тем, что принадлежит мне.

Он расправил плечи.

— Под этим углом ты выглядишь по-другому.

Я хотела плюнуть ему на сапоги, но вместо этого я выгнула бровь и потребовала:

— Моя сумка.

Он наклонил голову, глядя на своё бедро, где висела моя сумка.

— Ты знала, что внутри что-то живое? — я открыла рот, чтобы возразить, но прежде, чем я смогла произнести хоть звук, он вытащил Шиксу. — Где ты взяла лису такого цвета? Я никогда не видел полностью белую.

— Положи её обратно и отдай мне сумку, — потребовала я. Он заворчал, когда клинок Оливера прорезал его плащ, проделав дыру в шве капюшона.

— Нет необходимости в грубой силе, — возразил Аррик. — Я уверен, мы сможем прийти к соглашению, если всё обсудим...

Я сделала шаг вперёд, уменьшая расстояние между нами.

— Отдай мне то, что принадлежит мне, Мятежник, или ты никогда больше не сможешь ничего обсуждать.

— Какие угрозы, — пробормотал он. В его глубоком голосе слышалась улыбка, и я хотела закричать на него.

Что-то острое прижалось к складкам моего плаща. Я издала горловой звук, но не дрогнула. Когда я подняла глаза от лица Аррика, скрытого плащом, то увидела, что мы окружены.

К спине Оливера тоже приставили лезвие и кроме того более чем дюжина мужчин, окружавших нас.

Я подняла подбородок.

— Тогда вам придётся меня убить. Я не уйду без своей сумки.

— Явно, эта сумочка имеет для вас ценность, миледи, — сказал он ровно. Я прорычала что-то о внезапном проявлении галантности с его стороны. Его улыбку нельзя было пропустить на этот раз, и его капюшон упал назад и открыл нижнюю часть его лица. Он снял сумку с плеча и протянул её мне. — Она ваша, — предложил он галантно.

— Она моя, — согласилась я. Я не двинулась, чтобы взять её, уверенная, что это ловушка.

Она свисала с его пальцев.

— Тогда берите.

— В чём подвох?

Его улыбка стала шире.

— Только секунду назад вы желали умереть за неё. Теперь вас волнуют подвохи? Пожалуйста, женщина, примите решение.

Я опустила меч и схватила сумку, крепко прижав её к груди и незаметно ощупывая содержимое. Невозможно было понять, обыскивали они её или нет, но низ оставался крепким, целым. Я могла только надеяться, что с короной было всё нормально в тайном отделении. Я одной рукой повесила её на себя.

Когда я посмотрела обратно на Аррика, он протягивал Шиксу мне своей длинной рукой. Я медленно её взяла, более осторожно, чем сумку. Мои пальцы коснулись его во время обмена, и я заметила какие они горячие по сравнению с моими ледяными.

Я встретилась глазами с Оливером и наклонила голову. Пора было идти. Я не знала, почему Аррик вернул мне сумку, но я не собиралась оставаться и выяснять это. Моим единственным беспокойством было удалиться из этого адского леса и никогда не возвращаться.

Но прежде чем я могла сделать шаг, спокойный голос Аррика сказал:

— Теперь о подвохах.

— Драконья кровь, — прошипела я. Мой взгляд, мечущий огонь, встретился с его довольным взглядом.

— Ну-ну, миледи. Я не хочу причинить вам вред. По крайней мере, сейчас.

Я сжала зубы и процедила:

— Тогда чего ты хочешь?

— Ужин? — предложил он. — Беседа? — его улыбка пропала и сменилась достаточно устрашающей ухмылкой. — Вы будете моими гостями, пока я не передумаю.

— Вашими узниками, вы имеете в виду.

— Называйте это как вам угодно, но любое название лучше, чем труп.

В его словах был смысл. И теперь, когда у меня снова была корона, я была гораздо менее склонна предлагать свою жизнь. Придумать план побега это только вопрос времени.

— Прекрасно, — прорычала я.

Он шагнул вперёд.

— Вы *позволяете* мне взять вас в плен?

Я сузила глаза.

— Да.

— Как великодушно с вашей стороны, — но поклонился и протянул руку в направлении тумана. — Сначала дамы.

Я хотела взять меч и разрубить его с головы до пят. Вместо этого, я спрятала Шиксу в сумку и последовала за ним.

Его люди стояли плотным кругом, заставляя Оливера следовать за нами. Они не обеспокоились о том, чтобы забрать наши мечи, и я подумала, что это из-за того, что они понимали, что у них преимущество. Мы с Оливером хорошо обращались с оружием, но недостаточно хорошо, чтобы справиться со всеми.

Я прошла через завесу тумана, дрожа. Мы вынырнули на другой стороне и начали моргать.

То, что открылось нашему виду на другой стороне, не было гигантами или вооружёнными стражами, а это оказались дома, сооружённые на массивных кедрах. В окнах светились кедры, и по воздуху разносился запах еды. Крепкие верёвочные мосты соединяли

одно строение с другими, извивались в переплетённых ветвях и создавали обширную деревню.

Я смотрела с благоговением на многослойную экосистему в этом тёмном лесу, населённом призраками.

— Что это за место? — услышала я свой голос, хотя я не давала своему голосу разрешения говорить и тем более с оттенком восхищения.

Аррик наклонился ко мне, и я почувствовала его улыбку, даже не увидев её.

— Это форт мятежников.

От его самодовольного тона моё восхищение немного спало.

— Не очень похоже на форт, не так ли?

— Да, но туман, видите ли. Он гораздо лучшее препятствие, чем стена замка или ров.

Я посмотрела на него. Я ничего не могла с собой поделаться. Я должна была знать.

— Он, правда, отпугивает людей? — Он один раз кивнул. — Он языческий. Тёмная магия.

Он покачал головой, явно разочарованный моим умозаключением.

— Это магия леса. Я едва ли назвал бы деревья и кусты, листья и ветки язычниками.

Голос моей матери донёсся из глубин моей памяти.

— Или может быть, — продолжила я. — Они — самая суть язычества.

— Аррик! — крикнул кто-то с другой стороны места, которое можно было бы описать только как двор. — Ты нужен в артиллерии.

— Среди ваших домов на деревьях есть артиллерия? Это не кажется мудрым.

— Это безопасно, — настаивал он.

— Конечно.

Его взгляд впился в меня, и я насладились хмурым выражением лица, которое вызвали мои слова.

— Это безопасно.

— Я вам верю.

Он фыркнул.

— Мне не нужна ваша вера. Я могу позаботиться о своих людях.

— Так вы предводитель мятежников? Великий Аррик, о котором никто не слышал?

— Это немного говорит от женщины, которая ничего не знает о Теновийской таможне, однако надеется каким-то образом пересечь страну, идя в обратном направлении через её невозможный лес.

— Как ты... — я сузила глаза и ещё раз осмотрела плащ, обёрнутый вокруг его плеч и закрывавший его лицо. Мой палец поднялся. — Ты! Ты — причина, по которой мы здесь, прежде всего! Мы думали, что ты — констебль!

— Я?

— Если бы ты не прогнал нас из той таверны, мы бы остались на главной дороге и никогда не стали бы блуждать по Кровавому Лесу!

Его рука поднялась словно сдаваясь.

— Я не прогонял вас из хижины! Я задал вам вопрос, и вы сбежали! Как я должен был понять, что вы направитесь напрямиком в лес и не выйдете оттуда.

— Ак!

Его голос стал ниже, когда он понял, что большинство его людей стоят вокруг нас и внимательно слушают нашу перепалку. Я ожидала, что он будет продолжать спор, но когда

он заговорил, то обращался не ко мне.

— Отведите наших гостей в общину. Дайте им поесть. Обогрейте их. Найдите им чистую одежду.

Я осмотрела на своё пропитанное грязью платье, облепленное листьями. Как ужасно я должно быть выглядела!

— Нам не нужна твоя благотворительность, Мятежник! Мы сами в состоянии позаботиться о своих потребностях.

Он не обратил на меня внимания, полностью повернувшись к мужчинам, с которыми разговаривал.

— И не спускайте с них взгляд. Ни на секунду.

Его человек кивнул и поднял свой меч в направлении, в котором нам нужно было идти. Я проглотила сотню язвительных ответов, решив, что не нужно ввязываться в спор. Кроме того, со всей моей бравадой, мой желудок болел от голода, и замёрзшие ноги тосковали по огню.

Я решила, что позволю с собой хорошо обращаться в течение некоторого времени. Но мы найдём способ сбежать, прямо сразу же, как поедим и переоденемся.

И, вероятно, помоемся.

ГЛАВА 8

— Кто же знал?

Я подняла тяжёлые веки, чтобы встретиться с сонным взглядом Оливера через очаг. Шикса спала у меня на коленях, свернувшись в маленький шарик. Её бока поднимались и опускались в безмятежном сне после ужина, состоявшего из свежего молока и половинки печенья.

— Кто же знал, что?

Он упёрся локтями в свои костлявые колени.

— Что жизнь мятежника не так уж и плоха.

Я закатила глаза.

— Они явно бродяги. Они берут, что хотят и когда хотят. У них нет уважения к другим людям. Они живут в адском месте, окружённом языческой магией. Оливер, они против всех правил, за которые мы боремся. Как ты можешь даже говорить такое?

Он наклонился назад в своём удобном кресле и лениво улыбнулся тёплому огню, который наконец-то отогрел мои замёрзшие ноги.

— Они не кажутся такими уж плохими.

— Тебя околдовали.

Он закинул руки за голову и поднял взгляд в потолок.

— Сытной едой и тёплым убежищем.

— Ты должен быть человеком принципов!

Его улыбка стала шире, растянув его узкое лицо.

Я бросила подушку, подложенную мне под спину, в него. Потом, полная отвращения самой к себе, я положила Шиксу на удобное кресло, в котором я до этого сидела, и вскочила на ноги. Если Оливер собирался превратиться в предателя, то мне нужно было ходить.

И что-нибудь ударить.

Темнота спустилась быстро, как будто задули свечу. Только что было светло, тепло и

солнечно, потом, одним могучим выдохом неба, вдруг стала ночь.

Юные мальчишки, своего рода пажи, поспешили наполнить и зажечь фонари по всей комнате. В отличие от прошлой ночи, мы не скрывались, прижавшись друг к другу, чтобы защититься от стихии. Мы купались в тепле. Мы были богаты им.

Наша одежда была чистой. Ноги — сухими. На наших пальцах не было грязи и крови после леса и дороги. Наши желудки были полны. И наши умы работали.

По меньшей мере, мой ум работал.

Если мятежники планировали держать нас узниками, и в конечном итоге узнают, кто я на самом деле, Элизия будет в огромной опасности. Вся держава будет в великой опасности.

Ни при каких обстоятельствах Корона Девяти не попадёт в руки повстанцев.

Из-за вышеупомянутой смертельной опасности.

Также, потому что кто угодно, кто владеет Коронай Девяти будет иметь право на трон. Если мятежники смогут заключить союз с несколькими уже неуспешными королевствами, их претензии могут быть признаны законными. Им нужна будет только безделушка и армия. Армия мятежников.

Аррик появился в дверном проеме, как только я подумала о нём. Он медлил только секунду, прежде чем широкими шагами войти в маленькую хижину, гнездившуюся в изгибе массивного дерева. Его взгляд за секунду обошёл нашу удобную тюрьму.

— У вас есть всё, что необходимо? — спросил он в своей грубой манере.

Я кивнула. Оливер пробормотал что-то, казавшееся утвердительным.

— Снаружи стоит стража на случай вашей попытки уйти.

Всё внутри меня окостенело от его слов. Я почувствовала, как натянулась кожа, мышцы превратились в камень. Рука потянулась к мечу, но меня лишили его после завесы тумана.

— Мы узники? Правда?

Он повернулся, чтобы посмотреть на меня. Я не видела его глаз, и это делало его более зловещим, чем на самом деле. Он был всего лишь человеком. Человеком, с которым я могла сражаться. Человеком, которого я могла убить. Меня охватило любопытство. Он был изуродован? Был ли он преступником, которого разыскивали?

— А кто вы ещё? — его низкий смех преследовал меня по комнате. — Мои гости?

— У нас нет ничего ценного. Нет причин держать нас здесь.

Его, казалось, не тронули мои заявления. Он сложил руки и осмотрел меня с головы до ног.

— Выкуп? Конечно, кто-нибудь будет скучать по вам. Скучать в достаточной степени, чтобы заплатить хоть *что-то* за ваше возвращение. Целыми и невредимыми, если это *будет* стоить ожиданий.

Хотя я не верила, что этот человек так плох, как его угрозы, я не доверяла ему. Или, по меньшей мере, я так говорила себе. Хотя какой-то неправильный инстинкт шептал, что он не причинит мне вреда.

Явно, я слишком долго была заперта в монастыре.

— Ты не получишь за нас выкупа, — вздохнул Оливер. — Никто не будет искать нас, и мы не стоим ничего ценного.

Безликий взгляд Аррика встретился с моим.

— Конечно, это неправда.

— Не надо меня жалеть, — сказала я с вызовом. — Лучше сожалей, что твоя казна не пополнится от твоей безнравственности.

— Ты думаешь, это я безнравственный, потому что уберёг тебя от нарушения? Ты приставила клинок к моему горлу и угрожала моему мужскому достоинству. Я бы мог у тебя поучиться.

— Ты направил мою руку, когда украл мои вещи, — я съёжилась, как только слова покинули мой рот. Я не хотела опять упоминать сумку, надеясь, что он и его люди забудут о ней.

Конечно, его внимание сразу же переместилось на неё, она лежала зажатой у меня между ног.

— И что же там такое? Почему ты так безумно рисковала жизнью? Может быть, это будет твоим выкупом?

— Это всё, что у меня есть в этом мире, — честно сказала я. — Тебе придётся убить меня прежде, чем я его отдам.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Тогда что привело тебя в Теновию? С сумочкой, за которую ты хочешь умереть? Оливер сел, глядя мне в глаза.

— Мы не лжём. Мы просто проходили мимо.

— Куда? — давил Аррик.

— В Элизию, — я не знала, что побудило меня выдать информацию. Скорее всего, магия язычников. Как умно было держать узников взаперти с туманом правды.

Как глупо было забыть всё, чему меня учили, и винить в своей болтливости лес.

Его челюсть напряглась.

— И чего вы могли хотеть в Элизии?

— Это главный трон державы.

— И?

— И у нас там дела, — мне не нравилось, что он продолжал давить. Этот мужчина был самым раздражающим созданием, с которым мне приходилось встречаться.

— Чего вам может быть нужно в Элизии? Там нет ничего, кроме продажных королей и жадности.

Это укололо меня в сердце.

— Это не может быть правдой, — настаивала я. — Элизия — столица. И хотя всё может быть по-другому, с тех пор как... с тех пор, как королевская семья была убита...

Аррик жёстко рассмеялся.

— Скорее растерзана. И ты права. С тех пор всё по-другому. Всё изменилось. Брат королевы правит с таким же здравым смыслом как курица, и все остальные королевства страдают в его безразличных руках. Тирн хочет обанкротить всех суверенов. И если кто-нибудь очень скоро не вмешается, то будет война. Барстус и Ворестра уже угрожали вступить в союз с Блэкторном. Между тем, Каша воюет в ужасной гражданской войне, и никто не предложил им помощь. Кольцо Теней как саранча движется по державе, поглощая и уничтожая всё на своём пути. Но ты должна всё это знать.

Его взгляд был прикован к моему лицу, но слова перевернули моё представление о державе, так, что я даже не вспомнила, что надо спрятать свою реакцию.

Мой мозг работал, пока я пыталась сознать его легкомысленный поток информации. Неужели мой дядя действительно позволил ситуации стать такой мрачной? В Каше

гражданская война? Блэкторн хочет получить власть? Кольцо Теней? Не может быть.

— Откуда ты, дева? — спросил Аррик.

Я потянулась к Шиксе. Её шёлковая шубка успокаивала мои нервы. Как я могла так долго быть в стороне? Как я могла отдать свой народ в неумелые руки дяди?

Теперь, больше чем когда-либо, мне нужно было попасть домой — в Элизию. Мне нужна была корона, чтобы принести мир и стабильность в державу. Единственной проблемой было то, что я не знала, как это сделать.

Даже если я смогу сбежать от мятежников и вернуться в Элизию, меня не обучали как правителя, и я не знала, как принести мир воюющим королевствам, не была осведомлена в политических делах, у меня не было опыта, не было образования по меркам государства. Я даже не умела танцевать.

На расстоянии прокаркал ворон. Или, может быть, это было у меня в голове.

— Как тебя зовут? — потребовал Аррик, нарушив мои мысли.

— Ч-что?

— Твоё имя, если тебе будет угодно, — когда я не сказала ему, он нетерпеливо двинулся ко мне. — Ты знаешь моё. Это будет честно, не так ли?

Я подняла подбородок, снова осознав беседу.

— Ты можешь свободно уйти. Я — нет. Объясни мне, что значит честно.

— Отлично, — вздохнул он, как будто это доставляло ему боль. — Тогда я *требую*, чтобы ты сказала мне своё имя.

— А если я откажусь?

Его губы изогнулись.

— Ты уже отказалась.

— И если я продолжу отказываться?

— Я заберу твою лису.

— Не заберёшь! — я прижала Шиксу к груди. Она зарылась в меня носом и мой защитный инстинкт разгорелся.

— Я не заберу. Ты права насчёт этого, — признался он. Подняв палец, он воскликнул. — Она меня укусила!

Она возилась у меня в руках, прижимаясь ближе.

— Ты, наверное, сделал что-то, что ей не понравилось. Обычно она очень деликатная.

Аррик умудрился выглядеть кающимся. По меньшей мере, уголки его рта так выглядели.

— Наверное, она была против того, что я копался в твоей драгоценной сумке.

Я поцеловала Шиксу в мягкую макушку.

— Умница.

— Твоё имя, узница.

Когда я подняла взгляд, то увидела, что он почти дрожал от нетерпения. Его рот, единственная часть лица, которую я видела, сложился в недовольное выражение, и мускул на челюсти опасно подрагивал. Я уже испытывала удачу достаточно для одного дня.

— Тесс, — ответила я. — Меня зовут Тесс.

— Тесс.

— Да.

Прежде, чем мы с Оливером оставили монастырь, мы решили, что Тесс это достаточно обычное имя, чтобы его не заметили. Тессана Аллисанд могло принадлежать потерянной принцессе. Но Тесс могло быть именем из любой провинции, из любой части державы.

— Оливер, — сказал Оливер, когда Аррик повернулся к нему.

— Тесс и Оливер, — повторил он, как будто пробуя звуки на вкус. Он положил руку на грудь, его загорелая кожа выделялась на гладком плаще. — Я Аррик, как вы знаете.

Он поднял руку, чтобы откинуть капюшон. Я обнаружила, что задержала дыхание, когда он открывал нам своё лицо. Я ожидала изуродованного лица или шрамов, или чего-нибудь, чтобы оправдать загадку с капюшоном, но когда тень ушла, под ней оказался всего лишь мужчина. На удивление привлекательный мужчина с густыми тёмными волосами и поразительными голубыми глазами.

Я быстро и удивлённо вздохнула, но воздуха было недостаточно, чтобы наполнить мои лёгкие. Аррик был не таким, как я ожидала.

Короткая борода, покрывавшая его лицо, давала фальшивое ощущение того, что он старше, мужчина далеко за тридцать. Но, фактически, он был так же молод, как и я. Его лицо вызвало во мне воспоминания. Воспоминания... или чувство... эмоция, которая не была для меня удобна.

Он смотрел, как я пялюсь на него, как будто ждал, что я вынесу суждение. Его глаза горели тревогой, становясь ярче и мягче одновременно. Вот почему он прятался под капюшоном. Но не мог внушать страх, когда женщины были загипнотизированы им, люди вряд ли могли бы распространять мрачные сплетни о человеке, который выглядел таким образом.

И я не могла представить крестьян, бегущих в ужасе, когда он сказал на резвом коне. Я прочистила горло и решила, что лапки Шиксы нуждаются в немедленном осмотре.

Аррик глубоко вздохнул и продолжил:

— Вы больше, чем узники в моём лагере, хотя я не справился с тем, чтобы доказать вам это. Вы — мои гости.

Я не могла поверить своим ушам. И, конечно, я не могла поверить его словам. Что-то изменилось в его мыслях, когда он убрал капюшон. Но я не могла понять что.

— Твои гости? Значит, мы можем идти? — я обменялась скептическим взглядом с Оливером. Он тоже не верил бандиту-мятежнику.

— Я надеюсь, что вы решите остаться, — продолжил Аррик. — Или, по меньшей мере, подождете, когда мы будем готовы пойти с вами.

Это был не тот ответ, которого я ждала.

Я смотрела на него, всматриваясь в его высокие скулы и спутанные волосы, которые спускались ниже подбородка. Он не вписывался в образ мятежника, который я всегда представляла. Где были кривые шрамы и седые волосы в носу? Где было несвежее дыхание и запах немытого тела?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты явно не готова выживать в лесах Теллакейна, — заметил он. — И если ты на пути к Алмазным горам, то опасностей будет ещё больше. Если ты достаточно удачлива, чтобы дожить до границ Элизии, тебе всё равно придётся перейти через Мраморную Стену и пробраться через батальоны армий Тирна, — когда я только смотрела на него огромными глазами и открытым ртом, он продолжил: — Поскольку вы пришли неподготовленные, без бумаг, я полагаю, что у вас и для Элизии ничего нет, — я покачала головой. У нас ничего не было. — Как насчёт Соравалы?

— Нет. Я не поняла... не понимала...

— Откуда именно ты? — он шагнул ближе, снова рассматривая моё лицо. — Как так

получилось, что ты одета, как одеваются в державе, и всё же ты не знаешь ничего о текущей политике, и...

— Хеприн, — сказала я. — Мы из отдалённой части Хеприна, куда новости нечасто доходят.

— Хеприн?

Я решила направить его в русло нашей первоначальной беседы.

— Спасибо за предложение, Аррик, но мы не можем принять вашу щедрость.

— Почему нет?

— Прошу прощения?

— Почему. Нет?

— Потому что! — я посмотрела на Оливера в поисках помощи, но он только пожал плечами. — Потому что ты сказал, что наше путешествие опасно. Вы только привлечёте внимание к нам. Мы хотели оставаться незамеченными для своих очень личных нужд.

— Вы не сможете выйти из леса без моей помощи. Как вы думаете пройти весь путь до Элизии?

— Вы замедлите нас, — продолжала я, не ответив на его вопрос. — Ты и твои люди, неважно, как мало ты возьмёшь с собой, означает, что нужно кормить больше людей, защищать... мыть.

— У нас есть лошади, — его рот расплылся в улыбке. — И еда на дорогу.

Я отказывалась поддаваться смелым напористым аргументам Аррика. Даже если у меня самой не было аргументов.

— Вы сделаете дорогу более опасной для нас, очевидно. Нет сомнения, что за твою голову назначена цена в каждом из девяти королевств. На нас будут охотиться. *На тебя* будут охотиться, и я сомневаюсь, что смогу убедить своего следующего тюремщика считать меня гостем, желанным или не желанным. Никому не может так повезти.

— Насчёт этого ты права, Тесс, — согласился он торжественно. — Сомневаюсь, что кому-то может повезти, как тебе. Дважды.

От тяжести в его голосе мне стало не по себе. Даже более чем не по себе, потому что я не знала, от чего это. Я нервно взглянула на Оливера, но он только пожал плечами.

— Вам действительно нужна моя помощь, — продолжал Аррик. — И моя защита. Мы быстро разберемся с любыми неприятностями, которые встретятся нам на пути. Стража короля или нет.

— Так самоуверенно, — пробормотала я. — Но мой ответ всё равно нет. Нам не нужна и мы не хотим вашей помощи. Спасибо за вашу вынужденную и нежелательную помощь. Но завтра мы будем уже в дороге. Без вас.

Он снова самодовольно поднял бровь, и я поняла, что это вызов мне за мой наглый спор с маленьким, не высказанным предостережением, что мы останемся здесь на ночь.

— Отлично, — прорычал он. — Тогда, я думаю, нам придётся торговаться за это.

— Торговаться? — рассмеялась я. — Но у тебя нет ничего, что мне нужно.

Но это было не совсем правдой. У него было оружие и еда и лошади, в конце концов. Но я не доверяла ему.

Я просто решила, что я выиграла спор, когда Аррик сунул руку в карман, вынимая моё кольцо. Я почти забыла о нём в переживаниях этого дня.

Он помахивал им передо мной до тех пор, пока я не сделала ошибку и не протянула к нему руку. Он отдёргнул его сразу же.

Я не должна была этого делать. Но искушение было слишком велико.

— Интересный кулон, не правда ли? — Он держал его близко к лицу, рассматривая сияющие камни. — Что означают камни?

Я тоскливо смотрела на синий сапфир и сверкающий бриллиант в его ладони. Цвета Соравалы и Элизии.

— Смерть, — солгала я. — Они — талисман Деннамона.

— Ох, да, проклятая вещь, готовая ударить по моему мужскому достоинству? — спросил он ровным голосом.

— На твоём месте я бы не садилась некоторое время.

Его ответная улыбка была ярче, чем любая лампа в домике на дереве.

— Достоинство или нет, но ты не получишь своё кольцо до тех пор, пока не согласишься позволить нам проследовать с тобой в Элизию.

Я стиснула зубы.

— Нет.

— Я даю тебе ночь, чтобы подумать об этом, — он сделал шаг назад, в тени, мечущиеся за деревьями.

Я открыла рот, чтобы продолжать спорить, но он уже пропал в ночи. Я слышала его шаги по ближайшему верёвочному мосту, к другой части этого воздушного лагеря. Верёвка скрипела и стонала под его весом и ночной бриз трепал ветви над головой, прорезая воздух какофонией на удивление успокаивающих звуков.

Я моргнула, когда сон, казалось, овладел моими глазами.

— Что ты думаешь? — прошептала я Оливеру.

Он свернулся на боку и тыкал в огонь кочергой.

— Я думаю, мы или спасены или прокляты. Я просто пока не понял.

— Прокляты, — сказала я ему. — Очевидно.

Он вздохнул, положив руки под щеку, и закрыл глаза.

— Я знаю, Тессана. Но я не чувствую себя проклятым. Но спроси меня ещё раз утром.

Я замолчала, позволяя мозгу впитать этот странный поворот событий, пока комнату наполняли тихие посапывания Оливера. Я хотела оставаться бодрствовать и наблюдать.

Аррик казался достаточно мирным. Хотя и лгал о том, почему он хотел сопровождать нас, я все равно не верила, что он хотел причинить нам физический вред.

Вероятно, поэтому мои глаза закрылись так легко, и мозг перестал работать.

Вероятно, поэтому сон так быстро догнал меня, и поэтому я заснула совершенно без проблем.

Всё время я думала, было ли это проклятием.

Или Аррик мог быть спасением.

ГЛАВА 9

— Тессана!

Я сразу проснулась, сжав руки в кулаки.

— Это я! — поспешил меня успокоить Оливер. — Всего лишь я.

Я пыталась успокоиться, тяжело дыша, когда воспоминания предыдущего дня проникли в туман моего сна.

Моё сердце бешено билось, словно участвуя в гонке, которую оно никогда не выиграет.

Я различила лицо Оливера и протянула руку, чтобы разгладить морщинки беспокойства у него на лбу.

— Со мной всё в порядке, — сказала я ему.

Его голос был хриплым после сна.

— Ты можешь что-нибудь вспомнить?

Я покачала головой и потёрла мутные глаза.

— Ничего, кроме птиц и кровь и... — там было что-то ещё, в уголке моего разума. Я закрыла глаза и пыталась дотянуться до этого, удержать его. Оно ускользало, как дым, который втягивался в трубу. — Ничего. Птицы и кровь. Это всё.

— Птицы, — Оливер сел на пятки. — Этот твой странный страх, принцесса.

Я улыбнулась и сделала ему знак замолчать.

— Я не говорила, что боюсь птиц! По меньшей мере, когда не сплю.

Мы долгое время молчали, думая о странных кошмарах, которые преследовали меня с той ночи, когда я убежала из Элизии. Мой мозг был охвачен воспоминаниями прошлого и настоящего, и последнего ясного сна, перед тем, как я оставила монастырь насовсем.

Мы с Оливером поняли, что проснулись раньше всех, и мы были одни. Не было стражи. Не было надоедливого Аррика. Никто не запретит нам уйти.

Я подпрыгнула и сунула ноги в ботинки. Я медленными пальцами завязала их, расстраиваясь, что тело ещё не проснулось, в отличие от разума.

Оливер залез на свою кровать и начал засовывать свои немногочисленные пожитки в сумку. Моя коса расплелась, и волосы в беспорядке падали на плечи, но я позабочусь об этом позже. Я поместила Шиксу в сумку, повесила сумку на плечо, не обращая внимания на её протестующий писк. Решив пока игнорировать разъярённого детёныша, я накинула плащ на плечи, застегнув её беспечным движением.

Мы с Оливером обменялись последним взглядом и беззвучно подошли к двери. Я натянула капюшон на спутанные волосы и понадеялась, что сольюсь с всё ещё густой темнотой. Придётся оставить моё кольцо. Эта мысль меня угнетала. Я была настроена выследить его потом, когда у меня в распоряжении будет армия. Может быть с мощью королевских сил Элизии, Аррик будет более сговорчив.

По крайней мере, у меня была Корона Девяти.

Мы оставили тепло нашего тихого домика и вышли на балкон, который выходил на замысловатое сообщество, построенное Арриком для его армии мятежников. Деревья, широкие, как колокольни, держали дома на возвышении, в каждом был балкон и верёвочные мосты, соединенные со всеми четырьмя стенами.

Темнота лишь слегка посветлела, окрасив верхушки деревьев в оранжевый цвет приближающимся солнечным светом. Лес оставался таким же чёрным, как и всегда, но туман не удерживал нас в лагере.

Я сделала ещё один шаг вперёд, намереваясь воспользоваться верёвочной опорой, которая спустит меня на землю.

— Я бы не стал этого делать, миледи, — я резко повернулась лицом к молодому мятежнику, рука которого лежала на рукояти меча. — Командир потребовал, чтобы вы оставались в своих комнатах.

— Откуда ты взялся? — он пожал плечами, пытаясь скрыть победную улыбку. Я вздохнула. — А если я решу не слушать?

Выражение его лица приобрело решимость.

— Тогда мне придётся заставить вас послушаться.

— Смелые слова, — признала я. — Но мне не хочется, — он был котёнком по сравнению с мужчинами, которых мы встретили вчера.

Молодой солдат вытащил клинок.

— Мне хочется. Я остановлю вас, миледи, если вы попытаетесь уйти. Силой, если придётся.

Я подавила желание зарычать от разочарования.

— А если я пообещаю тебе, что мы никуда не уйдём? Мы просто идём на утреннюю прогулку.

— Я вызову подкрепление, — пригрозил он.

Я могла бы легко одолеть этого солдатика, но вряд ли успею пересечь двор, если он позовёт на помощь.

— Ты сейчас очень усложняешь мне жизнь, — прорычала я.

— Так же, как ты усложняешь мою, — раздался за моей спиной глубокий голос, огрубевший от сна.

Аррик. Драконья кровь.

Я напряглась, удивляясь, как по спине пробежали мурашки. Я не хотела, чтобы меня поймали после того, как прошлой ночью он проявил доброту. Но я не могла позволить себе оставаться в его ловушке ни на секунду дольше. Оливеру и мне нужно было идти. Без него.

Я постаралась придать своему лицу спокойное выражение и повернулась к нему.

— Я уже дала тебе ответ относительно вашего предложения, Командор.

— Пытаясь сбежать?

Я посмотрела на него, и мне пришлось сжать губы, чтобы не улыбнуться. Торопясь одеться, он надел рубашку задом наперёд и остался босиком. Но самым худшим в его растрёпанном состоянии было то, что его штаны не были завязаны. Они висели неуместно распахнутыми. Мне пришлось встретиться с ним взглядом, чтобы не смотреть.

Хотя один быстрый взгляд подтвердил, что там не было ничего неприличного.

К несчастью.

— Я просто... — я постаралась сохранить невозмутимое выражение лица. — Ты не можешь винить меня за попытку. Я оппортунист.

Эта раздражающая бровь приподнялась.

— Так вот кто ты? — он провёл рукой по спутанным волосам. — Тесс, ты можешь уйти, если хочешь. Но я могу предложить вам горячий завтрак, если ты захочешь поговорить со мной ещё раз.

У Оливера за спиной заурчало в животе. Мой желудок был так же несчастен, даже если он и не оказал мне медвежьё услугу, высказавшись.

— Мы можем подождать до завтрака, — разрешила я. — *Если* ты так серьёзно относишься к нашей свободе.

— Как я и говорил вчера вечером, — фыркнул он, сжимая штаны одной рукой. — Вы мои гости.

Мы с Оливером попятились назад.

— Тогда я приношу свои извинения за... эм... ранний переполох, — мы проскользнули обратно в нашу комнату так же тихо, как и покинули её, и рухнули с тихим смехом, не потому, что пытались оставаться тихими, а потому, что смеялись так сильно.

Час спустя мы умылись, и я кое-как справилась со своими волосами. Мы с Оливером

пировали яичницей по-квирикски и солёной картофельной похлёбкой. Оливер выпил третью порцию, а я остановилась после двух щедрых порций.

Аррик присоединился к нам вскоре после того, как мы закончили, в сопровождении Эрета и Дрегона. Они двигались по маленькому пространству, уменьшая наше уютное убежище своими размерами.

— Мои генералы, Эрет и Дрегон, — без всякой надобности представил их Аррик.

— Мы встречались с ними на днях, — усмехнулась я. — Они очень хорошо управляются с верёвками.

— Так оно и есть. В бою они тоже хороши. Ты поступишь мудро, если примешь мою помощь и позволишь этим людям ехать рядом с тобой.

— Если бы я была мудра, то не попала бы в их ловушку с самого начала, — возразила я.

Глаза Аррика вспыхнули от разочарования.

— Тесс, образумься.

— Почему ты так непреклонен в желании сопровождать нас? Вчера ты был счастлив оставить меня висеть в Кровавом лесу. Сегодня я не могу от тебя избавиться. Что изменилось?

Я почувствовала присутствие короны в комнате. Он сказал, что не просматривал сумку, но мог и солгать.

Аррик шагнул вперед, протягивая руки.

— Эта держава опасна. Такую девушку, как ты, без защиты съедят через несколько дней. Моя гражданская обязанность убедиться, что ты доберёшься до места назначения целой и невредимой.

— У меня есть защита, — кивнула я в сторону Оливера.

— Настоящая защита, — уточнил Аррик.

— Эй! — запротестовал Оливер.

Оливер, возможно, и выглядел не очень, но я знала без тени сомнения, что он защитит меня ценой своей жизни. И он был искусен во многих видах оружия. Он не был тощим, худым мальчиком, каким казался. И всё же нам удалось быть пойманными.

Мои мысли переместились к короне. Если бы Аррик увидел корону, пусть даже мельком, он бы уже убил меня. Корона — это всё, что было нужно, чтобы взять под контроль слабеющую державу. С её помощью он мог поднять свою армию из мятежной в королевскую. Если мой дядя действительно настолько некомпетентен в управлении королевством, то корона и новый король приведут державу к краху.

Но я также не верила, что он чувствовал какие-то обязательства передо мной, гражданские или иные. Он был мятежником, преследуемым бандитом. Он не питал уважения ни к этой земле, ни к правителям, которые ею правили. Ему, конечно, всё равно, что случится с незнакомкой.

Я встала, стараясь как можно ближе подойти к нему по росту.

— Мне нужно нечто большее, чем твой гражданский долг, Командор. Мне нужны причины, которым я действительно могу доверять.

— Несмотря на то, во что ты веришь, незнакомка, моя армия на самом деле хочет мира. Мы сражаемся, чтобы защитить беспомощных в королевстве, жертв, которые, в свою очередь, хотят раздавить его сапогом. Мы спасаем то, что можем, от мародерствующего Кольца Теней. Мы боремся с угнетением и репрессиями. Мы сражаемся за то, чтобы молодые девушки, подобные тебе, могли ходить из одного королевства в другое и удерживать

голову на плечах.

Я сглотнула, стараясь дышать через большой комок, внезапно застрявший в горле. Я боролась, чтобы сохранить надежду для моего дяди, несмотря на все возрастающие улики Аррика против него.

— И у нас есть лошади, — продолжал Аррик. — Мы доберёмся до Элизии в три раза быстрее, чем пешком.

Моя отчаянная потребность вернуться домой и выкопать своё королевство из этого беспорядка заставила меня задуматься, перевешивают ли плюсы предложения Аррика минусы. Я посмотрела ему в глаза и увидела в них решимость. Я не поверила ни одной из его причин сопровождать нас. Я не была уверена в его преданности королевству и его миссии сражаться с моим дядей. Этих причин было недостаточно, чтобы сопровождать Оливера и меня.

Но он был готов сопроводить нас в Элизию. Со своими лошадьми. Он приведёт своих мускулистых людей с их оружием и лесным опытом. Он мог бы решить наши досадные проблемы с бумагами.

— Отлично, — услышала я свой голос. — Вы можете сопровождать нас в Элизию. Я... эм... мы позволяем. Но имейте в виду, Командор, у нас нет ничего ценного, чтобы заплатить вам за ваше время и услуги.

Это было не совсем так. Как только мы доберёмся до Элизии, у меня будут запасы золота и монет, чтобы наградить его и его армию. Но я воздержусь от этого предложения, пока мы не пересечём Мраморную стену, и корона не окажется у меня на голове.

— Мы не ожидаем платы, миледи, — сказал Аррик, склонив голову.

Я заметила, что его люди смотрели на него с волнением. Очевидно, *они* ожидали оплаты. Неужели мной манипулируют, чтобы я почувствовала себя в безопасности? Быстрый взгляд на Оливера сказал мне, что он тоже не знает, что и думать.

На данный момент я отбросила чувство неловкости, но поклялась держать себя в руках.

— Когда вы будете готовы к отъезду? — спросила я, не обращая внимания на дрожь в голосе. — Нам не терпится отправиться в путь.

Губы Аррика дрогнули, прежде чем он махнул рукой в сторону двери.

— Это уже было ясно. Но не бойся, твой эскорт ждёт.

На негнущихся ногах я подошла к двери и увидела, что он не солгал. Стража из примерно двадцати человек сидела в идеальном строю на лошадях, ожидая команды ехать.

Повстанческая армия была больше, чем кучка разношерстных бандитов. Аррик, по-видимому, вырастил способных солдат с чувством приличия и преданности, которые любое королевство было бы счастливо иметь на своей стороне. Но у них не было преданности, и они сражались не за какое-то конкретное королевство.

Интересно, будет ли Аррик сражаться против меня, когда я стану королевой? Неужели мне придётся выследить его и положить конец его мятежу?

От этой мысли я почувствовала пустоту.

Я решила подумать об этом позже.

Гораздо позже.

— Мы готовы уйти, когда вы будете готовы, миледи, — пробормотал он позади меня.

Я подпрыгнула от его близости. Я была слишком погружена в свои мысли, чтобы услышать его приближение.

— Тесс, — настояла я. — Можешь звать меня Тесс.

— Только если ты будешь звать меня Аррик, — я могла слышать улыбку в его голосе, но я сопротивлялась показать свою собственную.

Я повернулась к нему лицом.

— Аррик.

— Тесс, — он протянул мне руку. Я вложила свою в его, позволяя ему пожать её. — Я с нетерпением жду нашего сотрудничества, — сказал он.

— Сотрудничества?

В ответ он только подмигнул. Он что-то задумал.

Но что?

Аррик высвободил мою руку и отступил назад. Повелительным голосом, разнесшимся по всей крепости, он крикнул:

— Мы едем, как только наши гости будут готовы! Будьте начеку, — мне он сказал, — Мы ждём тебя внизу.

Затем он вышел из комнаты, сопровождаемый своими людьми.

Я повернулась к Оливеру и позволила его молчанию говорить за него.

— Неужели я ошиблась?

Он взял мой меч с низкого столика у стены и бросил мне. Я поймала его за рукоять и повернула запястье, проверяя вес и знакомясь. Люди Аррика, должно быть, вернули их нам, пока мы разговаривали.

— Это ещё предстоит выяснить, — признался Оливер. — Но держи свой клинок поближе, — он кивнул на мою сумку, лежащую на полу позади меня. — А твои вещи ещё ближе.

Через несколько минут мы сели на одолженных коней. Аррик ехал впереди, а мы с Оливером посередине, либо всё ещё в плену, либо под защитой. Я не была уверена.

Щёлкнув языком и отдав команду, Аррик повёл нас в лес. Наши лошади родились и выросли в Теновии. Более стройные, чем кони Хеприна, они были воспитаны выбирать дорогу, чтобы пробираться сквозь густой лес. Их толстые копыта твёрдо держались на пересечённой местности, а длинные ноги легко переступали через белые корни, преграждавшие путь.

К вечеру мы покинули Кровавый лес и снова вышли на дорогу. Караван Аррика держался справа от дороги и двигался через Теновию с грацией и властью, которые продолжали меня удивлять.

К концу первого дня мы восстановили потерянное время и уверенно взяли курс на мою родину.

Я снова была на правильном пути.

И всё же, глядя на темноволосую голову командора повстанцев, я чувствовала себя обманутой, как никогда.

ГЛАВА 10

После недели путешествия наш караван вошёл в привычную колею. Вернее, мы с Оливером приспособились к строгому распорядку повстанческой армии.

Мы проснулись ещё до рассвета и отправились по главным дорогам, не боясь стражников. Поначалу я была удивлена поддержкой, которую теновианцы оказывали повстанческой армии. Люди часто махали нам, когда мы проходили мимо, а когда мы

останавливались возле гостиницы, хозяин посылал нам горячую еду и холодные напитки.

Когда я была в монастыре, до меня доходили кое-какие слухи о повстанческой армии от проходящих мимо рабочих. Но шёпотом они обычно рассказывали страшные истории об обезглавленных солдатах и ограбленных экипажах.

Я справедливо опасалась их, пока случайно не стала одной из них.

На самом деле большинство людей в армии Аррика имели военный опыт. Они либо уволились со службы в своей стране, либо дезертировали, что сделало многих из них людьми с наградой за голову.

Я ожидала увидеть жестокую, варварскую группу людей, которые хотели убить всё, что странно смотрело на них, и согревались, используя отрубленные конечности павших врагов, чтобы разжечь их костры.

Вместо этого я нашла людей, которые уважали жизнь и уважали друг друга. Они помогали застрявшим повозкам, ремонтируя колёса или вытаскивая их из грязи. Они помогали с необходимым ремонтом, когда мы проезжали через деревни. Они проводили время каждое утро и вечер, оттачивая свои боевые навыки и точа клинки. И они покинули свои страны, потому что верили, что это лучшее решение... лучшая кампания за мир, чем что-либо другое.

Я ёрзала в седле, морщась от боли, пронзившей бёдра и спину. Шикса устроилась поудобнее в складках моего плаща, вонзив крошечные когти в ткань, чтобы не упасть. Неделя, проведённая верхом, научила меня ценить простоту ходьбы.

Быстрый взгляд на Оливера доказал, что он был в том же состоянии, если не в худшем. Он выглядел явно огорчённым, когда подпрыгивал на своей кобыле. Она была так же деликатна, как любая лошадь, которую я когда-либо видела, но тело Оливера, казалось, боролось с движениями под ним.

Он бросил на меня кислый взгляд.

— Нельзя жаловаться на обстоятельства. Они всегда могут стать ещё хуже, — он ёрзал в седле. — Одна из первых мудростей Храма.

С минуту я наблюдала за ним, пока он неровно вёл свою кобылу по дороге. Он не мог идти по прямой, чтобы упростить свою жизнь.

— Слушая тебя, никто никогда не узнает, что ты изо всех сил стараешься не жаловаться. Он сморщил нос.

— Могло быть и хуже. Я действительно в это верю.

Я рассмеялась.

— Как?

— Мы могли оказаться в ловушке на дереве, когда гигантский вепрь безжалостно таранил наше убежище, — его взгляд поднялся, чтобы встретиться с моим. — Или, что ещё хуже, он мог бы уже затащить нас в свою пещеру, чтобы расплющить наши мозги и полакомиться нашими внутренностями.

— Ты мудр, Оливер Молчаливый. Могло быть и хуже.

Лошадь, чьё имя, как я узнала, было Вор, подъехала ко мне, привлекая моё внимание к другой стороне. Конь был великолепен. Бронзовая шкура блестела в лучах позднего утреннего солнца, а тёмная грива мерцала, когда он рысил с совершенной послушностью.

— Доброе утро, Командор, — пробормотала я всаднику.

Аррик улыбнулся мне.

— Доброе утро, незнакомка. Как твоя сегодняшняя поездка?

Я проглотила изрядное количество страданий, чтобы ответить:

— Прекрасно. Совсем как вчера. И за день до этого.

Это было частью нашей повседневной жизни. В то время как Аррик проводил большую часть своего времени со своими людьми, командуя, диктуя и делая всё, что он делал, он постоянно останавливался, чтобы узнать о моём благополучии. Его вопросы остались прежними. Как и мои ответы.

Он усмехнулся.

— Значит, ты привыкла ездить верхом?

Я вспомнила, как Оливер рассказывал о мудрости Храма.

— Я привыкла не жаловаться, Командор, — его бровь удивлённо изогнулась. — Я выросла в Храме Вечного Света, — объяснила я. — Братья, которые меня воспитали, не очень-то нуждались в лошадях вне работы на полях. Боюсь, я очень давно не сидела на лошади.

— Ты росла среди монахов? — выражение его лица было комичным. — Всё это время?

— Всё это время?

— И как долго? — уточнил он. — Сколько времени ты провела с ними?

— С детства, — ответила я честно. — С тех пор, как мне исполнилось девять.

— А сколько тебе сейчас?

Я вздёрнула подбородок. В его голосе было что-то такое, что мне не понравилось. Там был намёк на то, что я всё ещё ребёнок.

— Достаточно взрослая, чтобы знать, что мужчина никогда не должен задавать женщине этот вопрос.

— Моложе двадцати, я полагаю, — продолжал он, как будто я ничего не говорила.

Я повернулась к нему и приподняла одну бровь, подражая его почти неизменному выражению.

— И ты уже знаешь, что я старше девяти. Каково твоё лучшее предположение?

— Семнадцать.

Я проглотила разочарование от его идеального ответа.

— Полагаю, твоя догадка достаточно близка, — сказала я ему.

Его ответная улыбка сказала мне, что он верит в свою победу. Что, я полагаю, он и делал.

— А сколько тебе лет?

— Нет, ты должна догадаться. Это правила игры.

Мой взгляд скользнул по нему, заметив, как он прищурился, и как растянулась на его лице улыбка. Я объясняла загар на его гладкой коже, временем на солнце. У него была густая шевелюра и все зубы, грубая щетина на подбородке. В нём чувствовалась какая-то усталость от мира, но в то же время молодость, жизнерадостность и игривость, которые я старалась не замечать.

Он напоминал мне кого-то, и от этого сходства у меня болезненно сжималось горло, потому что этого не могло быть. Они не были одним и тем же человеком. Этого не может быть. Мальчик, которого я себе представляла, сейчас правит королевством. А Аррик был вне закона. Но эти голубые глаза были точной копией призрака моего прошлого, призрака, который должен был стать основой моего будущего.

Наконец я взглянула на его руки. Они обхватывали кожаные поводья, длинные и крепкие. Молодые руки. На них не было ни морщин времени, ни шрамов от многих

сражений, хотя они были обветренными и мозолистыми, что свидетельствовало о тяжёлой жизни.

— Двадцать три, — предположила я.

Он кивнул.

— Близко. Двадцать.

— Двадцать!

Он рассмеялся.

— Разве я выгляжу старше?

— Гораздо, — заверила я его.

Его возраст... Три года отделяли меня от мальчика-принца. Теперь между мной и Арриком такое же расстояние. Но это было невозможно. Простое совпадение. Магия из Кровавого Леса. Я проглотила свои подозрения, скрывая свою реакцию за поддразниванием.

— Я бы предположила, что пятьдесят зим, если бы не боялась оскорбить твоё самолюбие.

— Теперь ты просто жестока.

Я улыбнулась, потому что он был прав.

Мы ехали в приятном молчании несколько минут, прежде чем он сказал:

— Восемь лет ты жила без лошадей, и всё же ты, очевидно, хорошо управляешься с этой.

Ты часто ездила верхом раньше?

— Перед монастырём. Да, у нас были лошади. Раньше это было моим любимым занятием.

— Что ж, ты произвела на меня впечатление своим мастерством, незнакомка. Я хвалю тебя за то, что ты осталась с нами, хотя и знаю, что тебе больно.

— Вы сопровождаете меня, Командор. Другого выхода нет.

Я услышала улыбку в его голосе, хотя и продолжала смотреть прямо перед собой.

— Я никогда не слышал, чтобы монахи принимали сирот. Это обычай в Хеприне?

Я прикусила губу, понимая, что сказала слишком много. Монахи не принимали детей, особенно девочек, если они не были посвящены в орден. Чего я явно не делала.

— Нет, это не обычай. Я была особым случаем. Верховный жрец знал мою семью. Он согласился вырастить меня из чувства долга перед ними. — И державой. Но я знала, что лучше не говорить эту частицу правды вслух.

— И ты была единственной женщиной среди них?

— Единственной, — я перевела взгляд на него. — И единственным человеком, которому позволено говорить вслух. Храм Вечного Света — это безмолвный орден.

Его рот открывался и закрывался, пока он пытался что-то сказать.

— Совершенно безмолвный?

— Совершенно, — засмеялась я. — Ваша повстанческая армия — это самое большое количество голосов, которые я слышала за долгое время. Больше, чем боль в спине, меня беспокоит боль в голове от их постоянной болтовни.

Он покачал головой.

— Восемь лет молчания. Я даже представить себе не могу.

— По правде говоря, я думаю, что братья начали считать меня полезной. Пока они оставались верны своим клятвам, они заставляли меня торговаться с торговцами с рынка и женщинами, которые делали их одежду. Я могла общаться с ними способами, которые иначе

были бы для них невозможны. Я не уверена, что они будут делать теперь, когда у них нет бродячей сиротки, чтобы высказать своё очень скромное мнение.

Я наслаждалась его тихим смешком. Но когда он снова заговорил, то был так же серьёзен, как и прежде.

— Ты, очевидно, была очень ценна для них, если они позволили тебе оставаться с ними так долго. Они протестовали, когда ты решила уехать? — он прищурился, глядя на меня. — А может, они не знали? Ещё один беглец присоединился к моим рядам? Есть ли цена за твою голову, которую полагается заплатить огурцами и помидорами?

— Вряд ли. Я ушла с такими фанфарами, на какие только способен безмолвный монастырь. Братство Молчания, без сомнения, было великодушным хозяином и великодушным учителем, но они знали, что я не останусь с ними навсегда. Я не могла. Я никогда не соглашусь на их клятвы, а женщине запрещено вступать в орден.

— Итак, ты отправилась в Элизию.

— Да, — согласилась я, радуясь, что он, казалось, принял каждую часть моей истории без вопросов. — Наконец-то домой.

— Домой? Так ли это? — его движения снова привлекли моё внимание. Он достал из кармана моё ожерелье. Два сверкающих драгоценных камня мерцали в ярком солнечном свете, танцуя, когда лошадь двигалась вперёд. — Но ведь это цвета Соравалья, не так ли? Синий и серебряный цвета принадлежат гербу Соравалья. У Элизии это белый и золотой.

Мои пальцы чесались вырвать ожерелье из его насмешливых рук. Он задавал слишком много вопросов.

— А откуда ты так много знаешь о королевских цветах?

Аррик склонил голову в сторону армии, окружавшей нас.

— Мои люди прибыли со всех концов королевства. Они всё ещё носят свои цвета из верности нашей миссии, королевствам, которые мы пытаемся спасти от некомпетентного короля и Кольца Теней.

— Ох, — его ответ имел смысл.

И королевские цвета не были редкостью. Но этот проблеск инстинкта вспыхнул снова. Было нечто большее в том, что хотел узнать Аррик. Его вопросы были тщательно продуманы, чтобы успокоить меня. И всё же я чувствовала, что он копает глубоко, ищет ответы, которые я намеревалась скрыть.

В эту игру могли играть двое.

— Итак, незнакомка, если ты из Элизии, то почему носишь цвета Соравалья?

Я прикусила губу, оттачивая свою вымышленную историю. Разве обычная элизийская семья когда-нибудь имела бы дело с одним из Соравалья? Может быть, купцы. Но как насчёт их девятилетней дочери?

— Ты украла его, — предположил он. — Ты всё-таки беглянка.

— Я не беглянка, — фыркнула я. — И я его не крада. У меня был друг, когда я была младше. Он подарил его мне.

— Он?

— Да, он.

Я прочистила горло и перевернула ладонь, протягивая руку.

— Могу я получить его обратно, пожалуйста? Или ты собираешься держать его в заложниках до самой Мраморной стены?

Холодный металл упал мне в руку.

— Я не держал его в заложниках.

— Серьёзно?

— Я просто хотел обеспечить твоё сотрудничество.

Я чуть не улыбнулась. Почти.

— И оно у тебя есть. Нет никакой необходимости снова похищать мои вещи.

Его голубые глаза вспыхнули огнём.

— Надеюсь, ты понимаешь, чем мы жертвуем ради тебя. Мы поставили твоё путешествие выше всех других наших приоритетов. И мы в самом разгаре войны.

— Войны?

— Восстания, — уточнил он. — Сражения происходят не на поле боя, но наша работа важна. Даже ты, затворница, можешь в это поверить.

— Не бери на себя смелость знать, во что я верю, Командор. Не следует также предполагать, что работа, которую вы делаете, важна. До сих пор я не видела ничего, кроме счастливых деревень и мирной жизни. Боюсь, что эта война, которую вы затеяли, не что иное, как слухи, распространяемые шёпотом в королевстве, которое не нуждается ни в сражениях, ни в восстаниях.

Он наклонился ко мне, кожа седла закрипела под его мускулистыми бёдрами.

— Ты в своей скорлупе. Упрямая и избалованная. Ты можешь не оценить мою помощь, незнакомка. Но тебе это нужно, — его каблуки щёлкнули по животу коня, и он двинулся вперёд с силой.

Я наблюдала, как он пробирается через батальон, всё время высоко держа голову. Он не останавливался, пока не оказался во главе своей повстанческой армии. И ни разу не оглянулся.

— Это было великолепно, Тессана, — пробормотал Оливер резким шёпотом, чтобы те, кто ехал вокруг нас, не могли услышать.

— Я же просила тебя не называть меня так.

— *Хорошо*. Это было великолепно, *Тесс*.

— Что? — я глубоко вздохнула и попыталась не обращать внимания на ростки вины, которые выросли в моей груди. — Это он начал.

— Это он начал? — он выпустил длинный вздох. — Он молод, — отметил Оливер. — Но по сравнению с тобой его зрелость ошеломляет.

— Драконья кровь, Оливер, что ты хочешь, чтобы я сделала? Он нам не друг. И он определённо не наш союзник. У него есть план, и пока я не узнаю, что это, я не могу...

Оливер прошептал:

— Не можешь быть вежливой? Или, по крайней мере, молчать, пока мы не прибудем к месту назначения?

— Он намеренно ссорится со мной! И он слишком много спрашивает.

— Ты права, — согласился Оливер. — Но ты не можешь позволить себе потерять его. Мы должны были поверить, что сможем совершить это путешествие в одиночку, Тесс. Я слышал, как мятежники говорили о королевских армиях и о том, как они патрулируют эти дороги. А шёпот Кольца Теней ещё хуже. Нам повезло, что у нас есть охрана. Свет сияет на нас. Но ты решила всё испортить, и я не знаю почему. Ты дура, если всё ещё веришь, что мы справимся сами.

Я прикусила язык, чтобы не прошипеть какую-нибудь гадость. И не признавать, что он прав. Но я не могла подавить желание давить на Аррика, давить, давить и давить, пока он,

наконец, не уступит и не откроет ту скрытую вещь, которая, как я знала, была там.

— Прекрасно, Оливер. Если ты так заботаешься о нашей безопасности, я буду держать язык за зубами. Даже если Аррик намерен вывести меня из себя. Я буду молчать больше, чем ты когда-либо.

Я думала, что он отреагирует на тонкую подколку в его оставленных клятвах, вместо этого он поднял брови и улыбнулся.

— Аррик?

— Это его имя.

— Конечно, это его меня.

— Оливер, так и есть.

— Я знаю, как его зовут, — лукаво пробормотал он.

Теперь Оливер был одним из тех, рисковал моей хрупкой сдержанностью.

— Ты со мной споришь?

Он безуспешно согласился.

— Нет.

— Споришь.

— Нет, — настаивал он.

Я прищурилась, не совсем понимая, из-за чего мы ссоримся.

— На самом деле его зовут Аррик.

На его лице появилась улыбка, и он обмахнул лицо, явно изображая женщину.

— Аррик, — вздохнул он, плохо подражая мне.

— Я не говорила, это так.

— Аррик, — хихикнул он.

— Я ненавижу тебя.

Он ухмыльнулся мне.

— Нет.

На самом деле я не испытывала к нему ненависти, поэтому вместо ответа наклонилась вперёд и снова уставилась на дорогу. Дорогу, а не затылок Аррика.

Это путешествие было совсем не таким, как я ожидала. Каким-то образом я оказалась втянута в то самое восстание, которое мне предстояло подавить, как только я стану королевой. И хотя Аррик был невыносимым человеком, я не доверяла ему, как следовало бы.

За последнюю неделю он мне очень понравился. Я неохотно начала уважать его умение обращаться с людьми и то, как он держался. Он был мудрым, проницательным и жёстким, когда это было необходимо. Но и мягкое тоже в нём было, или не совсем мягкое, но тёплое, даже очаровательное.

Я застегнула ожерелье на шею и наслаждалась его тяжестью, когда драгоценные камни легли мне на грудь. На мгновение я позволила себе задуматься о мальчике, который подарил мне этот кулон.

Каким он будет? Будет ли он таким же свирепым, когда дело дойдёт до командования армией? Будет ли он так же строг и прямолинеен со своими людьми? Был бы он таким же игривым? Или вот так улыбался?

Я закрыла глаза и покачала головой. Нет, эти мысли были глупы. Ни один мужчина больше не занимал места в моей голове. Аррик был средством для достижения цели.

И мальчик из моих воспоминаний останется... воспоминанием.

Аррик и воспоминания, которыми я дорожила, в конечном счёте, исчезнут. А до тех пор

я буду цепляться за путешествие, за ступеньки, которые ведут меня всё ближе и ближе к моему дому.

ГЛАВА 11

Днём позже мы подошли к деревне, которую можно было назвать только полной противоположностью счастливой и мирной.

Клубился дым, затемняя небо. Армия мятежников пустила лошадей в галоп, почуввав опасность задолго до того, как мы увидели, что вызвало пожар. Мы с Оливером поспешили за ними. Мы не были столь искусны в верховой езде и были вынуждены тащиться позади.

Пепел падал, как снег. Мои ноздри забились от запаха горящего дерева и масла. И чего-то более сильного, чего-то неосязаемого. Чего-то вроде страха.

Мы с Оливером прибыли в горящую деревню как раз вовремя, чтобы увидеть, как мятежники спешиваются, окружённые стеной огня с трёх сторон. Они начали действовать с отработанной скоростью, давая понять, что это не первый ад, который они потушили.

Или первая деревня, которую они видели разрушенной.

Оливер и я ходили по краю, кашляя от чёрного дыма, когда горели уютные дома и вековые деревья. Огонь пожирал всё, к чему прикасался, жадный до смерти и разрушения.

С того места, откуда я наблюдала за ним, пламя было живым, дышащим драконом, который взмыл высоко в густой лиственный полог над головой, прежде чем снова опуститься на землю, чтобы пожрать траву, лошадей и людей.

Огромный огненный зверь взмахнул адскими крыльями и лизнул раздвоенным языком ветви, которые ломались и падали на землю, разжигая ещё больше огня для ревущей огненной бури. Огненный зверь прыгал с дерева на дерево, распадаясь на новые существа, на новые смерти, распространяясь, как чума, по этой некогда живописной деревне.

Я моргнула, и зверь снова превратился в огонь. Огонь, который опустошал всё, к чему прикасался.

Во время этого путешествия я видела, что все деревни Теновии были построены среди деревьев Теллеканского леса. Дома смешивались с лавками и храмами, все они были соединены паутиной верёвочных мостов.

Главная магистраль змеилась через деревню, не потревоженная живущей над ней общиной. Некоторые дома были высотой в несколько этажей, построенные вокруг массивных чёрных кедров, раскинувшиеся на крепких ветвях, толстых и прочных, как крепостной вал. Точно так же купцы вели дела со своих лофтов на деревьях. Кузнец или ювелир построил бы всё необходимое на прочных платформах, тянущихся от центра ствола до середины ветки. Алхимик смешивал зелья в вырезанной лаборатории внутри гигантского кедра. Колодцы и ряд шкивов и водяных колёс приносили воду в каждое жилище.

Верёвочные мостики соединяли один дом на дереве с другим. Дорожки шли из стороны в сторону, а также вверх и вниз, так что можно было легко добраться до разных уровней деревни. Подъёмная система позволяла легко подниматься с земли на первый уровень деревни.

Жители Теновии привыкли сдерживать и контролировать пожары. Вот как они существовали. Как они готовили, вели дела, воспитывали детей и поклонялись. Огонь был распространён в Теновийской деревне для ежедневной еды, печей и алхимии.

Пожар, бушевавший в этой деревне с необузданной яростью, доказывал, что он был

устроен не случайно. И он не был рассчитан только на то, чтобы немного повредить.

Тот, кто устроил этот ад, намеревался убить. Полностью уничтожить.

— Там наверху люди! — я услышала чей-то крик.

Люди Аррика вступили в бой. В то время как половина армии оставалась с колодцем и системой шкивов, посылая ведра воды вверх по линии, чтобы заглушить огонь, как только они могли, другая половина мчалась к домам, где десятки жителей деревни были пойманы в ловушку.

Я соскользнула с лошади, не обращая внимания на затёкшие кости и ноющие мышцы. Я перекинула сумку через брошенное седло, сунула туда Шиксу и бросилась в огонь.

Дым клубился вокруг меня, создавая завесы чёрной, удушливой агонии. Огонь пылал жарче, чем всё, что я когда-либо испытывала. Моя кожа сразу же почувствовала себя так, как будто я весь день лежала на солнце и позволила ей покраснеть до боли.

— Кто бы ни устроил этот пожар, он запер их внутри, — выдохнул Оливер рядом со мной.

Огонь, такой же горячий, как пламя, которое пылало вокруг меня, заставил мою кровь закипеть.

— Кто мог сделать такое?

Оливер покачал головой. Это было за пределами любого ужаса, который он когда-либо видел.

Сильный голос Аррика потребовал ещё воды наверху. В голове крутились наши последние разговоры. Было ли это делом рук Теновианского королевского дома? Или Кольца Теней?

Я покачала головой, решив сосредоточиться на предстоящей битве.

Я помчалась на помощь армии, оставив Оливера кричать мне вслед и Корону Девяти, брошенную на моём коне. Вскочив на небольшую платформу, которая поднимет меня с земли на верёвочные мостки, я вцепился в верёвку, привязанную к четырём углам.

Мой вес привёл платформу в движение, и я посмотрела на изображение Денамона над головой. Я с трудом сглотнула через опалённое горло. Позволив своему мужеству взлететь, расправив крепкие крылья, которые затмили мой страх, я изо всех сил потянула за верёвку, болтавшуюся у меня над головой, и начала подъём. Верёвка обдавала жаром сверху, обжигая мои пальцы.

Огонь сделал верёвку неустойчивой, и я широко раскачивалась в воздухе, платформа дрожала под моим весом. Я тянула сильнее, быстрее, стараясь поскорее закончить путешествие.

До первого причала было совсем недалеко. Чёрные кедры были так высоки в этой части леса, что добраться до первого уровня ветвей и мостов было всё равно, что подняться с земли на крышу Храма. Верёвка истрепалась, когда огонь впился в неё, опаляя толстые нити мало-помалу.

Верёвка оборвалась над головой, и я рванулась в сторону, издав удивлённый визг. Мои пальцы впились в горячую верёвку, в то время как пальцы ног волочились по движущемуся основанию подо мной.

Платформа болталась в воздухе, опасно накренившись. Одна из угловых верёвок оборвалась. Я ухватилась за шкив, но наверху оборвалась ещё одна, и платформа агрессивно закачалась и задрожала.

Я навалилась всем телом на ближайшую угловую верёвку. Ухватившись одной рукой за

шквив, чтобы не разбиться насмерть, я потянулась к стыковочной платформе. Мои пальцы коснулись гладкого дерева, но я не смогла ухватиться.

Оливер что-то прокричал мне с земли, но я не могла расслышать его за рёвом огня. На самом деле пламя вокруг меня стало таким жарким, что моя кожа покрылась мурашками пота и казалась такой же горячей, как пламя, которое мчалось ко мне.

Предплечьем я вытерла слёзы с глаз, чтобы снова нормально видеть, но дым затуманил мне зрение.

Я в последний раз потянулась к платформе как раз в тот момент, когда огонь закончил пожирать верёвку.

Я открыла рот, чтобы закричать, но не успела упасть навзничь, как сильные руки схватили меня за предплечье. Мой вес тяжело давил на моего спасителя, заставляя меня вздрогнуть, но он не отпускал.

Платформа рухнула на землю с оглушительным треском, который я услышала даже сквозь рёв пламени. Цепляясь за сильную руку, подвешивающую меня над моей почти мёртвой головой, и прерывисто дыша от облегчения, я наблюдала, как Оливер отпрыгнул в сторону от обломков.

Мое тело продолжало бесполезно висеть, пока мужчина, державший меня, попытался вытащить меня в безопасное место. Я была не настолько тяжела, но весила достаточно, чтобы упасть более слабому человеку. Когда я подняла глаза, Аррик смотрел на меня, напрягаясь под моим весом и силами гравитации, работающими против нас.

Прорывав что-то неразборчивое, он начал подниматься. Его ноги скользили по скользкому дереву, пока он не упёрся ими в резной гребень и постепенно не вывел меня в безопасную точку.

Наконец, его действия привлекли внимание его людей, и вскоре трое, а затем и четверо других солдат бросились на помощь, хватая меня за всевозможные конечности и части тела, чтобы перетащить моё беспомощное тело через край платформы.

Я рухнула на раскалённый док, пытаюсь отдышаться.

Я могла разбиться.

Оказаться проткнутой насквозь.

Расколоться на сотню кусочков.

К тому времени, как я собралась с мыслями и смогла снова встать, Аррик уже прыгнул обратно в бой. Я должна была поблагодарить его, но сейчас было не время.

Пошатываясь, я подошла к ближайшей группе мужчин, отчаянно пытающихся открыть дверь. Окно было заколочено толстыми досками. Мужчины отказались от окна, решив вместо этого вскрыть замок на двери.

В этом я могла бы им помочь. Возможно, у меня не хватит грубой силы, чтобы вытащить доски из толстого дерева. Но у меня были заколки.

— Отойдите! — крикнула я им, перекрывая рёв пожара вокруг нас.

Удивительно, но они это сделали.

Я присела на корточки перед замком, узнавая королевские детали и мастерство. Открыть его без ключа было бы невозможно. Если только у тебя не было старших братьев, которые заставляли тебя вламываться в королевские винные лавки с тех пор, как ты стала достаточно взрослой, чтобы нести что-то обратно.

Я вытащила шпильку из косы и, стараясь не касаться раскалённого металла, принялась за тяжёлый замок. Но мои пальцы, костяшки и ладони горели, когда я касалась металла

сильнее, чем мне бы хотелось.

Я изо всех сил старалась дышать сквозь дым и старалась не обращать внимания на истерические крики внутри здания.

Я закрыла глаза и заставила это отойти на задний план. Я сосредоточилась на инструкциях братьев. Я представила себе, как их блестящие глаза учат младшую сестру чему-то запретному, чтобы им было на кого свалить вину за свои шалости. Я вспомнила их смех, их радостные возгласы, когда я, наконец, открыла свой первый замок. Я вспомнила, как таскала бурдюки с вином из подвалов к моим легкомысленным братьям, ожидавшим в холле. Я вспомнила ярость отца, когда он узнал, что они сделали. И смех моей матери, когда отец рассказывал о том, что произошло позже той ночью.

Я позволила призракам вести меня, а памяти направлять мои пальцы, пока, наконец, замок не щёлкнул. Я откинулась назад с искажённым вздохом облегчения. Мужчины одобрительно хмыкнули, отталкивая меня с дороги и пиная дверь.

Я последовала за ними, хватая ртом воздух при виде тел на полу. Некоторые лежали без сознания на земле, их лица застыли в масках агонии. Другие кричали или цеплялись друг за друга в ожидании смерти.

Дюжина людей была заперта в этом магазине одежды, и если бы мы не наткнулись на них, они бы умерли здесь, скрючившись на полу.

Цепляясь друг за друга, безнадёжные, несчастные и попавшие в ловушку.

Они бы сгорели заживо.

Солдаты тут же начали вытаскивать тела из комнаты. Они с внушительной силой сгребали деревенских жителей и перебрасывали их через плечо.

Я не могла поднять взрослых, но маленький ребёнок привлёк моё внимание. Он лежал, свернувшись клубком, рядом с женщиной, которая, должно быть, была его матерью, судя по тому, как её безвольные кулаки сжимали его кудрявые волосы, а её тело лежало на нём, защищая. Его бледное личико вытянулось с такой апатией, что моё сердце бешено заколотилось в груди.

Я бросилась к ним, перешагивая через взрослых крестьян и солдат-повстанцев, спасавших их. Я схватила тунику ближайшего ко мне человека.

— Мне нужна помощь!

Это был Эрет.

Я указала на маленького мальчика и его мать.

— Я заберу ребёнка, — я сделала паузу, чтобы начать кашлять и задыхаться, отчаянно нуждаясь в чистом кислороде для избавления от головокружения. Мои пальцы вцепились в его рубашку. — Ты возьмёшь женщину! — приказала я ему.

Он устало кивнул. Дым наложил свой отпечаток на всех нас. На секунду я забеспокоилась, что у этого гиганта не осталось сил нести женщину в два раза меньше его. Но у него не было выбора. Если он не спасёт её, она умрёт. И я отказалась позволить этому маленькому мальчику остаться сиротой.

Я отказалась.

Подхватив его на руки, я покачнулась под его тяжестью. Каким бы хрупким и маленьким он ни казался, он тяжело лежал у меня на руках.

— Всё в порядке? — Эрет фыркнул, перекинув женщину через плечо.

— Всё прекрасно, — солгала я. Я кивнула ему, чтобы он шёл впереди.

Мы выскочили из комнаты и помчались через деревню. По мере того как мы двигались,

воздух прояснялся и жара отступала.

Пожар был локализован, даже если он ещё не был потушен.

Наконец мы добрались до лифта, который должен был доставить нас на твёрдую землю. Эрэт держал меня за руку, когда мы ступили на него, присоединившись к перепачканным сажей деревенским жителям и нагруженным жертвами солдатам.

Платформа качалась под нашим весом, но верёвки держались крепко. Я прислонилась к Эрету, благодарная за его твёрдость.

Как только платформа приземлилась на лесную подстилку, мы спрыгнули, следуя за солдатами ещё дальше от деревни. Воздух продолжал проясняться, и я, по крайней мере, могла сделать глубокий вдох.

Даже если он ранил.

Дальше по дороге располагался медицинский пункт. Оливер стоял рядом с четырьмя солдатами Аррика, ухаживая за самыми тяжёлыми ранеными, в то время как другие жители деревни ждали своей очереди.

Эрэт положил женщину на землю, осматривая её. Когда он убедился, что она будет жить, он взял маленького мальчика из моих рук и сделал то же самое.

— С ними всё будет в порядке, — хрипло сообщил он. — Они наглотались дыма, но когда они проснутся, с ними всё будет в порядке.

Я кивнула. Это была вся сила, которая у меня осталась.

Он подвёл меня к ближайшему колодцу. Опустив чашку в прохладную воду, он протянул её мне. Я жадно пила. Вода брызнула на моё грязное платье, размазывая пепел и сажу по коже.

Когда я закончила, Эрэт протянул мне ещё одну чашку. Я помолчала достаточно долго, чтобы благодарно кивнуть, прежде чем использовать напиток и погасить огонь внутри меня.

— Ты готова сделать это снова? — спросил он, когда я напилась.

Я отставила чашку, вытерла рот тыльной стороной рукава. Удерживая его взгляд, я увидела в нём вызов.

— Да, — ответила я.

— Тогда идём.

Он повернулся и помчался к платформе, которая должна была снова отправить нас наверх. Я последовала за ним, поймав взгляд Аррика, когда он сошёл, держа в руках окровавленную женщину, я не была уверена, жива она или мертва.

Он выдержал мой взгляд. Я прошла мимо него, не отводя взгляда. Наши плечи соприкоснулись, посылая спираль покалывания через меня.

Ступив на платформу, я была вынуждена отвести взгляд от Аррика. Когда я обернулась, его внимание было приковано к медпункту и женщине, которую он держал.

Я стряхнула жужжащие ощущения, всё ещё проносящиеся сквозь меня, убеждая себя, что мне померещилось наше взаимодействие. И что если бы я этого не сделала, то было бы бессмысленно останавливаться на своих чувствах.

Эрэт выкрикнул инструкции, что делать, когда мы доберёмся до вершины. Я сосредоточилась на предстоящей миссии. Я позволила задаче завладеть мной, пока не стала чем-то большим, чем была, пока не стала тем, в чём эта деревня нуждалась больше всего.

Так я провела всю ночь, пока не погас последний костёр и не был найден последний житель деревни, живой или мёртвый.

Когда над головой каркнул ворон, я даже не удивилась.

Что-то было не так в моей державе царстве, что-то тёмное, ядовитое и разрушительное.

ГЛАВА 12

Наступил рассвет, освещая дымный, сонный мир иным огнём, чем тот, с которым мы сражались вчера.

Я оторвала усталые глаза от женщины, за которой ухаживала, чтобы полюбоваться розовыми и оранжевыми цветами, сиявшими сквозь опустошённые ветви над головой.

Я потёрла ладонью болезненную правую руку и судорожно вздохнула. Мои лёгкие ещё не оправились от дыма, а горло не ощущало ничего, кроме жжения и боли.

Тем не менее, я гордилась работой, которую мы сделали, и тем, что мы спасли жителей. Даже если сама деревня сгорела в огне.

Ещё раз взглянув на женщину, я поднесла чашку с водой к её окровавленным губам.

— Вот, — уговаривала я. — Пей. Теперь медленно.

Дрожащими руками она взяла у меня чашку и поднесла ко рту. Осторожно отхлебнула. Тем временем я убрала с её лица опалённые волосы и осмотрела её на предмет более серьёзных ран, чем усталость, отравление дымом и незначительные ожоги. У неё их не было.

Я оставила воду рядом с ней и перешла к следующему пациенту. Жители деревни были спасены и помещены в безопасное место, пока я работала с армией, чтобы потушить огонь. Мы боролись в ночи, чтобы растоптать последние остатки пламени, а затем двинулись напрямиком к брошенным деревенским жителям, ожидающим помощи.

Я была измотана. Но мы спасли жизни.

Аррик преградил мне путь, не давая добраться до следующего пациента.

— Тебе нужно отдохнуть, — коротко сказал он.

Я оглядела его. Его одежда была сильно подпалена. Его обычно загорелая кожа почернела от копоти, грязи и крови.

— Как и тебе, — ответила я.

— Предстоит ещё много работы.

— Да, — легко согласилась я, пытаясь обойти его. Он снова встал у меня на пути, положив обе руки мне на плечи.

— Тесс, — он потянулся к своим волосам грязной рукой. Я начинала искать этот жест всякий раз, когда он был разочарован мной. Аррик привык к тому, что люди слепо и послушно следуют его приказам. — Сядь. Отдохни. Работа подождёт.

— А что ты будешь делать?

Его взгляд нетерпеливо переместился на группу солдат, допрашивающих жителей деревни, достаточно связных, чтобы дать отчёт о том, как начался пожар. Они переходили от одного человека к другому, надеясь собрать как можно больше информации.

— Я... — его глаза снова встретились с моими. — У меня есть дела, которые требуют моего внимания.

Я кивнула.

— Я вижу, — я снова начала обходить его, но он удержал меня на месте, положив свою сильную руку мне на плечо. — Аррик, иди, помоги тем, кто в тебе нуждается. И я сделаю то же самое. Мы можем отдохнуть позже.

— Ты плохо держишься на ногах, — возразил он. — У тебя глаза красные, как рубины. Сядь. Всего на несколько минут. Выпей воды. Дай ногам отдохнуть. Затем ты можешь

вернуться к работе. Тебя подождут.

Я прикусила нижнюю губу, чувствуя вкус пота и опасности предыдущего дня, которые покрывали мою кожу. Мои колени подогнулись под тяжестью его руки, и моё зрение было не таким ясным, как должно быть. Он был прав. Я быстро тонула.

— Тогда посиди со мной, — возразила я. — Мы выпьем воды и дадим ногам небольшую передышку, а потом оба сможем вернуться к работе.

Он не сумел скрыть удивление достаточно быстро. Неужели он думает, что я ищу способ провести с ним время?

По правде говоря, я боялась, что если сяду, то у меня не хватит сил снова встать. Мне нужна была его уверенность. Я знала, что он надолго не успокоится. Когда он снова встанет, я тоже встану.

— Если я отдохну, ты отдохнёшь?

— И если ты будешь работать, я тоже.

Он отпустил меня. Я ждала, что он уйдёт, чтобы я могла отправиться по своим делам. Вместо этого он удивил меня, подойдя к кувшину с водой, стоящему на спасённом столе. Он налил две чашки и направился к фургону.

Он огляделся на мгновение, затем протянул обе чашки мне. Прежде чем я успела спросить, что он делает, он потянулся за стопкой постельного белья, которое ещё не было разорвано на куски и использовано для перевязки. Он схватил верхнее одеяло, встряхнул его и положил на край фургона. Удовлетворённо хмыкнув, он жестом пригласил меня сесть.

Я посмотрела на своё испорченное дорожное платье.

— Я скорее испорчу одеяло, чем повозка испортит меня.

— Она была покрыта кровью, — объяснил он.

Я устала на свои руки.

— Я тоже.

Я всё равно села. Я раздавала воду уже несколько часов, но сама не пила слишком долго. Поднеся чашку к губам, я застонала от облегчения.

Прохладная вода успокоила моё пересохшее горло и отчасти погасила пламя, всё ещё горевшего во мне. Это даже немного оживило меня.

— Видишь? — заметил Аррик. — Тебе нужно было отдохнуть.

Я посмотрела на скопление раненых и спасённых жителей деревни.

— Не важно, что мне нужно, — сказала я ему. — Возможно, мне больше никогда не будет важно, что мне нужно.

Аррик долго смотрел на меня. Я чувствовала, как его взгляд поглощает каждый дюйм меня, но я не могла объяснить опасности, которые ждали меня впереди, поиски, в которых я была, чтобы спасти это царство.

Эта деревня была только началом. И хотя я не собиралась спасти никого, кроме себя, нельзя было отрицать ответственность, которая пришла вместе с моей короной.

Мой дядя сбился с пути. Он забыл, что означает Место Силы и как люди этого королевства рассчитывают на него. Королевские дома погрузились во тьму. Кольцо Теней жестоко гарцевало по королевству, забирая, уничтожая и убивая всё, что ему было нужно. И правители ничего не сделали, чтобы спасти свой народ. Без меня Держава только продолжала бы скатываться к разрушению.

— Ты никогда не видела, на что способно Кольцо Теней? — спросил Аррик после долгого молчания.

Я отрицательно покачала головой.

— Храм, в котором я выросла, был далёк от общества. Хеприн — это мир. У них нет официальной армии, только королевская гвардия для защиты короля. Большинство граждан строго религиозны и проводят свои дни в служении Свету. Я не ожидала... этого.

Аррик затих на мгновение, прежде чем он прошептал:

— Теперь ты знаешь.

— Теперь я знаю, — когда мне надоело разглядывать свою чашку с водой, я подняла глаза. Его взгляд уже был на мне, напряжённый и устойчивый. — Я хотела поблагодарить тебя за то, что случилось днем, — сказала я.

— За то, что случилось днем?

Конечно, он знал. Или, может быть, он спас так много жизней, что я смешалась в его памяти с безымянными лицами и бесчисленными актами служения.

— За то, что спас мне жизнь, — сказала я. — На платформе. Я бы умерла, если бы ты не подхватил меня.

Он покачал головой.

— Я не мог поверить. Я нарочно оставил тебя здесь. Я оставил тебя там, где, как я знал, ты будешь в безопасности и в стороне. Тем не менее, тебе всё же удалось не только прыгнуть в беспорядок головой вперёд, но и найти самую опасность. Я думал, что снова потеряю тебя.

Его слова одновременно предупреждали и предостерегали.

— Снова?

Он отвёл взгляд и откашлялся.

— Я имел в виду полностью. Я думал, что потеряю тебя *окончательно*, — он снова откашлялся. — Не то чтобы я был против. С сожалением должен сообщить тебе, что ты доставляешь гораздо больше хлопот, чем стоишь. К сожалению, я испытываю это мучительное чувство ответственности за твою безопасность.

Я не знала, что и думать о его словах. Неужели он имел в виду снова? И если да, то, что это значит? Верны ли мои подозрения? Или он настолько устал, что слова путались у него на языке и в мозгу?

Во второе объяснение было легко поверить. Тем более что мои собственные спутанные мысли изо всех сил пытались что-то понять.

— Да неужели? — поддразнила я, хотя и не могла избавиться от своих подозрений. — Именно из-за этого гнетущего чувства ответственности ты и потребовал сопровождать меня в Элизию? Вот почему ты свернул с дороги, покинул свой лагерь и рисковал жизнью, чтобы сопроводить меня домой?

Он бросил на меня раздражённый взгляд.

— Если бы я знал, сколько ты принесешь проблем, я бы отправил тебя восвояси со счастливыми пожеланиями.

Я фыркнула. Это был не очень приятный звук, но я слишком устала, чтобы обращать на него внимание.

— Почему я тебе не верю?

Он открыл рот, чтобы предложить причину, без сомнения, неправдивую причину, когда сильная дрожь сотрясла моё тело. Его брови озабоченно сдвинулись.

— Тебе холодно?

Я снова задрожала, не в силах отрицать это.

— Полагаю, что да. После пожара моя кожа ещё не совсем восстановилась.

Он обнял меня одной рукой, притягивая к себе. Я чуть не застонала, так восхитительно было ощущение его тёплого тела, прижатого к моему холодному. Его плечо было таким же успокаивающим, когда я положила на него голову.

Я сделала ещё глоток воды, чувствуя всепоглощающее чувство успокоения и облегчения. Что-то гноилось в глубине моего сознания, предупреждая меня, что эти чувства опасны, напоминая мне, что у меня есть работа и задачи, которые нужно закончить. Но искушение прижаться к нему ещё сильнее победило все остальные опасения. Это было слишком всепоглощающе.

Я почувствовала, как его губы коснулись моей головы, и мне пришлось закрыть глаза, чтобы не испугнуть бабочек в груди.

— А теперь отдохни, Тесс, — мягко прошептал он.

Мои веки затрепетали и закрылись без моего разрешения.

— Только на минутку.

Его глубокий голос рокотал рядом со мной, убаюкивая меня всё глубже в коконе его объятий.

— Только на минутку, — пообещал он. — Но теперь отдохни. Я буду беречь тебя, — его слова превратились в далекий шёпот, пока, наконец, я не провалилась в бездну сна. Его гипнотический голос преследовал меня, меняясь с голоса Аррика на чей-то ещё. — Я должен охранять тебя, Тессана. Я был создан, чтобы защищать тебя.

Сон успокоил мои ноющие мышцы и усталый ум. Когда я проснулась несколько часов спустя, солнце снова клонилось к закату.

Я открыла глаза и заморгала от бешеного движения в импровизированном лагере, который люди Аррика соорудили для жителей деревни. Разминая затёкшие мышцы, я не могла поверить, что проспала так долго и не замечала движения вокруг.

Я осторожно села и оглядела работу, сделанную, пока я спала. Гнев и разочарование пронзили меня. Я хотела помочь! *Я же помогала!*

И этот... этот... волшебник Аррик заставил меня спать против моей воли.

— Ну, неужели её Величество наконец-то снизошла до нас своим сознанием.

Я переключила своё внимание на самодовольное лицо Оливера.

— Почему ты меня не разбудил?

Он сделал быстрый шаг назад.

— Он сказал, что нам нельзя будить тебя.

— Кто?

Он поднял брови.

— Как ты думаешь, кто?

— А почему ты его послушался? Ты не один из его солдат!

Лицо Оливера вспыхнуло.

— Нет, я не солдат. Но я вижу, когда мой друг нуждается в отдыхе. Ты сделала достаточно, Тесс. Даже я спал. Есть предел твоему мастерству. Особенно когда ты стоишь на ногах как мёртвая. Он поступил правильно. Ты не должна на него сердиться.

— Гнев — это единственная безопасная эмоция, которую я знаю, что могу чувствовать рядом с ним.

Оливер попытался скрыть улыбку, но ему это не удалось. Печально.

— Тогда кто-то должен его предупредить.

Я посмотрела на Оливера и подавила разочарованное рычание.

— По крайней мере, скажи мне, что прогресс достигнут, — огрызнулась я.

Он сел рядом со мной и вытянул свои длинные ноги.

— Прогресс действительно был достигнут. Всё, что можно было спасти из деревни, было спасено. Повстанческая армия и деревенские жители, те, кто ещё в состоянии, разбирают обломки, которые невозможно восстановить, и оценивают, какой ущерб был нанесён лесу. И я благословлял и молился за каждое повреждённое дерево, которое нуждалось в исцеляющем прикосновении Света.

Я уставилась на него.

— Ты?

Он нервно заёрзал, глядя себе под ноги.

— Деревенским, похоже, было всё равно, что я ещё не принёс свои последние обеты. Они действительно верят, что их деревья святы, — он снова посмотрел на меня, выдерживая мой взгляд с гордостью, которую я никогда не видела в нём раньше. — Я не мог им отказать.

— Ты сделал всё это, пока я спала? — стыд охватил меня, заставляя покраснеть щёки и кожу.

— Да.

— Я могла помочь.

Он кивнул, и на этот раз выражение его лица оставалось серьёзным.

— Ты это сделала. Это нормально, что тебе нужно отдохнуть, Тесс. Никто не будет винить тебя после того, как ты погрузилась прямо в пылающий ад и силой своей воли вытащила мужчину, женщину и ребёнка в безопасное место.

Я не смогла удержаться от смеха.

— Оливер, честное слово. Я не делала так много. Я помогла, но ничего такого грандиозного.

Его губы нахмурились.

— Не говори этого повстанческой армии. Они решили, что ты какая-то святая. Или богиня. Они весь день говорили о твоём героизме.

Я закатила глаза.

— Я работала с ними. Они видели мою жалкую попытку спасения. Я едва могла унести детей в безопасное место, не говоря уже о взрослых мужчинах и женщинах.

— И всё же тебе удалось произвести на них впечатление. Подвиги твоего дерзкого героизма растут в геометрической прогрессии каждый раз, когда о них рассказывают. У тебя большая репутация, и ты должна соответствовать ей. Возможно, ты захочешь начать тренироваться регулярно. Я боюсь того, что они ожидают от тебя в следующий раз. Может быть, ты должна убить дракона? Отправить морское чудовище обратно в небытие?

— А ты их не поправил?

— Признаюсь, сначала я пытался. Но никто не хочет слушать меня, когда рассказы о тебе так удивительны.

— Откуда они взялись? Конечно же, Аррик положил им конец.

— И всё же, он, кажется, больше всех развлекается, — он сделал паузу, странный, задумчивый, насупленный. — Так или иначе, — продолжал Оливер, — как только ты превратилась во что-то значительно большее, чем человек, армия коллективно решила позволить тебе спать. Никто не мог подойти к тебе ближе, чем на десять ярдов, без вмешательства одного из них.

— Это самая нелепая вещь, которую я когда-либо слышала.

Оливер снова улыбнулся мне.

— Твоя репутация скоро распространится повсюду. Все будут рассказывать истории о Тесс Могучей.

— Будем надеяться, что нет, — простонала я. — Это может быть очень опасный слух.

— Тем не менее, принцесса, ущерб нанесён. В следующий раз, когда мы наткнёмся на горящую деревню, может быть, тебе лучше не бросаться в самое пекло.

— Урок усвоен, монах.

Некоторое время мы молчали, наблюдая за деятельностью импровизированного лагеря. Неподдалёку горел управляемый огонь. Кто-то начал готовить на нём, и запах плыл по воздуху, оживляя мой голод.

Я не ела со вчерашнего обеда. После работы всю ночь мой желудок превратился в рычащего зверя.

— Жители деревни говорят, что это Кольцо Теней устроило пожар. Королевская армия не сделала ничего, чтобы вмешаться. А теперь они говорят, что каждой деревне по всему королевству было приказано платить на десять процентов больше налогов Месту Силы, чтобы заплатить за будущую защиту. Люди или места, которые не подчиняются, будут оставлены на усмотрение Теней.

— На десять процентов больше? — голод исчез, сменившись раскалённой добела яростью. — Жителям деревни больше нечего дать, Оливер!

Оливер снова вскочил на ноги.

— Тогда нам нужно отправляться в путь как можно скорее. Чем скорее мы прибудем в Элизию, тем лучше.

Мой голос дрожал, когда я спросила:

— Ты думаешь, я могу что-нибудь сделать? Что-нибудь изменить?

Оливер отвернулся от меня и направился к загону, где временно держали лошадей.

Он вернулся с моей сумкой. Он положил её мне на колени, и мои руки мгновенно вцепились в гладкую кожу, сжимая драгоценный груз, спрятанный внутри. Шикса высунула голову из-за полога и подняла розовый носик, чтобы понюхать ещё дымный воздух.

— Ты должна, — сказал он мне. — Другого выхода нет.

В воздухе прогремел гром. Он прогрехотал по лагерю, вызывая вздохи у женщин и тревожное рычание у мужчин. Когда гром продолжал греметь, я поняла, что это вовсе не гром, а копыта лошадей, мчащихся к нам.

Повстанческая армия вытащила оружие и повернулась лицом к усиливающемуся грохоту копыт, стучащих по грунтовой дороге. Я вскочила на ноги рядом с Оливером, закинув сумку и тщетно ища своё оружие.

Я оставила его где-то вчера. Оно мешало, лязгало рядом и дико раскачивалось всякий раз, когда мне нужно было спешить. Я не знала, был ли клинок всё ещё там, где я его оставило, или кто-то переместил его в более безопасное место. В любом случае, сейчас у меня его с собой не было.

— Я безоружна, — прошипела я Оливеру.

Низкий смешок Эрета возвестил о его прибытии. Он стоял рядом с нами, держа оружие наготове.

— Это очень плохо, миледи, — пробормотал он. — Потому что, похоже, тебе нужен клинок.

Из-за поворота дороги показалась группа всадников и их скакунов, которые с явной

решимостью приближались к нам. В следующую минуту вновь прибывшие окружили лагерь. Лошади заржали, а всадники приказали им замолчать. Женщины закричали, и напряжение в воздухе стало таким же густым, как вчерашний дым.

Я потянулась к руке Оливера и крепко сжала её.

— Кто эти люди? — прошептала я Эрету. Я искала герб Теновии на их нагрудниках или туниках, но не нашла.

Эрет отступил назад, чтобы прикрыть меня своим телом.

— Заклятый враг, — прошептал он в ответ.

Моё сердце упало до кончиков пальцев ног, и я подумала, что меня сейчас стошнит. Я не была готова к ещё одной ситуации жизни или смерти.

По крайней мере, мне нужно было оружие, чтобы защитить себя.

Предводитель прыгнул со своего седла и прокричал грубое приветствие Аррику. Двое мужчин встретились посреди лагеря. Аррик выглядел так, словно мог убить. И выражение лица незнакомца было не менее суровым.

— Я не думал, что ты можешь стать глупее, Аррик Самозванец, — взревел незнакомец.

Аррик вытащил свой меч и ответил.

— И я не думал, что можно стать уродливее Гантер Скверный.

Мою кожу покалывало от предвкушения. Я осмотрела лагерь. Рядом лежала самая близкая к оружию вещь, которую я смогла найти, огненная кочерга, всё ещё красная на кончике.

Как раз в тот момент, когда я решила сделать движение, чтобы схватить железную кочергу, Аррик и Гантер протянули сильные руки и сжали их вместе, хлопая друг друга по спине в знак приветствия. Их головы откинулись назад, и они начали смеяться.

Я посмотрела на Эрета.

— Заклятый враг?

Он хитро посмотрел на меня и пожал плечами.

— Они также верные союзники.

Я открыла рот, чтобы спросить, как это работает, когда Аррик повернулся к лагерю и крикнул:

— Подготовьте хорошую еду, друзья мои. Сегодня вечером мы празднуем, что помощь наконец-то прибыла!

— А я-то думал, что мы и есть помощь, — пробормотал Оливер.

Я обменялась с ним взглядом.

— По крайней мере, мы не еда.

ГЛАВА 13

Как оказалось, не все всадники Гантера были мужчинами. Женщины и дети смешались с незнакомцами, такими же закалёнными и обветренными, как и сам Гантер.

Это была Странствующая Орда, более известная как Каволия. Ходили слухи, что они бродят по девяти королевствам, не слишком уважая законы страны. Печально известные своей способностью ограбить целую деревню прежде, чем подоспеет помощь.

Я внимательно следила за ними весь вечер, ни на минуту не отпуская сумку, держа её рядом, даже когда мылась и переодевалась.

Их медная кожа не была ни тёмной, как у Кашанов, ни красной, как у Ворестранцев. Их

большие глаза приподнимались в уголках. Все они могли похвастаться полными губами и густыми тёмными волосами, и всё же они были явно не с Барстуса.

Их происхождение оставалось загадкой. Хотя я знала, что земля существует за пределами цивилизованного мира, я никогда не встречала никого из-за Кристального или Змеинового Морей.

Я посмотрела туда, где группа женщин Орды болтала вокруг костра, добавляя специи в пикантное рагу. Их тёмные густо подведенные глаза сверкали в лучах заходящего солнца, а накрашенные розовым губы широко раскрывались, когда они смеялись. Я не могла не восхищаться их красотой. Даже одежда приглушённых тонов, предназначенная для долгой езды верхом, была хорошо сшита из тонкой кожи.

— Ты не Теновианка.

Я подпрыгнула, едва не вскрикнув от неожиданного голоса позади меня. Я резко обернулась и столкнулась лицом к лицу с Гантером Отвратительным.

— Ты... Я... Нет, нет.

— Я вижу, что твой друг Хепринианец, — продолжал Гантер, пристально глядя на Оливера. — Светлая кожа и стрижка монаха выдают его.

Оливер взъерошил свои блестящие волосы, доходившие ему до кончиков ушей. Ниже всё было гладко выбрито. Хотя после более чем месяца в дороге его волосы начали расти. Он что-то проворчал себе под нос, но не стал отрицать заявления Гантера.

— Я действительно из Хеприна, — возразила я. — Мой спутник и я пришли из Храма Вечного Света.

Если это было возможно, глаза Гантера сузились ещё больше, и что-то похожее на узнавание осветило его лицо.

— Возможно, ты недавно там жила, — возразил он, — но родом ты не оттуда.

— Нет.

— И ты не девка Аррика.

Я чуть не подавилась воздухом.

— Я не одна из них.

Широкий рот Гантера расплылся в улыбке.

— Так что же привело прекрасную девушку на коварную территорию, когда рядом с ней только послушник?

Я расправила плечи и предположила:

— Может быть, это послушник потащил меня за собой?

— Нет, — решил Гантер. — На лице монаха застыло выражение ужаса. Ты, моя дорогая, не просто боишься.

— А почему должна быть причина? — мои пальцы были холодными и дрожащими. Если Гантер был наёмником, как гласила его репутация, то корона, прижатая к моему бедру, была в ещё большей опасности, чем когда-либо. — Моей единственной целью было поближе познакомиться с королевством. Увидеть, спустя столько времени, как выглядит моя родина, — ложь. — Я с трудом её помню, — ещё одна ложь.

— Я поклялся убить Аррика Вестновиана, — ответил Гантер.

Внутри у меня всё сжалось от страха за человека, которого я знала едва ли месяц.

— А он знает об этом?

— Он знает, — незнакомец наклонился, пахнувший кожей, пряностями и чем-то более сладким, чем-то вроде мяты. — Он поклялся убить меня тоже.

Я кивнула. Это казалось разумным.

— Значит, пока я не убью его или он не убьёт меня, никто не сможет помешать нашим намерениям.

— Ты предупреждаешь меня не убивать Аррика, потому что сам этого хочешь?

— Да.

— В этом нет никакого смысла, — когда он открыл рот, чтобы ответить, я подняла руку, чтобы остановить его. — В любом случае это не имеет значения, так как я не желаю зла ни Аррику, ни его людям. Они были добры к нам. А мы, в свою очередь, вознаградим их за службу.

Глаза Гантера сверкнули.

— Наградите? И как наградит кого-нибудь нищая девица и нищий монах? Улыбками и чувством благодарности?

Гнев прожёт меня насквозь, разъедая мою решимость и разум.

— Ага.

— Насколько я понимаю, вы пройдёте через Сораваль, прежде чем отправитесь в Алмазные горы?

— Да. Именно это и предложил Аррик.

— Тогда я предлагаю тебе, прекрасная дева, научиться лучше лгать.

Воздух потоком вырвался из моих лёгких. К тому времени, как я снова обрела способность говорить, Гантер уже ушёл. Он медленно подошёл к своим лошадям, протягивая им руку в нежном жесте, который резко контрастировал с его грубой аурой.

Аррик подошёл с другой стороны, так что я неохотно оторвала взгляд от новичка, которому не доверяла, чтобы встретиться глазами с кем-то, кому я могла неохотно признать, что начинаю доверять очень сильно.

Он остановился рядом с нами и кивнул в сторону своего друга и врага.

— Я вижу, вы познакомились с Гантером Крешником.

— Дружелюбный парень, — проворчал Оливер.

Губы Аррика дрогнули, но его взгляд не отрывался от меня.

— Он тебя беспокоил?

— Нет, — Аррик поднял бровь, вынуждая меня объяснить. — По крайней мере, не больше, чем ты.

На этот раз я была вознаграждена смешком.

— Он не доверяет людям по своей природе.

— Я не виню его за это, — ответила я. — Некоторые могут сказать, что ты слишком легко доверяешь людям.

— Ты говоришь о себе?

— Не о себе, — улыбнулась я ему. — Я бы не посмела оскорбить твою доброту.

Он шагнул ближе ко мне, заставляя Оливера отступить.

— И всё же мне кажется, что это так.

Я почувствовала, что наклоняюсь к нему.

— Я просто предполагаю, что ты мог бы кое-чему научиться у своего друга.

Его губы дрогнули.

— Когда Каволия разбивает лагерь, они разрешают своим лошадям спать вместе с ними. И когда они убивают врага, они отбеливают его кости и носят их вокруг талии, как пояса.

Мой взгляд метнулся к Гантеру, когда он наклонился, чтобы уткнуться носом в морду

своей лошади.

— Это не может быть правдой, — длинное кожаное пальто Гантера свисало до икр, закрывая вид на костяные ремни, которые могли там быть.

— Ещё более странно, что они делят своих жён.

Мой рот захлопнулся, и я перевела взгляд с Гантера на Аррика.

— Ты не имеешь в виду...

Он уверенно кивнул:

— Именно это я имею в виду.

Лицо Оливера вспыхнуло, и он резко извинился.

— К чему ты клонишь? — спросила я Аррика, не сводя глаз с его лица, вместо того, чтобы пялиться на Каволианских женщин и мужчин, как мне хотелось.

Аррик снова шагнул вперёд, проведя пальцами по внутренней стороне моего запястья.

— Я хочу сказать, Тесса из Элизии, Хеприна и Храма Вечного Света, хотя он, возможно, и не доверяет тебе, на самом деле он эксперт в мудростях вещах этого мира.

Какая-то магия танцевала в воздухе, согревая мою кожу и живот. Я наклонилась ближе к нему, загипнотизированная загадкой в его глазах и неотразимым изгибом губ.

— Но ты же Аррик Вестновиан из Кровавых Лесов и командующий Повстанческой армией?

Он вздрогнул. Еле-еле. Я бы не заметила, если бы не смотрела на него. Но в его глазах промелькнуло сомнение... или сожаление... или...

Он наклонился, касаясь губами моих губ. От этого ощущения у меня перехватило дыхание.

Мой разум затуманился, и слишком горячая волна покрыла каждый дюйм моей кожи. У меня были ожидания и надежды, и что-то вроде желания расцвело во мне, но так же поспешно, как он поцеловал меня, он отступил.

На этот раз, когда я боролась за дыхание, это было от разочарования.

— Сэр?

Я проглотила новую волну смущения и проследила за взглядом Аррика на одного из его людей. Аррик выглядел таким же смущённым, как и я, и я наслаждалась красным румянцем, покрывающим его шею.

— Да, Древол?

— Еда готова, — холодно ответил Древол. Его глаза на мгновение метнулись ко мне, прежде чем вернуться к Аррику. — Если вы хотите.

— Да, — Аррик откашлялся и поправил тунику, хотя она и не была смята. — Я готов. Накорми народ. Не жди меня.

— Как пожелаете, — кивнул Древол.

Аррик не колебался. Он протянул мне руку, показывая, чтобы я взяла её.

— Может, поедим?

Я мысленно вернулась в свою прошлую жизнь, ту, что была до хаоса, горя и боли. Я уже много лет не брала мальчика за руку. Со времён, когда я была ребёнком.

С тех пор я не видела таких изысканных манер... Я протянула руку, чтобы прикоснуться к драгоценным камням, висящим у меня на шее, и снова почувствовала, что мне чего-то не хватает.

— Что ты делаешь? — спросила я его, удивляясь, почему он стоит, как цыплёнок, с согнутой в локте рукой, застыв на полпути.

— Я должен это сделать, — вздохнул он. Он играл с плащом, накинутым на плечи. — Мой отец рассказывал мне.

— Ну, твой отец не всё знает, — возразила я. — Ты выглядишь как потерявшийся цыплёнок.

Он зарычал на меня, но затем его голубые глаза загорелись победой.

— Вот, — он указал на моего отца и повторил жест матери. Она взяла его под руку, и он повёл её в столовую. — Видишь?

Я взглянула на мерцающее золото своего платья. Оно будет выделяться на фоне величественной синевы его туники. Но мне это нравилось.

Стараясь изо всех сил подражать своей матери, я взяла его под руку и прикусила нижнюю губу, пытаясь сдержать улыбку.

Он смотрел на меня с удивлением, в его блестящих глазах плясало смущение.

— Это кажется...

— Станным? — прошептала я, ненавидя себя за то, что мой желудок, казалось, провалился в пятки.

Он покачал головой.

— Нет, Тесса. Это приятно.

— Тесс? — спросил Аррик, всё ещё протягивая мне руку, как маленький мальчик в моей памяти.

— Спасибо, — я взяла его под руку и проигнорировала облако тепла, шипящий во мне, и жужжание чего-то более острого, чего-то, что я ещё не была готова обнаружить.

Ужин был экстравагантным мероприятием по сравнению даже с сытной едой повстанческой армии. Каволианские женщины готовили со специями, которых я никогда раньше не пробовала. Смелые ароматы обжигали язык и кипели в крови, но всё было восхитительно.

Рагу состояло из корнеплодов и кусков дикой редьки. Они подали лепёшки со специями, а затем сладкий мёд, который дополнил трапезу.

К концу ужина я чувствовала головокружение, тепло и сытость.

Я попыталась помочь женщинам убрать посуду и вымыть котёл с супом, но они прогнали меня на языке, которого я не понимала. Найдя Оливера, прислонившегося к мешкам с картошкой возле костра, я скользнула вниз рядом с ним и улыбнулась огню, так отличающемуся от того, с которым мы столкнулись вчера.

— Я никогда раньше не пробовал такого сладкого мёда, — громко заявил Оливер.

Я усмехнулась, увидев его дикие глаза и румяные щёки.

— Ты сполна насладился им?

Он поднял бурдюк с вином, выплеснув немного жидкости медового цвета себе на колени.

— Никогда!

Потянувшись за бурдюком, я рассмеялась, он держал её вне досягаемости своими длинными руками.

— Женщина, — пробормотал он невнятно. — Ты можешь быть королевской особой, но это не даёт тебе права на мой мёд.

— Оливер! — я бросила поиски его напитка, чтобы убедиться, что нас никто не слышит.

Нас не слышали. Толпы людей, как Теновианских, так и Каволианских, были вокруг нас, но никто, казалось, не заметил его вопиющего промаха.

Он тоже не заметил. Он откинул голову назад и выпил ещё мёда, остановившись только для того, чтобы икнуть.

— Ты пьян, — обвинила я его.

Голова его склонилась набок.

— Нет, — возразил он. — Я... У меня перерыв.

Я поняла его, хотя его слова прозвучали как умееняперерыв.

— От чего?

Бурдюк выскользнул из его пальцев и приземлился рядом, как раз так, чтобы не пролиться. Если бы его голова не упала на руку, а тело не свесилось почти набок, я бы подумала, что он сделал это нарочно.

— От беспокойства о тебе.

Неужели он беспокоился обо мне?

За моей спиной зазвучала музыка, и странный звук отвлек моё внимание от пьяного друга.

Каволианские мужчины стояли рядом, купаясь в отблесках костра. Каждый держал в руках свой деревянный инструмент, щипки вызывали меланхолию, витавшую в благоухающей ночи.

В воздухе всё ещё пахло тлеющими углями и пряностями после ужина. Смех плавал вокруг меня, рассказывая историю выживания и жизни Теновианцев, которые не были раздавлены под тяжестью трагедии.

Я удивилась странности этой ночи. Последние восемь лет я жила в тишине. И вот теперь, в течение нескольких недель, меня бомбардировали голоса и смех, а теперь и музыка.

Сердце моё колотилось, голова кружилась от каждого нового ощущения, а память расцветала от старых.

Те, кто не играл, начали обнимать женщин и танцевать вокруг костра. Вскоре к ним присоединились и Теновианцы, смеясь и раскачиваясь под музыку, какой я никогда раньше не слышала.

Постепенно музыка набирала темп. Вскоре к песне присоединились хлопки и радостные крики.

Оставив сумку и Шиксу рядом с Оливером, но в пределах видимости, я встала и двинулась к краю толпы. Я чувствовала себя чужой больше, чем за всё то время, что мы ехали с повстанческой армией. Даже мятежники находили одиноких женщин, которые вертелись вокруг и держались поближе.

Каволианские женщины танцевали с лукавой грацией. Их стройные фигуры, казалось, были созданы для музыки. Теновианки были крепче и выше ростом, чем Каволия, но, казалось, легко усваивали стиль танца.

Я с благоговейным трепетом наблюдала, как эти две культуры диким образом смешались. Музыка становилась всё тяжелее, мёд тёк быстрее, и я ждала, что кто-нибудь залает на луну.

— Очаровательно, не правда ли?

Моя рука метнулась к сердцу. Я повернулась к Аррику.

— Да, — согласилась я.

Он протянул мне руку.

— Наверное, нам стоит присоединиться.

Его губы слегка приподнялись, тонко и пленительно. Это напомнило мне музыку. Мне захотелось наклониться и провести по ним пальцем.

Его тёплая рука сомкнулась вокруг моей и потянула меня вперёд. Сопротивляться слишком поздно. Мы уже были увлечены танцами, прежде чем я вспомнила, что должна отказаться.

— Я... я не умею, — призналась я.

Его рука сжала мою, а другая обхватила меня за талию, почти оторвав от земли.

— Я тебе не верю.

Мои пальцы вцепились в его тунику.

— Это правда! — он развернул меня, мои пальцы коснулись мягкой земли. — Меня заперли в монастыре! Я ничего не знаю о танцах!

Аррик улыбнулся, снова гипнотизируя меня своими голубыми глазами. Он поставил меня на ноги и двинулся более осторожно, позволяя мне следовать его уверенному примеру.

— Я не согласен, — его рука крепче обхватила меня за талию, и я сильнее вцепилась в его тунику, боясь, что он снова закружит меня. — Ты, оказывается, знаешь о танцах самое главное.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь ему в ответ.

— И что же это?

— Доверяй своему партнёру.

— Ах, — я покачала головой, забавляясь тем, как его эго, казалось, расправило крылья и взлетело.

Он шагал из стороны в сторону, показывая мне основы с терпением, которого я не ожидала. Я не была ужасной ученицей, но я смущающе отстала от практики. Даже в детстве я не была гордостью и радостью моих родителей в бальном зале. Ею была моя сестра, Катринка.

В конце концов, я выучила всё необходимое для танца и позволила Аррику исполнять сложные па. Мы смеялись у костра, наслаждаясь тем, как музыка танцевала с нами, а звёзды сверкали над головой.

Через некоторое время музыка замедлилась, а вместе с ней и наши шаги. Аррик прижал меня к своей груди так, что мы были почти неприличны. Он держал меня, провоцируя вырваться.

Ещё одна вспышка памяти или, может быть, узнавания пронзила меня. Было что-то в Аррике, что-то, что терзало меня с того момента, как я впервые увидела его лицо полностью. То, как он держал меня. Этот вызывающий взгляд. Путь, по которому он пришёл ко мне. Всё это было знакомо. *Он был знаком.*

Его слова из прошлого танцевали в моей голове, плавая в музыке.

Я думал, что снова потеряю тебя...

Но прежде чем я успела полностью осознать свои мысли, он спросил:

— Монахи удерживали тебя силой?

Его вопрос прозвучал так неожиданно, что я не смогла сразу сформулировать ответ. Его брови нахмурились от моего молчания.

— Тесс? — тихо спросил он. — Они действительно заперли тебя?

Мне не следовало быть с ним такой откровенной.

— Я преувеличила, — наконец сказала я.

— Значит, ты могла уйти в любое время?

Нет, не могла. Отец Гариус не допустил бы этого. Но это было не жестоко. Он держал меня там для моей же безопасности, что я всегда остро осознавала. Однако я не могла объяснить всё это Аррику. Поэтому я солгала:

— Могла бы. Монахи приютили меня из милосердия. Не пленили, — он посмотрел на меня с таким беспокойством, что следующие слова сорвались с моих губ без моего разрешения. — Хотя временами мне казалось, что я в плену. Я была осиротевшим ребёнком. И к тому же девушка. Куда я могла пойти? Я была слишком молода, чтобы иметь хоть какие-то ценные навыки. Очевидно, я была наивна по отношению к внешнему миру. У меня не было ни денег, ни другой семьи. Я бы умерла с голоду в течение нескольких недель. А если бы меня нашёл кто-то другой... Что ж, возможности немислимы. Монахи были единственными, кто удерживал меня от гибели. Я нуждалась в них.

Пальцы Аррика коснулись моей челюсти. Я заставила себя посмотреть ему в глаза и обнаружила, что меня ждёт нежность. Моё сердце немедленно отреагировало, остановившись, а затем ускоряясь, пока я едва могла дышать сквозь его стук.

Прошло много лет с тех пор, как я чувствовала себя такой желанной. И я не знала, что с этим делать.

Вот оно снова. На мгновение он напомнил мне кого-то другого. Эти ярко-голубые глаза сверкали с такой силой, которую я уже видела раньше. Его губы сложились в знакомую серьёзную улыбку, и я могла бы поклясться, что это был кто-то, кого я знала. Кто-то, кому я когда-то доверяла.

Но потом он снова заговорил, и все следы того маленького мальчика из моего детства исчезли. На его месте стоял мужчина. Человек, который был заботливым, но и ужасающим. Человек, который восстал против короля и страны и боролся за другой мир.

— Тогда я рад, что у тебя были монахи, — пробормотал он. Он наклонился, коснувшись губами уголка моего рта. В моей крови вспыхнули звёзды. Мне было интересно, может ли весь мир сказать, что я была такой же яркой, как солнце внутри. — Но теперь у тебя есть я.

Он отошёл, оставив меня стоять в одиночестве посреди вселенной. Жар костра согревал мне спину, а тёплый ночной воздух ласкал лицо.

— Я тоже рада этому, — прошептала я в спину Аррика, когда он оставил меня танцевать с ощущением его губ на моих.

ГЛАВА 14

На следующее утро мы снова собрались в путь. Помощь прибыла от Теновийцев соседней деревни. Аррик решил, что мы сделали всё, что могли, и знал, что мне не терпится отправиться в путь.

Оливер бочком подошёл ко мне с таким видом, словно только что встал со смертного одра.

— Ты в порядке? — крикнула я так громко, как только могла.

Всё его лицо сморщилось в страдании.

— Мёд, — пробормотал он.

Как раз в этот момент к нему подвели лошадь. Мятежный солдат, который заботился о ней, протянул поводья, в то время как Оливер смотрел на них, бунтуяще наклонив свой зеленоватый подбородок.

— Нет.

Солдат покачнулся на пятках.

— Что значит "нет"?

— Я не смогу этого сделать, — признался Оливер. — Я не смогу ехать верхом весь день.

— Ты болен? — солдат выглядел по-настоящему озадаченным.

Оливер кивнул.

— В некотором роде.

Солдат повернулся ко мне.

— Он болен?

Я наклонила голову и выдержала его пристальный взгляд.

— Разве от избытка мёда обычно бывает плохо? Потому что если так, то да, Оливер действительно очень болен.

Голова солдата откинулась назад, и он громко расхохотался. Он схватил Оливера за руку, бросил в неё поводья и пошёл прочь.

Оливер согнулся пополам, и его тут же вырвало.

— Эй! Оливер! Предупреди меня в следующий раз, когда решишь избавиться от обеда!

Он махнул мне рукой.

— Не говори про обед!

А потом его снова вырвало.

Я отвернулась. Я должна была это сделать, иначе скоро присоединюсь к нему. Выбрав любое место, но не рядом с Оливером, я решила найти солдата, отвечающего за мою лошадь. Наверное, пора было собираться.

— Не думаю, что это разумно, Гантер, — сильный, строгий голос Аррика привлёк моё внимание. Я остановилась на звук его голоса, как раз перед тем, как выйти из-за одного из деревьев, которые затеняли загон для лошадей.

— Разумно? — Гантер рассмеялся. — А караваны через королевства — это разумно?

— А разве у меня есть выбор? У меня есть долг.

— Да, — голос Гантера с угрозой понизился, — Но кому ты должен? Твоей повстанческой армии или твоему отцу?

Аррик ответил ему приглушённой угрозой. Я не могла видеть их с того места, где я прижималась к стволу дерева, но я могла представить себе опасное выражение, играющее на лице Аррика, когда он заговорил, слова стали совсем тихими, я едва могла услышать.

— У меня есть долг перед этим королевством, Гантер. Ты лучше всех должен это знать.

— Да, — согласился Гантер. — Я просто катаюсь от Хеприна, не так ли? Я ведь заслужил ещё одну услугу, не так ли?

— И ты, без сомнения, потребуешь, чтобы я вернул долг.

— Драконья кровь, Аррик. Эта миссия — самоубийство.

— Нет, — быстро возразил Аррик. — Оставить её здесь было бы самоубийством. И разрушение державы, какой мы её знаем.

Кого *её*? Меня? Они знали?

Аррик не мог знать. А ведь я только что познакомилась с Гантером. Но почему Каволианская Орда оказалась в Хеприне? Что он имел в виду, говоря, что Аррик должен ему услугу?

— Может быть, это не так уж и плохо, — голос Гантера смягчился. — Может быть, нам нужна другая держава, чем та, которая есть сейчас.

— Без сомнения, мы хотим перемен. Мы боремся за это. Мы умираем за это. Но не так,

как ты предлагаешь. Не ценой наших душ.

Гантер издал резкий смешок, который стал чем-то вроде его фирменного звука.

— Ты едешь к Соравалю, Мятежный Король. И что потом?

Я представила себе, как Аррик выпрямляется и отвечает:

— Потом мы сделаем то, что делаем всегда. Мы выживем.

По земле захрустели шаги. Я скользнула за дерево, чтобы остаться вне поля зрения.

— Мы едем с тобой, — крикнул Гантер. — Ты можешь спорить со мной, но не можешь остановить нас.

Шаги замерли.

— Это плохая идея, — предупредил Аррик.

На этот раз смех Гантера был более искренним.

— Держу пари, что ни одна из моих идей никогда не считалась *хорошей*, мой друг.

Аррик снова сдвинулся.

— И всё же я благодарен, по крайней мере, за половину из них.

— Миледи.

Я пискнула, стыдясь, что меня поймали за подслушиванием.

— Эрет, ты меня напугал.

Его глаза подозрительно сузились.

— Что вы делаете?

Ледяной ужас пронзил меня, и я несколько раз шевельнула губами, прежде чем издала хоть звук.

— Ш-Шикса.

— Что?

— Я ищу Шиксу.

— Она там, — он указал на моё бедро.

— Что?

Эрет шагнул вперёд и указал на мою сумку.

— Я вижу её белый хвост, леди Тесс. Она там, в твоей сумке.

Я посмотрела вниз.

Потом стало ещё хуже.

— Эрет? — Аррик обогнул дерево. — Что ты... Тесс?

Не думая ни о чём другом, я воскликнула:

— Шикса! Ах ты, скверный маленький зверёк. Вот ты где!

Это только усугублялось тем, что её радостно подёргивающийся хвост торчал из сумки. Я вытащила её, не обращая внимания на то, как глубоко вонзились её маленькие когти. Она мякнула, раздражённая тем, что я вырвала её из сна.

— Я думала, что потеряла тебя, — я уткнулась носом в её нос, чтобы скрыть позорный румянец, расцветший на моих щеках.

— Что происходит? — спросил Аррик.

Эрет откашлялся.

— Лиса потерялась, сэр. Леди Тесс потеряла её, — я почувствовала на себе его обвиняющий взгляд. — В своей сумке.

— В той самой сумке, что всегда на плече? — добавил Аррик.

Эрет ещё раз кивнул.

— В той самой.

Я повернулась лицом к обоим мужчинам.

— Она маленькая, — напомнила я им. — И я устала.

Они уставились на меня.

— Во всяком случае, теперь, когда я нашла её, мне нужно подготовить лошадь. Прошу меня извинить, джентльмены.

Я быстро обошла обоих мужчин и направилась к загону. К тому времени, как я обогнула дерево, Гантера нигде не было видно. Я выдохнула, радуясь, что мне не придётся встречаться с ним лицом к лицу.

— Каволия присоединится к нам в нашей поездке, — объявил Аррик, подстраиваясь под мой темп.

Я покраснела ещё сильнее, пытаясь изобразить удивление.

— Да? У них есть дела в Элизии?

— Вроде того.

Любопытство захлестнуло меня.

— А какая ещё у них может быть причина путешествовать с нами? Наверняка такая большая компания привлечёт ненужное внимание.

— Каволия известна своим большим кланом. Во всяком случае, их присутствие скроет наше.

Я обдумывала это, пока он открывал ворота загона для лошадей и пропускал меня первой. Земля здесь была мягче, истоптанная тяжёлыми копытами. Я обошла ограду в поисках хорошенькой леди, которая должна была отвезти меня домой. Аррик остался рядом со мной.

— Возможно, — согласилась я. — Но я едва доверяю тебе и твоей повстанческой армии. Что мне делать с ордой воров и наёмников?

Аррик встал передо мной, останавливая меня. Его большое тело прислонилось к забору, а рука легла мне на плечо, удерживая на месте. Выражение его лица потемнело, и в голубых глазах вспыхнула буря. Я сглотнула, борясь с паникой в груди.

— Они не причинят тебе вреда, Тесс.

— Я знаю, — хотя и не знала.

Выражение его лица изменилось.

— У тебя есть секреты, Тесс. Элизия значит для тебя больше, чем ты показываешь. Поделись ими со мной, чтобы я мог тебе помочь.

Язык лежал во рту, как камень, тяжёлый и шершавый. Моё сердце бешено колотилось. Последнее, что я могла открыть, были мои секреты.

Его голос понизился и стал уговаривающим, когда он сказал:

— Я хочу помочь тебе, но сначала я должен узнать правду.

Ухватившись за тонкие нити решимости, распутывающиеся внутри меня, я прошептала:

— Я рассказала тебе всё, что могла, Аррик. Здесь нет большой тайны, только желание вернуться домой. Ваша помощь ценна, но не является необходимой. Если я тебе в тягость, то я могу идти своей дорогой, а ты своей, и мы никогда больше не встретимся.

Он шагнул вперёд, сокращая небольшое расстояние между нами.

— Я не советовал тебе расставаться, незнакомка. Просто чем больше у меня информации, тем лучше я смогу тебя защитить.

— И всё же я не нуждаюсь в твоей защите.

Его голубые глаза сузились.

— Опыт с тобой не согласен.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы не огрызнуться на него.

— Мне нужно подготовить лошадь, Командор. Если вы подвинетесь.

Разочарование защекотало ему челюсть. Его взгляд переместился на лямку моей сумки и на сумку, лежащую у меня на бедре. Я прижала Шиксу к груди одной рукой, а другую положила себе на талию, невинный жест, если не считать того, что рукоять моего клинка находилась всего в дюйме от кончиков пальцев.

Взгляд Аррика поднялся, чтобы встретиться с моим.

— С тобой всегда было трудно, Тесса. Я знаю это с самого первого дня нашей встречи.

— А ты всегда был властным, Мятежный Король.

Его тело напряглось от прозвища, и я поняла, что только что выдала себя. Так его называл Гантер.

Движение слева привлекло моё внимание. Аррик отступил назад, махнув рукой в сторону.

— Ваша лошадь, миледи.

Эрет протянул поводья лошади, отличной от той, на которой ехала я. Её белая грива ниспадала на длинную шею, расчёсанную и блестящую. Её седло было начищено до блеска, а копыта блестели. Она держалась как императрица.

Я спрятала свою спящую Шиксу и шагнула к лошади. Моя рука скользнула вниз по её шее, наслаждаясь жёсткими волосами и силой, скрытой за её великолепной серой кожей.

— Как её зовут?

Аррик шёл прямо за мной. Я чувствовала тепло его груди и его дыхание на своей шее.

— Её зовут Финейр.

— Она Соравалианка?

— Я купил её у Гантера, — объяснил Аррик. — Он уже выбрал имя.

— Что это значит?

Голос Аррика стал шёпотом, когда он сказал:

— Гантер вытащил её из долин Минилина, когда она была не более чем красивым жеребёнком. Она была одна и умирала с голоду. Её имя означает "Потерянная принцесса".

Кровь моя закипела, и в то же время рука замерла. Слезы защипали мне веки, но я не позволила им упасть.

Когда я снова открыла глаза, Эрет и Аррик исчезли, и я осталась наедине с Финейр. Она смотрела на меня тем же взглядом, что и я, по-прежнему высоко подняв голову, словно провоцируя меня судить её, провоцируя сказать ей, что она не потерянная принцесса.

— Значит, мы обе знаем, каково это быть потерянной, — прошептала я ей. Она не двигалась. Она просто наблюдала за мной, словно оценивая мою собственную историю в сравнении с тем, что она знала о мире и человеке. Наконец, её морда опустилась, чтобы коснуться тыльной стороны моей руки, которая держала её поводья.

Я почувствовала прохладную влагу её носа и поняла, что она приняла меня. Как бы глупо это ни звучало, Финейр предназначалась мне. Нежное жужжание в моей ладони, когда она лежала на её гриве, убедило меня, что я могу доверять этой прекрасной кобыле.

Тесса. Это имя пронзило меня огнём. Меня не называли Тессой с тех пор.... Я посмотрела туда, где стоял Аррик, обращаясь к своим людям. Неужели он действительно так меня назвал?

Или мне показалось?

По моей спине пробежала струйка беспокойства, медленное скольжение подозрительности и страха. Аррик Вестновианский был большим, чем казался. Я не могла игнорировать инстинкт, питающий мои подозрения. Но принц из моего прошлого никогда не бросит своё королевство ради армии мятежников. Он никогда не оставит свою семью или свой народ, чтобы преследовать преступную справедливость и анархию. Не может быть, чтобы это был один и тот же человек.

И всё же Аррик был *чем-то*. Чем-то большим, чем то, что он позволил мне увидеть. Мне нужны были ответы, прежде чем недостаток информации приведёт меня и корону в беду.

Нос Финейр нырнул под мою руку. Я повернулась к ней и решила, что всё время, которое у меня осталось с повстанческой армией, я проведу с крайней осторожностью. В Мятежном Короле было нечто большее, чем революция и война. Теперь мне нужно было выяснить, было ли это “большее” за или против меня.

Шоссе змеилось через Теллеканский лес. Массивные чёрные кедры были такими широкими местами, что Теновианцы прорубались сквозь них, а не обходили вокруг. Гигантские красные листья сверкали в лучах тёплого солнца. Иногда они падали на землю, раскачиваясь из стороны в сторону, завораживая меня своим сверкающим теплом и контрастом с чёрными стволами деревьев и яркой зелёной травой вдоль дороги.

Лес оставался чудом. Что бы ни случилось после этого путешествия, я буду наслаждаться этой поездкой, наслаждаться красотой и тайной моего царства.

Однако чем дальше на север мы ехали, тем более параноидальными становились люди. Когда мы проезжали деревню за деревней, горожане прятались в своих домах. Окна закрывались, двери захлопывались, и платформы с блоками поспешно убирались с нашего пути.

Может быть, это был наш большой походный отряд, а может быть, опыт научил этих людей опасаться всадников. В нескольких местах я заметила новую постройку на фоне обгоревшей коры и увядших ветвей. Не одна деревня была сожжена.

А там, где целая деревня осталась нетронутой, можно было заметить длинные верёвки, свисающие с тех же ветвей, на которых они строили свои дома. Виселица.

Теновианский народ жил в страхе и горе. Деревья, которые приютили их, были созданы, чтобы наказать их. Армии, которые должны были защищать их, вместо этого бросили их.

Я ничего не сделала. Я спряталась в своём маленьком нетронутом уголке королевства. Я позволила этой тьме расти до тех пор, пока эти люди больше ничего не знали.

Девять королевств нуждались в лидере и руководстве. Элизианской армии нужна была королева.

Сегодня вечером мы доберёмся до границы между Теновией и Соравалем, а через три недели до Элизии. Я была близко, но недостаточно близко.

Я оглядела людей, которые ехали с нами, и подумала, что будет, если я признаюсь в своей миссии. Примут ли они моё предложение и поспешат ли к Элизии? Или они отнимут у меня то единственное, что давало мне право на трон?

Я знала, что в армии Аррика есть люди, которым я могу доверять. Они доказали, что являются достойными, преданными солдатами, заботящимися о благе королевства. Я даже начала робко доверять Аррику. Но я отбросила эту мысль, как только мой взгляд упал на окружающих меня мужчин из Каволии.

Гантер не взял с собой всю свою странствующую орду. Он выбрал группу избранных

воинов, чтобы сопровождать нас. Остальная часть орды поскакала в противоположном направлении.

Гантер и Аррик ехали бок о бок впереди нашего каравана. Они склонили головы в глубоком обсуждении.

Оливер молчал весь день, пока приходил в себя после мёда. Его лицо утратило свой зеленоватый оттенок и вернулось к своей обычной бледности. Шикса спала в моей сумке, довольная после обеда из мягкого картофеля по-теновийски и напёрстка воды.

Я ссутулилась в седле и дала спине отдохнуть от изнурительной позы, к которой пыталась привыкнуть. Скоро мы остановимся на ужин. Или, по крайней мере, я надеялась, что мы остановимся. Какой бы нежной и интуитивной ни была, как я узнала, Финейр, мне нужен был отдых, и чтобы земля подо мной остановилась.

— Что это было? — спросил Оливер.

Я снова выпрямилась. Мои глаза начали закрываться.

— Что было?

— Я слышал крик, — прошептал он.

Я наклонилась вперёд, напрягая слух.

— Я ничего не слышу.

Мы замолчали в ожидании. Как будто остальная часть нашей компании не слышала. Но когда мой взгляд переместился на Аррика, он сидел в седле прямо, как палка. Он натянул на голову капюшон, скрывая лицо. Его голова двигалась короткими рывками, когда он осматривал каждый дюйм леса вокруг нас.

Мы не сбавляли темпа, ровные и уверенные. Я слушала, пока не представила себе крики и всё самое ужасное. Моё зрение перепрыгивало с дерева на дерево. Я только начала убеждать себя, что опасность была только в моей голове, когда мы вышли из туннеля через один из чёрных кедров. Первым я увидела ворона, который сидел на низко свисающей ветке, не сводя глаз-бусинок с нашего каравана. Затем настоящий крик, громкий и мучительный, разорвал воздух.

Лошади рванулись вперёд. Более подготовленные на этот раз, мы с Оливером упёрлись пятками в животы наших лошадей и погнались за армией повстанцев и Каволией. На этот раз мы держались ближе, лишь немного отставая.

Дорога проходила через ещё один чёрный кедр, и мы нашли их.

Кольцо Теней.

Шестеро из них, одетые в чёрное, держали смерть так, словно это было осязаемое оружие, которое они держали в руках.

Они повернулись к нам по очереди, и я поняла, что независимо от того, что произошло в моём прошлом, это был момент, когда я действительно столкнулась с настоящим злом.

ГЛАВА 15

Кольцо теней было таким же тёмным, как предполагало его название. Солдаты были одеты в чёрное от низко надвинутых на лоб капюшонов до кожаных сапог, вставленных в такие же чёрные стремяна. Они сидели в чёрных кожаных сёдлах на чёрных лошадях. Руки были скрыты под чёрными перчатками и они носили мечи, сработанные из чёрной стали.

Единственное, что не было цвета чернильной смерти — это камни, вставленные в рукояти мечей. Один большой, сверкающий бриллиант покоился на основании. Он был

таким белым, что казался голубым. Он отражал лучи солнца, не важно, как они держали оружие, и угрожающе блестел. На самом деле, драгоценности, казалось, притягивали свет, как будто они были изготовлены из чего-то большего, чем просто камни.

Тени стояли перед фургоном, наполненным духами и маслом, запахи благовоний разносились по ветру. Семья съёжилась перед ними, в панике схватившись друг за друга.

— Армия мятежников, — прорычала Тень.

Аррик пришпорил Вора.

— Это не ваша земля, — сказал он им.

Шестеро из них обменялись взглядами. Их рты были скрыты за чёрными шарфами, но глаза сверкали жестоким весельем.

— Разве нет? — протянул один из них. — Какие мы глупые.

— Вы знаете, какая кара ждёт нарушителей, — поцедил сквозь зубы Аррик с едва скрываемой надеждой. Не надеждой на положительный исход, а на битву. Он хотел сражаться с этими негодьями. Он хотел наказать их за деревни, которые жили в страхе, за деревню, которую мы спасли из огня, и за все мучения, которые Тени принесли державе.

— Ага, — сказала Тень. — И ты знаешь, что наши угрозы идут гораздо дальше. Напади на нас, Аррик из Вестновии, и мы тебя прикончим.

Настала очередь Аррика смеяться.

— Я принимаю вызов.

С обеих сторон поднялись клинки. Моя рука нашла мой собственный короткий меч, спрятанный в складках мантии на бедре.

— Мы не хотим драться с тобой, Мятежный Король, — сообщила та же самая Тень. — У нас с тобой одна война — против короля.

Казалось, Аррику не понравилось сравнение. В его словах слышалась едва сдерживаемая ярость.

— Тогда интересно, зачем ты нападаешь на невинных и беспомощных.

Оливер на своей лошади встал передо мной.

— Идите своей дорогой, — приказал Аррик. — Прочь из леса. Прочь из Теновии. Прочь из державы.

— Мы слышали, мятежники движутся, — взгляд Тени упал на меня. — Но мы не знали, что у вас есть такое прекрасное сокровище.

Потом заговорила другая Тень.

— Неужели Мятежный Король наконец-то нашёл девку, чтобы занять свои ночи? Или у неё есть более важное предназначение, чем согреть постель Короля?

— Я уже сказал вам идти своей дорогой, — прорычал Аррик. — Он вытащил клинок наполовину из ножен.

Я в глубине души задумалась, почему мы только сейчас начали это делать. Я была более чем готова заставить этих мужчин заплатить за их грехи.

Неподалёку прокаркал ворон, и все Тени повернули головы на звук. Большая чёрная птица, довольно обычная по моим понятиям птица в лесу Теллекан, поднялась в воздух, крылья с длинными перьями двигались широкими движениями, когда она двигалась вверх.

Лошади Кольца теней непрерывно двигались под всадниками.

За шестью Тенями, окружившими семью торговца, лошади и наездники наполнили лес, перекрывая дорогу. Я насчитала сначала десять, потом двадцать, потом потеряла счёт.

Казалось, этим шестерым тоже нетерпелось двигаться. Они наклонили головы в сторону

Аррика, прощаясь, и поспешили присоединиться к своим товарищам.

Меня смутило их близкое знакомство с Арриком. Я со страхом смотрела на одетых в чёрное Теней, исчезающих за поворотом дороги. Они, правда, хотели драться с Арриком? Или у них был союз, о котором я не знала?

Гантер был другом и врагом Аррика. Могло ли быть так же и с Кольцом Теней?

Ещё одна причина не доверять Королю Мятежников.

Ещё одна причина бояться Кольца Теней.

Я уже слышала об их хитрости, но даже не заметила армию за деревьями. Я слишком была сосредоточена на шестерых мужчинах, чтобы увидеть.

Повстанцы и всадники Каволии говорили низкими голосами, и Аррик с Гантером снова склонились в беседе, которую я не могла подслушать. Было ясно, что никто из них не ожидал наткнуться на Кольцо Теней.

— Мы поедem дальше, — сообщил Аррик, наконец. — Мы разобьём лагерь около Крестифа.

Низкий гул разговоров стих, когда люди пришпорили коней. Мы с Оливером обычно оставались посреди группы, но это расстроило нас обоих достаточно, чтобы снизить желание двигаться.

— *Это было Кольцо Теней?* — воскликнул Оливер. — Мы наткнулись на *Кольцо Теней*? Мы почти подрались с ними! Ты веришь, что мы всё ещё живы после такого?

— Я в таком же недоумении, как и ты.

Его голос понизился до шёпота, и его большие глаза шоколадного цвета смотрели на меня с паникой.

— Тессана, что если бы они напали? — он ещё сильнее понизил голос. — Хуже, что если бы они обыскали тебя?

— Тише, Оливер Молчаливый, — прошипела я. — Мы не можем задать это вопросы. Важно то, что этого не случилось. Со мной всё хорошо. С тобой всё хорошо. *У нас всё прекрасно.*

Он выставил подбородок вперёд.

— Но что, если?

— Я бы никогда не позволил им дотронуться до неё, — провозгласил Аррик громовым голосом.

Мы с Оливером почти упали с сёдел. Мы не осознавали, что он был настолько близко. Или вообще близко.

Аррик направил свою лошадь к моей. Он откинул капюшон, чтобы я могла видеть его лицо, но всего на секунду.

— Они не подошли бы к тебе и на десять ярдов, Тесс. Я бы убил их всех до одного. Ты должна мне верить.

Он не казался отчаянным или испуганным. Он был совершенно уверен в себе. Я обнаружила, что верю ему тоже. Он до сих пор обеспечивал мою безопасность, почему он не должен защитить меня от Кольца Теней?

Но я не могла ему сказать этого. Он уже был чересчур самоуверен. Я не могла подпитывать его эго и потом мириться с ним.

Вместо этого я сказала:

— Кажется, они тебя знают, Командор. Ты — союзник Кольца Теней?

— Кольцо Теней — это сборище наёмников. Это началось как маленькая горстка

полевых командиров, выросло в армию людей, неудовлетворённых державой и тем, кто ей управляет, — он прочистил горло и на секунду его взгляд метнулся в сторону от моего. Когда он снова посмотрел на меня, в его взгляде появилось что-то мрачное, похожее на стыд. — Они верят, что моя армия так же недовольна, как и их. Они предложили нам присоединиться.

— И ты отказался?

— Мы потеряли нескольких людей. Людей, которые считали, что мои методы слишком сдержанны, — признал Аррик, и я почувствовала боль и горе в его словах. — Но наши планы не согласуются с их.

Во мне разгорелось любопытство. Постороннему человеку казалось, что да. Армия мятежников была известна своей безжалостностью, как и Кольцо Теней. Армия мятежников была известна неуважением к Короне и стране, как и Кольцо Теней.

Но глядя на семью торговца, предлагавших солдатам-мятежникам дорогие духи и масла из благодарности, я без сомнения поняла, что эти силы очень разные.

Неважно, что говорила Армия Мятежников, они оставались союзниками для людей, а не врагами. И было понятно, после того, что я сегодня увидела, что нельзя было сказать то же самое о Кольце Теней.

— И они всё-таки хотят увидеть тебя своих рядах? — спросила я.

— Очень упорно, — ответил Аррик. Его плечи поникли. — Это очень утомительно. У нас в будущем война, но мне не нравится мысль о том, чтобы рисковать своими людьми в руках этих демонов.

— У них есть предводитель? — вмешался Оливер.

Аррик кивнул.

— Он остаётся в тайне. Кое-кто говорит, что у них штаб в Блэкторне, но никто не знает точно. Никто не знает, сколько их. Они владеют магией язычников и боевыми искусствами. Я не могу ввязаться с ними в битву, пока не узнаю больше. До тех пор, пока точно не узнаю, против чего нам придётся сражаться.

— Они очень далеко от Блэкторна, — сказала я, просто для того, чтобы что-то сказать.

— Они по всей державе, — объяснил Аррик. — Их можно найти в любом королевстве, в любой деревне. Их число растёт с каждым днём. Угроза растёт с каждым часом.

Прежде, чем я смогла ответить, я услышала звук приближающихся лошадей на дороге. Я застыла. Рука нашла рукоятку меча, и я приготовилась к войне, которую, как только что признал Аррик, мы не можем выиграть.

— Конечно, сейчас они показались, — пробурчал Аррик.

— Кто? — спросила я.

Прежде, чем Аррик успел ответить, всадники в чёрно-красных туниках цветов Теновии и гербами на груди появились на дороге, подъезжая к нам с мечами наголо и в блестящих серебряных шлемах.

Армия Теновии.

Аррик не обнажил оружия, так же, как и его люди. Вместо этого они ждали посреди дороги и выглядели раздражёнными.

Командир армии Теновии остановился прямо напротив нас, на его толстощёком лице отразился гнев.

— Ты выбрал неправильную часть дороги для отдыха, Аррик из Вестновии, — взревел он, с его толстых губ капала слюна. — По приказу Короля Саша Сенноа из Теновии и силой

государства, представленной Тирном Фенником, Королём Элизии, ты был изгнан из этого королевства вместе со своей бандой мародёров.

— Изгнан? — рассмеялся Аррик. — Королём Теновии? Это шутка, Дониван. Должно быть шуткой.

Маленькие глазки Донивана сузились и стали почти невидимы в складках его лица. Его внушительный вес переместился на слишком маленьком для него седле, и он опасно покачнулся.

Пуговицы на его униформе натягивались под его весом, но он держался, как будто он был тут главным.

— Ты слышал приговор, Аррик из Вестновии. Если есть жалобы, они должны быть донесены королю уполномоченным. Ты будешь препровождён к границе и насильственно выдворен из государства. Это твой выбор.

— Ты не можешь говорить это серьёзно, — терпение Аррика исчезало. — Мы наткнулись на Кольцо Теней несколько минут назад, а ты выдворяешь моих людей? Единственную армию, которая желает помочь людям Теновии?

Дониван наклонился вперёд, проверяя свои пуговицы и бедное седло на прочность.

— Мы здесь не для обсуждения причин. Нужно повиноваться приказам короля, на землю которого ты незаконно вторгся и незаконно объявил своей. Стража Теновии получила приказ удостовериться, что вы больше не присутствуете на нашей земле. Неповиновение будет наказано. Я оставляю решение за вами.

— Мы уже двигались в границе, — объяснил Аррик.

Дониван и отряд позади него сохраняли каменное выражение лица, ожидая его решения. Взгляд Аррика на секунду встретился с моим, прежде чем вернулся к Донивану.

— Прекрасно, да, мы позволим вам проводить нас к границе, — вздохнул Аррик, как будто это доставляло ему боль.

— Как я и думал, — ухмыльнулся Дониван. Аррик развернул свою лошадь, но Дониван не закончил. — И ещё? — Аррик повернулся назад, глядя на него из-за плеча. — Ты не вернёшься.

Я услышала, как Аррик пробормотал что-то вроде "В любом случае, не как Аррик из Вестновии". Но я не была уверена.

Когда голова лошади Аррика снова оказалась в правильном направлении, он мотнул головой, подзывая меня к себе. Я подчинилась, не желая остаться с теновийским отрядом позади.

Аррик двигался вперёд до тех пор, пока мы не оказались во главе армии мятежников, где нас ждал Гантер. Оливер ехал слева от меня и Аррик справа. Я чувствовала, что сзади поджимают солдаты Теновии в нетерпении избавиться от нас.

Я хотела объяснить им, какую ошибку они делают. Аррик и его повстанцы сделали так много хорошего с тех пор, как я была с ними.

Но Аррик был прав, мы в любом случае направлялись к границе. Бесплезно было сражаться с ними и задерживаться или терять жизни.

— Это испортит твой план с темнотой, — пробурчал Гантер.

— Чёрт побери, — простонал Аррик.

Вторая армия ждала на расстоянии, она была одета в цвета Соравая. Вся армия Аррика взвыла в ярости.

Теперь на дороге стояло три армии. Теновийская армия сзади нас, вела нас к границе.

Армия мятежников. Армия Соравалья. Лошади переступали и трясли гривой, пока их всадники наблюдали за нашим приближением.

— Это была засада! — крикнул Аррик Донивану.

Его голос разнёсся над разозлённой армией мятежников.

— Теперь ты их проблема, ничтожный мародёр! — заорал Дониван. — Больше не ищи убежища в Теновии. Мы не хотим ничего от тебя и твоих грязных мятежников!

Аррик выругался и протянул руку Гантеру, который жарко схватил её.

— Я думаю, здесь наши пути расходятся.

— Мы скоро встретимся, друг, — рассмеялся Гантер низким смехом. — Но пока наслаждайся домом. — Он повернулся в седла к своим людям. — Всадники Каволии!

Люди пустились врассыпную. Армия Соравалья вплотную подошла к границе, мечи наготове, но бесполезны на таком расстоянии.

— Остановите их! — закричал Дониван.

Солдаты пришпорили лошадей, и разразился хаос.

Аррик поднёс два пальца ко рту и испустил пронзительный свист, который разнёсся над беспорядком.

На это раз побежали мятежники, улюлюкая. Люди Аррика разбежались так же быстро, как и всадники Каволии. Аррик вырвал поводья, из моих рук и Финара пустилась в галоп по его приказу.

— Оливер! — крикнула я, держась на гриву Финары изо всех сил.

— За тобой! — прокричал он.

— Пусть всё так и остаётся, иначе они заставят тебя поплатиться, — крикнул Аррик.

— Аррик! — выдохнула я, когда Финара перепрыгнула толстый корень и жёстко приземлилась.

— Держись, Тесса, — приказал он. — И доверься мне.

ГЛАВА 16

Крепко держась за гриву Финары, бёдрами я изо всех сил сжимала седло, когда мы перепрыгивали через корни и мчались между возвышающимися кедрами.

По мере приближения к границе Соравалья, чёрные кедры уже не были такими высокими и широкими, как раньше. Но всё равно лес был похож на лабиринт.

Аррик, однако, кажется, хорошо его знал. Он держал мои поводья в руке, ведя Финару через переплетение ветвей и резкие повороты.

Я слышала, как лают собаки и кричат люди. Резкое ругательство Аррика подтвердило мои страхи. Сораваль был известен своими охотничьими собаками.

Аррик пришпорил Вора и продолжал рваться вперёд, быстрее, более целеустремлённо.

Я повернулась и увидела, что Оливер почти врезался в низко растущую ветку.

— Догоняй, монах! — крикнула я ему.

Он прокричал что-то в ответ, и это явно не соответствовало образу монаха.

Собаки выли и лаяли, их низкое рычание съедало расстояние между нами. Как я поняла, мы ехали по границе между Теговией и Соравалем. Мы петляли по лесу, но не углублялись ни в одну из стран.

Армия Теновии хорошо знала эту землю. Они будут готовы встретить нас, если мы слишком сильно углубимся на юг. И солдаты Соравалья ждали нас на севере. Оба

королевских дома хотели Аррика, и они будут хотеть меня, узнав, кто я.

Но я больше беспокоилась за Аррика в тот момент, чем за моё собственное выживание или за корону в моей сумке.

Я не позволю ему попасть в плен. После того, как он столько раз спасал мою жизнь, я сделаю то же самое для него.

Тропинка несколько раз резко повернула. Казалось, борзые наступают нам на пятки. Оливер что-то прокричал позади нас, но я не смогла разобрать сквозь стук копыт и бешеное биение своего сердца.

Аррик посмотрел на меня, его выражение лица было целеустремлённым. Он один раз кивнул, и я поняла его. Он защитит меня любой ценой.

Лес расступился, и мы оказались на поляне. Даже покров листьев и ветвей стал реже, и солнце давало свет и тепло, которого мне так не хватало в Теновии. Мы ворвались на поляну.

— Дальше не пойдём, — рявкнул Аррик. — Это будет...

Наши лошади рывком остановились, почти выкинув нас из сёдел. Гвардия Соравалья показала по краям поляны со всех сторон. Мы были окружены.

Аррик развернул лошадей, чтобы вернуться туда, откуда мы приехали, но там бежали борзые, лая и щёлкая зубами в воздухе, сразу за ними показались новые всадники. Один из них крепко держал поводья Оливера в одной руке, а во второй у него был меч, направленный Оливеру в спину.

— Драконья кровь, — выругалась я.

Две армии, работавшие вместе, чтобы остановить единственного человека. Это казалось немного чересчур, хотя, казалось, мы потеряли Теновийцев. Или, может быть, мы всё-таки оказались с Соравальской стороны границы. В независимости от этого, целый легион не должен гоняться за одним-единственным преступником без его армии.

Аррик вытащил меч и с безошибочной точностью направил его на Соравальского капитана.

— Вы отпустите нас.

Капитан был человеком минимум на десять лет старше Аррика, соскользнул со своей лошади и приземлился с кошачьей грацией.

— Я не могу. У меня приказ.

— К чёрту ваши приказы, — прорычал Аррик. — У меня есть неотложные дела.

— Пусть будет так, — усмехнулся капитан. — Ваше присутствие требуется во дворце. Если будет необходимость, то силой.

— Хеман, ты сделал смертельную ошибку, — ответил Аррик. Он отпустил поводья Финары и тоже соскользнул с Вора.

Его ноги со стуком приземлились на лесную подстилку. Он медленно повернулся, держа своё смертоносное лезвие перед собой. *Чёрт возьми.* Он хотел сражаться с ними всеми.

— У нас численное превосходство, — напомнил Хеман Аррику.

Аррик улыбнулся.

— Я не могу припомнить, когда это имело значение.

— Властью Света, — пробормотала я, спрыгивая и вытаскивая свой клинок.

Аррик оглянулся через плечо.

— Спасибо за беспокойство, Незнакомка, но я могу справиться с этими...

Я метнулась вперёд прежде, чем он успел меня оскорбить, и встретила меч Соравальского гвардейца. Мужчина не был готов к силе моего удара и покачнулся в сторону. Ещё двумя движениями я отбросила его меч в сторону и приставила свой к его горлу.

Я повернулась и подняла брови в сторону Аррика. Его рот был широко открыт и в застывших пальцах замер меч.

— Что это было?

Я сделала реверанс.

— Моё образование.

Он помотал головой, словно рассеивая туман.

— Тогда ладно.

Я повернулась, чтобы встретить гвардейца, приближавшегося ко мне.

— Тогда ладно.

Гвардейцы атаковали, и воздух наполнился звоном мечей. Мы с Арриком сражались доблестно, непреклонно. Наши лошади пугливо танцевали посреди всего этого.

Я прыгала, парировала и отскакивала с пути более чем полудюжины мечей. Отражая, что могла, я боролась, чтобы остаться на шаг или два впереди их. Они атаковали все вместе, но были осторожны, чтобы не лишиться нас жизни. По крайней мере, не сейчас.

Оливер радостно крикнул, когда я разоружила двух гвардейцев сразу.

Только я начала думать, что мы можем выиграть, на меня кинулся крепкий гвардеец. Мои ноги подогнулись, и я отлетела назад, через спину мужчины, стоявшего на коленях. Я приземлилась со стуком на жёсткую землю. Моя сумка впиалась мне в ногу и бедная Шикса сбежала в сторону деревьев в поисках безопасности. Взмахнув ногами, я перекатилась через спину и снова прыжком встала на ноги.

— Оставь это, девочка, — рыкнул на меня солдат. — Ты окружена.

— И всё равно у нас преимущество, — одним движением руки я отправила клинок моего нового оппонента в воздух, высоко над его головой. Гвардейцы уклонялись от падающего мяча.

Я развернулась, чтобы встретиться с последним нападающим. Это был высокий мужчина с замогильным выражением лица.

— Женщина, образумься, — начал он, когда я размахнулась на него прежде, чем он сделал первое движение.

Наши мечи встретились в воздухе, с резким звоном металла о металл.

Двигаясь по поляне, сражаясь, до тех пор, пока с моих висков не потёк пот, я взглянула на Аррика, который дрался так же яростно. Если он не сдавался, как могла я?

Я вспомнила тренировки с Отцом Гариусом. Нескончаемые часы тренировок и дисциплины. Я вспомнила мою любимую строчку среди тысяч строк о войне, которые он заставлял меня прочесть. "Твои мышцы устанут. Твой ум будет шептать сдать. Твой враг попытается убедить тебя прекратить. Но в сердце ты будешь знать правду. Ты будешь знать, что ты в одном шаге от победы".

Мой мозг стал тоннелем для сфокусированной энергии. Я двигалась быстрее, чем до этого, тело металось влево и вправо точными движениями. Гвардеец едва успевал за мной, его руки разжались как раз, когда кончик моего клинка дотронулся до его горла.

— Мой дорогой сэр, — прошипела я. — Образумьтесь.

Я получила удовольствие от того, как расширились его глаза, но через секунду крик разочарования Аррика сотряс могучие деревья.

Он стоял на коленях посреди поляны, окружённый гвардейцами, их мечи были направлены ему в голову. Его меч лежал на земле у его ног, но руки были вытянуты в стороны.

Я смотрела в ужасе, ожидая команды убить. И это было моё поражение. Если бы жизнь Аррика не волновала меня больше, чем собственная, я бы заметила гвардейца, приближающегося ко мне.

Массивная рука обхватила меня вокруг талии и запястья, за секунду отобрав меч. Я боролась, изогнулась в его хватке и стукнула его затылком в нос.

Он отпустил меня с криком боли. Я откатилась с дороги, из его носа хлестала кровь. Мой меч забрали, но я всё ещё могла сражаться. Я встала на ноги и подняла руки, приготовилась драться врукопашную.

Я выберусь отсюда. И я сделаю так, чтобы Аррик тоже выбрался.

— Достаточно! — закричал Хеман, и я почувствовала, что его слова обращены к Аррику. — Хватит глупостей. Король потребовал вашего присутствия во дворце. Вы прекратите эту бессмысленную борьбу и вернётесь ко двору! — своим людям он приказал: — Отведите их в фургон и наденьте наручники. Моё терпение закончилось.

Вокруг меня сомкнулись люди. Кто-то начал стаскивать Оливера с седла. Аррик наблюдал за мной с тревогой во взгляде.

Я обвела взглядом лужайку, уверенная, что есть способ сбежать. Там ничего не было кроме деревьев и веток и двух королевских армий. Они скоро будут обыскивать нас. И в процессе они найдут единственную вещь, которую я отчаянно хотела сохранить в тайне.

Подождите. *Корону.*

Мои пальцы играли на кромке моей сумки. Если они заберут у меня Корону Девяти, у меня не будет на неё прав. Но если я...

Я подняла подбородок и держалась с таким величием, на которое была способна.

— Отойдите, — приказала я.

Мужчины были удивлены моей командой, что подчинились. Я поборола желание улыбнуться.

— Отпустите моих друзей сейчас же, — сказала я им.

На этот раз они не обратили на меня внимания.

— *Отпустите* моих друзей сейчас же.

Моя рука исчезла в глубине сумки, направляясь прямо к потайному отделению на дне.

— Сдавайтесь, миледи, — простонал Хеман. — Вы проиграли. Не создавайте неприятностей. Я уверен, что когда принц...

Но я не слушала. Когда я приняла решение, руки и ноги начали дрожать, и я тряслась от страха, но ещё от решимости.

Голос Аррика разнёсся над остальными, но я не обратила на него внимания, когда он закричал:

— Тессана, нет!

Я отрешилась от сомнений, которые звенели у меня в голове, и вытащила Корону Девяти из сумки, держа её повыше, чтобы все видели.

Были слышны вскрики, когда люди отступили при виде золотой диадемы. По поляне побежал ропот.

Нетвёрдыми руками я положила корону себе на голову и сморгнула слёзы, нахлынувшие из-за чего-то, что я не могла назвать.

— Я — Тессана Аллисанд из дома Экстенции, законная наследница трона Элизии и Места Силы надо Девятью Королевствами, — мой голос дрогнул только один раз, но руки дрожали, когда я опустила их по бокам.

Я не понимала, что у меня закрыты глаза, до тех пор, пока корона не легла мне на голову, и её вес качнул меня, как сильный ветер.

В этом золоте и в этих камнях была сила. Она звенела во мне, пробуждала к жизни мою кровь. Я открыла глаза и обнаружила, что гвардейцы вокруг меня стоят с открытыми ртами. Даже Оливер стоял с открытым ртом.

— Но ты мертва, — прошептал Хемон.

Я встретила взглядом с его расширенными глазами.

— Уверяю вас, нет.

Ещё один гвардеец спросил, упав передо мной на колени.

— Как это возможно?

Было не время объяснять тонкие детали моего прошлого.

— Неважно, как это возможно, важно только то, что это возможно. Теперь отпустите моих компаньонов, чтобы мы могли продолжать путь.

Даже стоя на колене, Хемон оставался трудным человеком.

— Я не могу, Ваше Высочество. Его отец потребовал его возвращения ко двору. По королевскому приказу я должен привести наследного принца домой.

Его слова отскакивали у меня в голове, как будто они были на другом языке. Отец? Двор? Наследный Принц?

Мой неистовый взгляд нашёл взгляд Аррика, даже когда другой гвардеец подтолкнул его ногой.

— Неудивительно, что вы так отчаянно хотели сбежать, а, Ваше Высочество? Я бы тоже захотел провести время наедине с моей потерянной невестой.

Какое бы ощущение власти и предназначения не побудило меня извлечь корону, оно покинуло меня так же быстро, как появилось. У меня кружилась голова, когда пришло понимание, все эти кусочки мозаики, с которыми я пыталась справиться последние недели, сложились в одно целое.

— *Нет*, — прошептала я. — Не может быть.

Я с открытым ртом смотрела на Аррика, когда черты его лица изменились передо мной. Тёмные волосы. Этот подбородок. Этот нос. *Эти глаза*. Эти глупые, яркие голубые глаза.

Я была душой, что не поняла всё раньше.

Я слишком полагалась на знание прошлого, или на мальчика, которого думала, что знала. Я не думала, что годы превратили его в мужчину, этого мужчину. Я училась на опыте, но у меня его не было. Я держалась за выводы, и это было рационально. Я видела всё с самого начала, но не понимала.

— Тейлон, — поторопил Хемон. — Мы должны отправиться в путь. Эту корону и эту принцессу нужно отвести сразу к твоему отцу.

— Тейлон, — я с усилием выговорила имя, которое не говорила вслух уже восемь лет.

Его глаза не оставляли моих.

— Тессана, пожалуйста, пойми. Я делал то, что считал лучшим...

От ярости я перешла на крик:

— Тессана! Ты знал! Ты знал всё это время!

Он вскочил на ноги. Гвардейцы, окружавшие его, попятнулись. Конечно. В конце

концов, он был их наследным принцем. Они не причинили бы ему вреда.

Корона давила мне на виски, и я поняла, что всё это, весь театр, и секреты и тайна личности, всё было впустую.

Он узнал меня сразу с самого начала. Моё кольцо. Моё чёртово кольцо! Которое он подарил мне, когда был ребёнком.

Я сделала шаг вперёд. Если гвардейцы не собираются убить его, то я — да.

— *У тебя есть секреты, Тесс,* — говорил он. — *Поделись ими со мной, и я помогу тебе.*

Мои руки по бокам сжались в кулаки.

Он ответил:

— Не *всё* время.

Моё лицо горело от раскалённой ярости, его голос стал успокаивающим.

— Тессана, пожалуйста, пойми. Я не мог сказать тебе, кто я, потому что, — я ударила его в грудь. — Ох.

— Тесса, послушай, — он тяжело дышал.

Гвардеец протянул ко мне руку, чтобы удержать меня. Я вывернулась, и пнула с размаха Ар... *Тейлона* в бок. Он упал на колени.

— Тесса, — прорычал он, с теми же разочарованием и яростью, пульсировавшими во мне.

Я не могла его слушать. Я не хотела слышать ни одного слова из уст этого лжеца. Его рука метнулась вперёд и обхватила меня за лодыжку прежде, чем я могла отреагировать. Рывком он повалил меня на землю, и я распласталась на спине. Корона соскользнула с моей головы и приземлилась рядом со мной.

Я потянулась к ней, но он был быстрее. Нависнув надо мной, он схватил её со скоростью молнии. Он удерживал меня на месте обоими ногами, стоявшими у меня по бокам, и сидя на мне. Он держал корону вне зоны моей досягаемости.

— Теперь слушай, — прорычал он. — Я не мог сказать тебе, когда мои люди не знали.

Я сопротивлялась, поднимая таз от земли и пытаюсь сбросить его. Он наклонился вперёд, перенеся вес на мою верхнюю часть.

— И я не думал, что ты хорошо отреагируешь, когда я тебе скажу, что знаю, кто ты. Так что вместо этого я оставил свой лагерь в попытке обеспечить твою безопасность.

Я сопротивлялась сильнее, и резко рассмеялась.

— Вот что ты делаешь? Обеспечиваешь мою безопасность?

Он наклонился.

— Ты бы не выжила без меня ни дня.

— Отпусти меня, — кричала я. — Я приказываю тебе отпустить меня!

Он улыбнулся, в равной мере угрожающе и обещающе.

— Вы сейчас в моём королевстве, Принцесса. Я предлагаю вам проявлять ко мне больше уважения.

Он сел и посмотрел на своих людей, на людей короля, а не повстанцев, которым он приказал бежать.

— Она может ехать в фургоне. Свяжите её, если будет необходимость. Её монах может присоединиться к ней.

Он встал и протянул руку. Я лежала на земле, решая, что делать дальше. Я хотела только кричать изо всех сил до тех пор, пока не покраснеет лицо.

Но потом Аррик, ой, Тейлон, протянул мне мою корону и я немного успокоилась. Я

поднялась с земли и отряхнула листья и грязь, которые налипли на платье и волосы, и только потом неохотно приняла корону.

Как только я обхватила её пальцами, я почувствовала поток энергии, бегущий вверх по руке. Я аккуратно уложила её обратно в сумку, туго затянула её, и надела на себя.

Ар... *Тейлон* терпеливо ждал, когда я закончу. И потом, когда я была готова, он галантно взмахнул рукой и сказал:

— Прошу сюда, Ваше Высочество.

ГЛАВА 17

Поездка в замок Соравалья оказалась тихой и малоприятной. После того, как я извлекла дрожащую Шиксу из её укрытия, королевские стражники *Тейлона* повели нас обратно к дороге, где *Оливера* и меня погрузили в фургон, предназначенный для пленников.

Я откинулась на узкую скамью, от которой немела задница, и попыталась совладать с охватившим меня разочарованием. Мы были в пути уже больше суток. *Тейлон* делал много остановок, чтобы мы с *Оливером* могли облегчиться и поесть, но я устала от его вынужденной доброты. Особенно с учетом того, что именно он запер нас в фургоне, предназначенном для него.

Я бы напомнила ему об этом, если бы разговаривала с ним.

Я была уверена, что испытывала его терпение. Он твёрдо отстаивал свои действия и решения. Но он не понимал. Я доверяла ему. Я поверила его рассказу о том, кто он. И он позволил мне сделать это.

Кроме того, он был не просто кем-то из моего прошлого. Он был моим женихом, моим будущим. И когда моя жизнь была украдена у меня, именно он стал причиной того, что у меня всё ещё было будущее, пусть даже совершенно иное, чем прочили мне изначально. И до сих пор я была ему бесконечно благодарна. Я была в долгу перед ним всю свою жизнь.

Вот только это был не тот мальчик, которого я помнила. Он не был честным, достойным восхищения и верным своему будущему. Он покинул свою страну и свой народ, сбежал, чтобы возглавить разрушительную банду мятежников. Он заключил союз с ворами и разбойниками. Он солгал мне.

Мальчик, которого я когда-то знала, исчез, и на его месте оказался преступник, в жилах которого текла королевская кровь.

— Сколько ещё? — *Оливер* застонал. — Ненавижу этот экипаж.

— Карета предназначена для каторжников, — напомнила я ему.

Шикса выползла из сумки, всё ещё висящей на моем бедре, и вскарабкалась мне на грудь. Почувствовав моё смятение, она прижалась своей маленькой мордочкой к моему лицу. Я закрыла глаза, ощущая её мех и холодный нос, и позволила пальцам поиграть с её длинным хвостом, решая, как сказать *Оливеру* правду.

— *Оливер*, они могут расправиться с нами, как с преступниками, когда мы доберёмся до замка. Они могут запереть нас в камере, пока будут расследовать мои заявления. Но *Хьюго*, отец *Тейлона*, всегда был справедлив. Я не могу себе представить, чтобы он поступил с нами несправедливо.

— А что будет, когда он решит, что твоя история правдива?

Шикса устроилась у меня на шее. Её крошечные зубки вцепились в верхнюю пуговицу моего плаща. Она выросла с тех пор, как я впервые нашла её.

— Я не знаю.

Оливер выпрямился.

— Но Аррик верит, что ты та, за кого себя выдаёшь. Он явно не хочет причинить тебе вреда, поскольку у него было множество возможностей перерезать тебе горло. И если этот король такой же справедливый и честный, каким ты его помнишь, то он тоже может тебе поверить.

Я прикусила нижнюю губу.

— Это вполне возможно.

— Тогда, драконья кровь, Тессана, — фыркнул он. — Аррик — наш единственный союзник. Почему ты злишься на него? Он нам нужен!

Я села, и бедная Шикса свалилась с меня. Она успела сгруппироваться и приземлилась на лапы, не испачкав свою белую шкурку в грязи на полу. Бросив на меня взгляд, она вновь вскочила на скамью и устроилась на моих коленях.

— Он лгал мне! — воскликнула я. — Он всё время знал, кто я, и ничего не сказал! Какой мужчина будет сопровождать женщину в дороге, в сельской местности, в лесу без единого намёка, что они знали друг друга в прошлой жизни? — я проглотила нарастающую во мне ярость. — Оливер, он спас мне жизнь, когда я была ребёнком. Он — причина, по которой я все еще жива.

Оливер прищурил глаза.

— И это является вполне подходящей причиной для ненависти к нему.

Из моего горла вырвался какой-то звук. Я не хотела играть в эту игру. Если я хотела ненавидеть Аррика, *драконья кровь!* Если я хотела ненавидеть *Тейлона*, я могла бы.

Повозка с грохотом остановилась. Стук копыт лошадей, скачущих галопом по неровной дороге, сменился выкриками приказов, громким скрипом дерева и лязгом цепей.

Когда фургон снова тронулся, Оливер вскочил на ноги, пытаясь выглянуть в крошечное окошко.

— Я ничего не вижу! — пожаловался он. — Ой, подожди. Это... На улице так темно. Это что, ров? О, факелы! Мы добрались до замка.

Повозка накренилась, и Оливер отлетел от двери. Он с проклятием поднялся с пола.

Когда он снова сел, то постарался скрыть своё волнение.

— Я никогда раньше не был во дворце.

Я зевнула.

— Ты объявила, что принадлежишь к королевской семье, но теперь мне приходится терпеть твой гадкий характер. Твоё отвратительное настроение портит мне это приключение.

Я решила, что сейчас не время напоминать о ведре, пожаре или погоне за нами в лесу.

— Прощу прощения, — я хотела сказать это ехидно, но слова прозвучали честно. — Я просто... Просто... Я не могу поверить, что мы были вместе в течение нескольких недель, и он не сказал ни единого слова! Этот человек отвратителен.

— Но он...

— А теперь мы практически пленники короля Соравалья. Хьюго может взять эту корону, если захочет. Он может перенести Трон Силы в Сораваль и передать его своему сыну. И что я смогу с этим поделать? Ничего. Ничего, кроме как гнить в подземелье рядом с убийцами и ворами.

— Тессана, хватит! — рявкнул Оливер. — С меня хватит. Ты вовсе не обязана любить

Аррика. Тебе даже можешь с ним больше не разговаривать. Но довольно об этом. Корона Ста королей — это не игрушка, которую можно передать любой монархии, что посчастливилось её схватить. И ты это знаешь. Перестань вести себя как капризный ребёнок.

Я попыталась сверкнуть глазами, но его дрогнувшие в улыбке губы всё испортили.

— Я рада, что ты здесь, — сказала я ему. — Если бы не ты, я бы наверняка заколола кого-нибудь очень важного.

Он подмигнул мне.

— Я тоже счастлив, что я здесь. Никто не хочет начинать войну только потому, что избалованная принцесса чувствует себя немного уязвлённой.

Когда повозка остановилась во второй раз, мы оба умирали от смеха. Дверь открылась, впуская в наше тусклое пространство глубокую синеву ночи. Хеман и Тейлон стояли рядом, с одинаковым любопытством глядя на нас. Они не ожидали, что мы будем в таком хорошем настроении.

Хеман низко поклонился.

— Мы приехали, Ваше Высочество.

Оливер бросил на меня предупреждающий взгляд, прежде чем вскочить на ноги.

— Фантастические новости.

Оба мужчины выглядели недовольными, когда Оливер попытался выйти из фургона. Тейлону пришлось откашляться и сделать жест в мою сторону, прежде чем Оливер понял намёк.

Уже раздражённая соблюдением этикета, я обняла Шиксу и медленно встала, поправляя холодными пальцами свою поношенную одежду. Больше всего на свете мне хотелось принять ванну и лечь в настоящую постель, но сначала надо было соблюсти все приличия с королём и королевой.

Я осторожно двинулась к выходу из фургона. Тейлон протянул мне руку, но я проигнорировала её. Положив руку на плечо Хемана, я сошла с повозки и повернулась лицом к дому детства Тейлона.

Соравальский дворец располагался на огромных утёсах Кристального Моря. Вдалеке слышался плеск волн, и ветер доносил их солоноватый запах. Воздух блестел от соли.

Сам дворец, сделанный из мерцающих серебряных камней, найденных в глубинах Кристального Моря, светился в ночи. Он притягивал молочный лунный свет, мягко поблёскивая на фоне высоких известняковых стен, окружающих его.

Расстеленный ковёр вел прямо к арочному входу. Соравальские стражники неподвижно выстроились по обе стороны в приветственном карауле. Тем не менее, их взгляды переместились на меня, когда Тейлон сопровождал меня внутрь.

Корона осталась спрятанной в моей сумке вместе с Шиксой. Я прижала руки к телу, скрывая нервную дрожь. Оливер плёлся позади меня, а Хеман за ним. Вместе мы представляли собой любопытное потрепанное зрелище.

Перед нами открывался элегантный холл с изысканным декором. Люстры, свисающие с потолка, освещали пространство светом золотых свечей и бликами сапфиров. На гобеленах красовался герб Соравали в королевских насыщенных синих и серебряных тонах. Повсюду стояли стражники с копьями в руках и в шлемах, низко надвинутых на глаза. Они стояли так неподвижно, что казались игрушечными. У меня возникло желание посмотреть, смогу ли я опрокинуть одного из них прикосновением пальца.

— Сюда, Ваше Высочество, — голос Тейлона вырвал меня из моих опасных

фантазий. — Король и королева ждут вас.

На мгновение я позабыла о своём обете молчания.

— Они знают, что я здесь?

Он выдержал мой пристальный взгляд.

— Мы послали вперёд всадника.

Я прочистила горло, в то время как мой желудок нервно сжался.

— Конечно.

— Тесс, я пытался избавить тебя от этого. Я...

— Не будем заставлять ваших родителей ждать, Ваше Высочество. Уже середина ночи.

Его рот скривился в резкой улыбке, но он подчинился и продолжил путь.

Мы прошли мимо статуй короля Хьюго и королевы Анаталь. Стены украшали гобелены с изображением членов королевской семьи, включая Тейлона и его младших братьев и сестру.

Все они походили на свою мать Ворестранку — светлые волосы и загорелая кожа. В отличие от Тейлона, который унаследовал от матери только глаза. В остальном он был похож на своего отца. Тёмные волосы, мускулистое тело, волевой подбородок.

Впереди показался тронный зал. Ковёр тянулся по коридору и исчезал в дверях.

Мы остановились снаружи, ожидая, когда нас объявят.

Тейлон наклонился ко мне, обжигая жаром своего тела.

— Ты помнишь, что нужно делать, принцесса?

Я закрыла глаза, когда воспоминания о последнем и единственном посещении этого дворца заполнили мою голову. Пальцы одиннадцатилетнего Тейлона переплелись с моими.

— *Ты знаешь, что делать, принцесса?*

Мне было восемь лет, и отец решил, что я должна проводить время со своими будущими родственниками. Я была скованной и мучительно застенчивой. Хьюго Трескинат был одним из самых пугающих членов королевской семьи. И королева Анаталь была не менее внушительна.

Тейлон всё это время держал меня за руку. Наши родители были довольны, что мы, кажется, поладили. А я максимально старалась избегать взрослых, чтобы не разговаривать с ними.

Тёплый шёпот Тейлона пронёсся над моим ухом.

— В прошлый раз, когда ты была здесь, им пришлось вытаскивать тебя из кладовки перед твоим приветственным балом. Ты была слишком напугана, чтобы танцевать.

— Я не умею танцевать, — сказала я своим грязным ботинкам. — Это всегда было правдой.

Низкий смешок Тейлона проделал с моим животом забавные вещи, но эти бабочки превратились в рой разъярённых ос, когда оруженосец объявил:

— Наследный принц Тейлон Аррик Трескинат, герцог Вестновии, герцог Чаршира, Первый принц Соравалья и Тессана Хадлин Аллисанд из Дома Экстентии, потерянная принцесса Элизии.

— Аррик из Вестновии, — прошипела я.

Он повернулся ко мне, изогнув бровь.

— Потерянная принцесса Элизии? Это немного разочаровывает, тебе не кажется?

— Это не я придумала! Моё королевство было украдено у меня ещё до того, как я стала достаточно взрослой, чтобы получить свои титулы.

Я услышала, как он пробормотал:

— И разве мы все не рады, что ты их восстановишь.

По обычаю посетители первыми приветствовали короля и королеву, но оба вскочили на ноги, прежде чем я успела пройти половину зала.

— Это невозможно, — выдохнул Хьюго.

— Как? — спросила Анаталь. — *Как*, милая девочка, ты жива?

Я не знала, что сказать и куда двигаться дальше. Не знала, как ответить на вопросы, не раскрывая всего. Я не была готова к этому моменту. Я споткнулась, и Тейлон, поддерживая, схватил меня за руку. Он направил меня к подножию ступеней, ведущих к королевским тронам. Я никогда не призналась бы, что благодарна ему за прикосновение. Но без него я не смогла бы говорить.

Я присела в реверансе и вновь поднялась, когда Анаталь воскликнула:

— Ой, это в прошлом, дитя! Пожалуйста, говори, пока я не рухнула с сердечным приступом. Где ты была все эти годы?

подавив дрожь, я сказала:

— Хеприн, Ваши Величества. В тот день... в тот день, когда была убита моя семья, я покинула замок с братом Вечного Света. Он отвёл меня в свой храм, где давал мне убежище последние восемь лет.

— Убежище? — взревел Хьюго. — У него была принцесса, спрятанная в монастыре, и он называл это *убежищем*? Его надо судить за военные преступления и заговор!

Я шагнула вперёд, в отчаянии подняв руку.

— Нет! Пожалуйста, нет. Вы не поняли. Отец Гариус помогал мне. Воистину, он спас мне жизнь. Он кормил меня все эти годы, воспитывал. Он дал мне дом, потому что верил, что если я уйду, меня постигнет та же участь, что и мою семью.

Лица Хьюго и Анаталь вытянулись.

Мой отец и Хьюго были близкими друзьями. Однажды я слышала, как отец сказал матери, что если ему придётся потерять дочь, то он, по крайней мере, отправит её в единственный дворец в королевстве, которому доверяет.

Мою руку покалывало в том месте, где Тейлон держал её.

— Разве монахи Вечного Света не немые?

Я кивнула, это была более удобная территория.

— Они дали обет молчания, Ваше Величество.

— И... и ты тоже?

Мне снова захотелось улыбнуться его заботе.

— Нет, Ваше Величество. Они позволяли мне говорить так часто, как я хотела.

Хьюго, казалось, был удовлетворён этим ответом.

— А что с остальным? Расскажи, как ты нашла моего сына. Расскажи нам всё.

Я прочистила горло, борясь с волной усталости. Я не осознавала, насколько сильно измотало меня путешествие, пока не оказалась в безопасности. Мои мышцы, казалось, расслаблялись одна за другой, и моя решимость медленно начала рушиться.

Хьюго был мудрым королём, но поверит ли он моим снам? Или сочтёт меня сумасшедшей?

— Время пришло, — сказала я ему. — Я больше не могла игнорировать призыв вернуться домой. Монахи тоже это почувствовали. Вместе мы решили, что я должна занять своё место в Элизии.

Хьюго кивнул, на его лице промелькнуло уважение. По отношению ко мне или монахам — я не знала.

— А мой сын? — подсказал он.

Я заёрзала и попыталась отстраниться от Тейлона, но его рука крепко сжала мою. Гнев вновь пронзил меня.

— Я нашла его совершенно случайно, милорд. Мы с моим спутником как раз добрались до Теновии, когда Тейлон напал на нас в Теллеканском лесу. Он заманил нас в ловушку, связал и украл наши вещи. Только позже я смогла вернуть всё, что принадлежало мне.

— Тейлон! — ахнула его мать.

Хьюго сделал шаг вперёд, его кожа покрылась красными пятнами.

— Это и есть твоя великая миссия? Вы нападаете на беспомощных женщин в тёмных лесах и называете это революцией?

Тейлон несколько раз открыл и закрыл рот, прежде чем смог ответить:

— Я решил, что она шпионка. И я не связывал её. Она сделала это сама, когда попала в одну из наших ловушек.

— Я бы не попала в твои ловушки, если бы ты не изрешетил ими весь лес! Откуда мне было знать, что это твоя земля? Откуда кому-то знать, какую угрозу ты представляешь...

Хьюго прервал мою тираду весёлым возгласом:

— Я вижу, ваша лёгкая дружба не сохранилась за эти годы.

Румянец пополз вверх по моей шее и расцвёл на щеках.

— Простите меня, Ваше Величество. Я устала от путешествия.

— И компании моего сына, надо полагать, — проворчал он.

На этот раз я не могла скрыть своего удовлетворения. Он махнул рукой, и я продолжила свой рассказ:

— После того, как он украл мою сумку, у меня не было другого выбора, кроме как вернуть её. Оливер, эм, мой спутник и я последовали за наследным принцем и его людьми в их лагерь. К тому времени, как мы нагнали их, мы поняли свою ошибку. Нас было всего двое, и мы были беззащитны.

— Что он сделал на этот раз? — Хьюго вздохнул.

— Он помог, Ваше Величество. К тому времени, как мы его догнали, он уже был готов сопроводить нас в Элизию.

Хьюго перевёл взгляд на сына.

— Неужели? Что изменилось?

Тейлон махнул рукой на кулон, висящий у меня на шее.

— Я подарил ей его, когда мы были детьми.

Хьюго наклонился, чтобы рассмотреть его.

— Откуда ты знаешь, что он не просто похож на тот, что ты подарил?

Тейлон выпрямил спину.

— Сначала у меня были сомнения. По правде говоря, я искал это ожерелье на каждой темноволосой женщине с того момента, как потерял её из виду. Я не знал, верить ли в то, что это действительно Тессана Аллисанд, или же я просто выдаю желаемое за действительное. Но чем больше я узнавал её, тем больше понимал, что это она. Проведя с ней время, я уже не мог отрицать, что она потерянная принцесса.

Улыбка приподняла уголки губ Хьюго, пока я пыталась вспомнить, как дышать.

— Вполне справедливо, — согласился король. — Как только вы снова нашли друг друга,

вы отправились в Элизию?

— Не совсем так, Ваше Величество, — вмешалась я. — Наследный принц скрыл от меня свою личность. Я думала, что нахожусь в сговоре с бандитом и лидером повстанцев.

— Мне жаль, — Хьюго махнул мясистой рукой в сторону Тейлона. — Так уж случилось, что он наследный принц Соравалья, — его взгляд скользнул по жене, потом по сыну и снова вернулся ко мне. — Я бы с радостью выбрал кого-нибудь другого из своих детей в качестве наследника. Но это не моё право, таков закон королевства.

Я снова чуть не улыбнулась, но на этот раз знала, что это было бы неразумно. Тейлон окаменел рядом со мной.

— У меня к вам ещё сотня вопросов, — со вздохом признался Хьюго. — Но уже поздно, и я знаю, что тебе не терпится лечь спать. Я просто спрошу... Могу ли я...

Он провёл рукой по лицу, и я была потрясена, увидев, как этот внушительный человек борется со словами. Наши взгляды встретились, и я уловила в его глазах усталость, которая удивила меня.

— Ты не покажешь мне корону? Дело не в том, что я тебе не верю. Ты точная копия своей матери. Но я хотел бы стереть все сомнения.

— Да, конечно, — я полезла в сумку. Шикса отскочила в сторону, пока я копалась.

Хьюго и Анаталь спустились по каменной лестнице и присоединились к нам. Их близость давила на меня, отбрасывая тень и делая меня неуклюжей. Я сжала корону ледяными пальцами и вытащила её из сумки.

Её нужно было отполировать, но ошибиться было невозможно. Даже диадема Хьюго из морского камня и серебра бледнела в сравнении с Элизийской Коронай Девяти.

Рука Хьюго дрожала, когда он потянулся, чтобы провести пальцем по центральному камню.

— Твой отец всегда носил её с такой гордостью, — прошептал он.

Новая волна скорби нахлынула на меня от боли в голосе этого гиганта. Но измученное выражение на лице Хьюго исчезло так же быстро, как появилось, и он снова выпрямился.

— В постель, — приказал он. — Нам нужно многое обсудить, но утром.

Я снова присела в низком реверансе и позволила Тейлону вывести меня из зала.

Гулкий голос Хьюго преследовал нас:

— Только не ты, сынок. Ты ответишь мне сегодня вечером.

Тейлон повернулся и пренебрежительно поклонился, прежде чем возобновить наш путь. В дверях он остановился, держа меня за руку. Его голос стал низким, и он спросил:

— У тебя всё будет нормально?

Я кивнула.

— Да. Теперь я в безопасности.

— Тесса, я вовсе не собирался приводить тебя сюда. Я хотел избавить тебя от этого.

— Почему?

Он покачал головой и оглянулся на нетерпеливого отца.

— Я найду тебя завтра. А пока спи. Наслаждайся своим возвращением в королевскую семью.

На миг я почувствовала себя уязвимой и сжала его руку.

— Я не уверена, что готова к этому.

Он наклонился и ещё раз поймал мой взгляд.

— Тессана Хадлин Аллисанд, потерянная принцесса Элизии, если кто и готов к тому,

что ждёт нас впереди, так это ты, — он наклонился и быстро поцеловал меня в лоб. — Иди, — приказал он. — Спи. Завтра у нас много дел.

Отпустив мою руку, он оставил меня, чтобы встретиться лицом к лицу со своим отцом. Хеман ждал меня в дверях. Мы вышли в холл, где на полу обнаружили тихо похрапывающего Оливера.

— Я провожу вас в ваши комнаты, Ваше Высочество, — предложил Хеман.

Я посмотрела на Оливера, потом на длинный коридор. Корона в моих руках казалась такой тяжёлой.

— А что будет, если я попытаюсь бежать?

Губы Хемана дёрнулись.

— Тогда я провожу вас в ваши комнаты и запираю внутри.

Я вздохнула.

— Очень хорошо. Показывай дорогу.

ГЛАВА 18

Королевство Сораваль простиралось вдоль Великих Утёсов Кристального моря — в обе стороны от дворца в Десмондине. Ходили слухи, что древние драконы спят в глубоких расщелинах скал, охраняя свои несметные сокровища. Сораваль был богат рыбой и судоходством, но именно добыча драгоценных камней, залегающих близко к поверхности скал, делала его преуспевающим.

Сораваль всегда был самым сильным союзником Элизии. Когда правители Девяти Королевств собирались вместе, короли Элизии и Соравалья правили встречей.

Тем не менее, Сораваль и Элизия никогда не были связаны браком. Отец и Хьюго надеялись, что после стольких веков моё замужество раз и навсегда объединит королевства.

Но трагедия прервала лучшие планы наших отцов.

Теперь я шла иным путём, мне было суждено вернуться домой, в Элизию, страну, которую при прежних обстоятельствах я покинула бы в поисках верности и брака.

Я не знала, что чувствовала по этому поводу. Я начала испытывать какие-то чувства к человеку, которого, как мне казалось, звали Аррик, но, зная его как командора повстанцев, я не позволяла себе думать о будущем с ним. Теперь, когда я знала, что тот самый человек был Тейлоном...

Было облегчением знать, что я не влюбилась в настоящего бунтаря. Но было и ещё кое-что. Что-то вроде горя. Я не могла этого объяснить. И, честно говоря, даже не хотела пытаться. Я просто хотела принять ванну, лечь спать и притвориться, что моих проблем не существует.

Слуги, высокий мужчина и приземистая женщина, повели нас наверх по покрытым серебряным ковром лестницам и дальше по коридорам с сапфировыми светильниками и канделябрами из морского камня. Наконец мы подошли к дверям, которые вели в комнаты.

Конечно, нам с Оливером придется разлучиться. Это имело смысл. Тем более что он был обычным мужчиной, а я женщиной королевских кровей.

Но мы спали бок о бок уже два месяца. Мы сторожили друг друга по ночам и прижимались друг к другу на холоде. Он защищал меня. И я защищала его. А до того, как мы отправились в это путешествие, лишь стена отделяла нас друг от друга.

Когда женщина открыла дверь в мои покои, моё сердце протестующе заколотилось. Я

не могла расстаться с Оливером. Он был единственной постоянной в моей жизни. Моим единственным другом. Моим единственным настоящим союзником.

Я повернулась к нему, когда он пересёк коридор.

— Это странно, Оливер Молчаливый.

Он потёр глаза и с трудом подавил зевок.

— Но, моя дорогая Тессана, и с этим мы справимся.

Тут он показал мне язык.

Очевидно, я была единственной, кто испытывал хоть какую-то сентиментальность по отношению к нашим поискам.

Переступив порог своей комнаты, я почувствовала то же, что, должно быть, чувствовал Оливер. Гостевые покои были такими же стильными, как и остальная часть дворца. В центре одной из комнат стояла огромная кровать с балдахином. Постель была из тончайшего шёлка, расшитого цветами Соравалья. Мебель была сделана из блестящих чёрных кедров, растущих по ту сторону границы.

Одну стену занимал массивный камин из морского камня. Огонь уже разожгли, и в комнате было тепло и уютно.

Гостиная выходила на балкон, с которого открывался вид на Кристальное море. Соравальский дворец был построен в скалах, так что балкон выходил прямо на воду. И искрящийся солёный туман танцевал на горизонте, заставляя его мерцать, заставляя меня думать, что я смотрю в отражение моря, а не в само море.

— Вас ждёт горячая ванна, Ваше Высочество, — сказала служанка, с неловким подобием реверанса направляясь вперёд, чтобы помочь мне раздеться.

— Нет, спасибо. Я вполне способна сама принять ванну, — она не выглядела убеждённой, но мне и не нужно было её убеждать. Возможно, если бы у меня была роскошная жизнь королевской особы, мне бы понадобилась помощь, но в Храме меня никто не купал. И не одевал. И не нянчился со мной любым другим способом. — Есть ли здесь одежда для меня?

Она снова присела и открыла дверцу шкафа, где висели ночная одежда и нижнее бельё.

— Швею вызвали, как только прибыл гонец. Это всё, что было у неё в запасе, но завтра будет ещё. Его Величество не пожалел денег.

Я отвернулась.

— Это очень любезно с его стороны, — я ненавидела благотворительность. И ещё больше ненавидела то, что милосердие Хьюго распространялось на моё нижнее бельё. Мне придётся успокоить себя, расплатившись с ним.

Я посмотрела на шкаф. В чём именно заключался интерес к бюстгальтерам?

— Вам ещё что-нибудь понадобится, миледи?

Я повернулась к пухлой женщине, раздумывая, как ответить по-королевски.

— Не думаю, — ответила я.

Она смотрела на меня, не двигаясь. Я прикусила нижнюю губу, прежде чем произнесла:

— Этого достаточно. Спасибо.

Она исчезла в коридоре, закрыв за собой дверь. Я последовала за ней, желая запереть засов и покончить с этим вечером, днём и всеми предыдущими днями.

Замок щёлкнул, и впервые с тех пор, как отец Гариус показал мне потерянную корону, я почувствовала себя в безопасности.

Я не знала, будет ли Хеман стоять на страже снаружи всю ночь или он просто пошутил.

Но я надеялась, что он говорил правду.

Теперь, когда я снова была с союзниками, я осознала опасность своих врагов. Я бы совсем не возражала, если бы Соравальская королевская гвардия решила разбить постоянный лагерь за дверью.

Возле камина стоял поднос с едой. Поставив сумку так, чтобы я могла следить за ней, я взяла Шиксу и угостила её обедом из пышных тостов, намазанных пряным маслом, и небольшой порцией картофеля и зелёных кореньев. Когда она насытилась, я приготовила ей постель у огня и оставила спать.

Пришло время позаботиться о себе.

Моя ванна была идеальной, как я и надеялась. Впервые за несколько месяцев всё моё тело было вычищено до блеска. От меня даже хорошо пахло.

Я нежилась в голубой воде, пока она не остыла, затем ступила на ковёр из белого меха и обернулась в шикарный халат. Я не чувствовала такой роскоши, сколько себя помнила. Я стояла, упиваясь каждой секундой, пока мех у моих ног не зашевелился.

— Шикса! — пискнула я. — Ты напугала меня до полусмерти.

Я подхватила её на руки и прижала к себе. Она зевнула в ответ и потянулась в моих объятиях. Её крошечные коготки зацепились за ткань, а ясные зелёные глаза уставились на меня.

— Ты боишься остаться одна?

Она вытянула шею и мякнула. Я вышла из ванной в гостиную, решив, что сегодня, так и быть, она может спать со мной на этой огромной кровати.

— Полагаю, Оливер не единственный мой компаньон по сну за последние несколько недель.

— Ты со мной разговариваешь?

Я закричала во всё горло и чуть не сжала Шиксу до смерти.

— Драконья кровь, Аррик!

Аррик, грр! Тейлон сидел на письменном столе у камина. Ванна была спрятана в отдельной комнате, но даже если бы он заглянул ко мне, я бы этого не заметила. Я была слишком поглощена своими мыслями. И шампунем. Шампунь был очень увлекательным.

— Тс-с, Ваше Высочество. Будущая королева так не выражается.

Моё сердце бешено колотилось. Я вцепилась в расстёгнутый халат и решила, что сейчас самое время умереть. Если бы я могла сгореть, рассыпаться или улететь, это было бы просто идеально.

— Как ты сюда попал?

Его медленная улыбка была коварной.

— Я Мятежный Король, помнишь? Конечно же, мятежники знают, как вскрыть любой замок — и внутри, и снаружи.

Я нахмурилась, вспомнив деревню, которая чуть не сгорела в Теновии. Вскрывать замки, по сути, мятежники не умели.

— Как, должно быть, трудно управлять двумя королевствами. Я не знаю, как ты справляешься со всеми своими обязанностями.

— Значит, ты очень злишься на меня?

Я проигнорировала покаянное выражение его лица. Особенно когда это принесло острый укол ностальгии.

— Да, — ответила я. — Очень.

Он встал и подошёл ко мне. Я ещё крепче вцепилась в ворот халата.

— Ты тоже лгала мне, Тессана Аллисанд. Ты не можешь сердиться на меня за то, что я отказывался раскрыть ту же информацию, которую ты держала в секрете от меня.

— Я могу злиться на тебя, — язвительно сказала я. — И я буду.

— Но это же одно и то же!

— Нет, это не так. Во-первых, ты знал, кто я. Я ничего не скрывала от тебя, даже если и собиралась. А во-вторых, ты должен был сказать мне. В ту же секунду, как ты узнал меня, ты должен был признаться.

— Ах, — вздохнул он. — Значит, я злодей, потому что сделал то, что не удалось тебе? Так как я узнал тебя, но ты не смогла увидеть правды в моих чертах, я тот, кто должен быть наказан?

— Да.

— Это несправедливо. Будущие королевы должны быть честными. Попробуй снова.

— Попробовать снова? Ты же не серьёзно.

— Я совершенно серьёзно.

— Ты невозможный человек, Тейлон. И недавно ты предал своего ближайшего союзника. Ты нажил врагов не с той Королевой, Мятежный Король.

Я попыталась проскользнуть мимо него, намереваясь открыть дверь и вытолкнуть его из моей комнаты, но он схватил меня за талию и заставил снова пискнуть. Шикса, устав от моих театральных выходок, выпрыгнула из моих рук и юркнула под кровать.

— Ты ещё не королева, — напомнил он мне громовым голосом. — И пока ты не станешь моим суверенным союзником, я буду наслаждаться каждой секундой разочарования избалованной принцессы.

Его руки опустились на мои бёдра, обжигая кожу под халатом жаром ладоней. Наши грудные клетки соприкасались друг с другом, и я никогда ещё так остро не ощущала разницы между его мускулистой грудью и моей, более мягкой.

Я надавила на эти отвлекающие мышцы. Открытый воротник его туники демонстрировал сильное горло, которое я хотела бы игнорировать.

— Ты играешь с огнём, Тейлон. Что, если нас обнаружит кто-нибудь из слуг? Вот так?

Его глаза потемнели, и он склонил голову ближе к моей.

— Повтори ещё раз.

— Это будет скандал века! Можешь себе представить...

Его смешок прервал меня.

— Только не эту чушь, Тессана. Повтори моё имя ещё раз. Скажи это таким образом. Как будто ты меня знаешь. Как будто моё имя тебе знакомо.

Моя кровь отчаянно забурлила. Я облизнула внезапно пересохшие губы и бросила взгляд на свои пальцы, вцепившиеся в ткань его рубашки.

Я могла понять, почему это имя так много значило для него. В одном мы были едины. Для него было нормально называть меня Тесс. Но когда он использовал моё полное имя... когда он называл меня Тессаной... Это было совсем другое.

— Тейлон, — прошептала я.

Он опустил голову и прижал свой лоб к моему.

— Ещё раз.

— Тейлон.

— Я так часто думал о тебе в последние восемь лет, гадая, что с тобой случилось. Я

думал, что потерял тебя навсегда.

Я обнаружила, что растворяюсь в нём.

— Ты спас мне жизнь, — мне пришлось закрыть глаза, чтобы сдержать слёзы, но они всё равно капали с кончиков моих ресниц. — И потому, что ты дал мне корону, ты спас моё королевство.

Судорожный вздох сотряс его лёгкие, и он сжал меня в крепких объятиях. Мои руки так же крепко обхватили его.

Я представляла себе этот момент тысячу раз с того дня, как мы расстались. Я представляла себе, как буду бежать и прыгать в его объятия. Или как я сяду на трон, коротко кивну ему и заговорщически подмигну. Я представляла себе, как он плачет, смеется или вообще не помнит меня. Но я никогда не представляла себе, что всё будет именно так.

Я и представить себе не могла, что он будет так глубоко тронут или встревожен, как я. Никогда не представляла себе этот огонь в его прикосновении, который оживлял мою кожу и заставлял моё сердце мчаться галопом.

— Я сделал то, что должен был, — прохрипел он мне в кожу. — Я сделал то, что должен был сделать, чтобы защитить тебя.

— Ты защитил меня, — пообещала я. — Спасибо.

После ещё одного бесконечного мгновения он отстранился и заглянул мне в лицо.

— А теперь ты вернулась. Но что нам с тобой делать?

Я сморщила нос.

— Для начала ты мог бы дать мне поспать.

Он откинул голову назад и рассмеялся. Когда он снова посмотрел на меня, его глаза сверкнули, как сапфиры в канделябрах.

— Полагаю, я могу это сделать. Но когда ты простишь меня за мой обман.

Я высвободилась из его объятий и провела ладонями по халату.

— О, нет. Я не могу этого сделать.

Он шагнул вперёд, и я инстинктивно отступила.

— Почему нет?

— Ну, — вздохнула я, обходя плюшевую тахту, — причин так много.

Он шёл за мной, кривя губы, что я проигнорировала.

— Назови хоть одну.

Я потянулась назад, и моя рука сомкнулась на дверной ручке. Я дёрнула её вниз и потянула. Тяжело.

Я споткнулась о собственные ноги, когда дверь не поддавалась. Не обращая больше внимания на Тейлона, щёлкнула замком, ненавидя себя за то, что до сих пор не могу понять, как он вторгся в мои личные покои, и рывком распахнула дверь.

Я выглянула в коридор и увидела, что Хеман стоит на страже.

— О, хорошо. Ты здесь, — сказала я охраннику. Он повернулся ко мне, удивлённый моим внезапным появлением и внешним видом. — У меня незваный гость.

— У вас что? — он почти кричал.

Он шагнул в дверной проём, уже наполовину обнажив меч, а затем отступил назад, увидев Тейлона, ожидающего его с другой стороны.

— В-ваше Высочество?

— Не утруждай себя, дружище, — ухмыльнулся Тейлон. — Я как раз собирался уходить.

Он поправил тунику и медленно прошёл мимо меня. Он уже почти вышел за дверь, мои

пальцы чесались захлопнуть её прямо за ним, когда он повернулся ко мне, чтобы сказать:

— Это будет весело, Незнакомка. Надеюсь, ты готова принять вызов.

— Вызов?

Он вышел из моей комнаты, не оборачиваясь.

— Какой вызов, Тейлон?

Он помахал рукой, не глядя на меня.

Я зарычала и, *наконец*, захлопнула дверь спальни.

ГЛАВА 19

На следующее утро я встала ещё до восхода солнца. Кровать была слишком мягкой. В комнате было слишком тихо.

Когда горничные спустились в мою комнату с завтраком и пальцами, достаточно ловкими и сильными, чтобы высосать весь кислород из моих лёгких в попытке завязать корсет, я пыталась понять, как Тейлон пробрался сюда прошлой ночью.

— Король требует вашего присутствия в военном зале сегодня утром, Ваше Высочество, — тихо сказала одна из служанок, заплетая мои волосы в более сложную косу, чем я обычно носила.

Я посмотрела на себя в зеркало над туалетным столиком. Я была вынуждена сидеть прямо, потому что корсет был обмотан вокруг меня настолько плотно, что я не удивилась бы, если бы моя голова оторвалась.

Они одели меня в бледно-розовое дневное платье, более дорогое, чем вся моя одежда из храма вместе взятая.

И они сотворили какую-то магию с моим лицом, потому что я больше не была той бледной, некрасивой девушкой, которую помнила по храму. Мои щёки и губы порозовели. Золотые искорки в глазах, поймав свет, преобразили обычный орех в неестественные оттенки изумруда и нефрита.

Зеркала в храме, естественно, отсутствовали. Я выросла, глядя на своё отражение после того, как начищала посуду. Меня это не беспокоило. До сих пор. До тех пор, пока я не должна была встретиться с королём Хьюго в военном зале и ответить на его вопросы о моём прошлом и моём будущем. Горничная закончила прикреплять изящные розовые цветы к моей косе и отступила назад, чтобы осмотреть меня с головы до ног.

— Значит, теперь я презентабельна? — спросила я её.

Я пыталась бороться с нервозностью, скребущей мой живот, но мне не удавалось вразумить себя. Я видела Хьюго только вчера вечером. Бояться было нечего.

И всё же дневной свет придал всему совершенно новую перспективу. Корона лежала на моей кровати. Я достала её сегодня утром, чтобы отполировать. Закончив, я обнаружила, что не могу ничего делать, кроме как смотреть на неё.

Неужели это действительно происходит?

После всего... Неужели я действительно так близко от дома?

Горничная одобрительно промурлыкала.

— Осмелюсь сказать, что вы самая прекрасная принцесса, которую я когда-либо видела, миледи.

Я отвела глаза, смущённая тем, что она назвала меня красавицей и принцессой. Я почти ничего не чувствовала.

— Нет, — сказала я. — Это дело твоих рук, а не моя заслуга.

Я снова уставилась на себя в зеркало и приложила ладонь к щеке, чтобы убедиться, что это действительно я.

— Но я должна спросить, что ты сделала с моим лицом, — чтобы она не подумала, что это оскорбление, я добавила: — Только для того, чтобы я могла повторять это каждый день.

— Ваше лицо? — короткий смешок вырвался из неё. — Ваше Высочество, я ничего не сделала с вашим лицом, только добавила немного румян. Вы просто так выглядите.

— Нет, — не согласилась я, наклонилась вперёд и ещё раз оглядела себя. — Но я действительно похожа на свою мать. Я и не думала.

Свет в глазах служанки потускнел, когда она нежно положила руку мне на плечо.

— Надеюсь, вы не обидитесь, но то, что случилось с Её Величеством, было трагедией. Вся ваша семья... Я даже представить себе не могу. Мне кажется правильным, что вы выросли такой же красивой, как она. Это самое малое, что Свет мог сделать для вас после таких испытаний.

Я почувствовала, что мои глаза горят от эмоций, но заставила себя сдерживать слёзы. Я не могла плакать в присутствии горничной. Что она обо мне подумает?

— Ты очень добра, что сказала это?..

— Матильда, — она присела в коротком реверансе. — Меня зовут Матильда.

— Спасибо, Матильда, — я вздохнула и встала. Мои руки опустились на талию, которую сжимал и давил корсет. — Можешь передать Его Величеству, что я готова, если он примет меня. Как только я научусь дышать с этой штукой.

Матильда попыталась скрыть улыбку.

— Неглубокое дыхание, мэм. Так должно быть лучше.

Она оставила меня тренировать легкое дыхание и вышла в коридор. Через несколько секунд она вернулась и объявила:

— Он уже ждёт вас. Вас сопровождают лакей и гротмейстер стражи.

Я осторожно двинулась к двери.

— Ты знаешь что-нибудь о моём попутчике? Его комната напротив через холл. Интересно, проснулся ли он?

Она покачала головой.

— Нет, миледи. Мы уже пытались, но он швырнул башмаки в оруженосца, и мы решили дать ему поспать.

Наступила моя очередь скрывать улыбку.

— Ты не могла бы присмотреть за моей лисой, пока меня не будет? Я думаю, она голодна.

Матильда выглядела шокированной.

— Простите?

— Моей лисой, — медленно объяснила я на случай, если она не расслышала. — Она всего лишь щенок.

Я вытащила Шиксу из плюшевого одеяла, где она спала так же крепко, как Оливер. Её чистый белый мех был горячим от одеял, и я не могла удержаться, чтобы не прижать её к себе на минуту, пока она протестующе хныкала.

— Её зовут Шикса.

— Я... я... я...

Я сунула Шиксу в руки Матильды.

— Спасибо.

Как и предупреждала Матильда, в холле меня ждали высокий лакей и Хеман. Увидев меня, они оба тут же склонились в поклоне.

— Эм, спасибо... — я прикусила губу.

Я не знала, как ориентироваться в своём внезапно обретённом королевском статусе. Вчера со мной обращались как с простолюдинкой. Теперь люди кланялись, делали реверансы и одевали меня в колбасную оболочку.

Я стояла, ожидая, что они отведут меня в военный зал, но никто не двигался. После долгой неловкой паузы, в течение которой я поняла, что от меня что-то требуется, Хеман прикрыл рот кулаком и откашлялся.

Я беспомощно посмотрела на него.

— После вас, Ваше Высочество, — многозначительно произнёс он.

Ох.

— Ну конечно, — я посмотрела на протянутую руку лакея. Как я могла привести их в комнату, о которой ничего не знала? — Значит, сюда?

Лакей кивнул так терпеливо, как только был способен. Я с трудом удержалась от того, чтобы закатить глаза, и начала медленно шагать по коридору. Однако, как только я начала двигаться, мужчинам не потребовалось много времени, чтобы подстроиться под меня. Мне нужно было помнить: королевские особы двигаются первыми. *Даже если они понятия не имеют, куда идут.*

— Вы хорошо спали, принцесса Тессана? — вежливо спросил Хеман.

— Нет.

Мне и в голову не приходило лгать или уклоняться от правды. Но после очередного скрытого кашля Хемана и вздоха лакея я поняла, что мой ответ прозвучал грубо.

— Видите ли, я привыкла спать на земле. А до этого мой матрас был сделан из сена. Так что я не привыкла к комфорту.

Ни один из них ничего не ответил. Возможно, я слишком много объяснила или сказала что-то, чего не должна была говорить, но теперь было уже слишком поздно.

Я решила двигаться дальше.

— А что насчёт тебя, Хеман? Ты спал? Надеюсь, ты не простоял у моей двери всю ночь. Его щёки вспыхнули, хотя я и не поняла, что сказала не так.

— Для меня большая честь охранять вас, принцесса Тессана. Мне и в голову не придёт спать, когда требуется моя служба.

Ах, я оскорбила его долг и его положение. Что ж, это было не самое гладкое знакомство с дворцовой жизнью.

Может быть, Братство Молчания было лучше.

Пройдя несколько лестниц, петляя и сворачивая в залитые солнцем коридоры, Хеман кивнул в сторону позолоченных двойных дверей.

— Вот мы и пришли, Ваше Высочество. Его Величество ждёт.

Другой лакей открыл дверь, и герольд объявил о моём присутствии. Я вошла в огромную комнату с книжными полками вдоль каждой стены. Второй этаж был опоясан балконом, где располагалось ещё больше книжных шкафов.

На мгновение мне показалось, что я забрела не в ту комнату. Если бы не мечи и щиты, украшавшие четыре колонны, и массивный военный стол в центре, я бы решила, что нашла библиотеку.

На военном столе красовалась подробная карта королевства с рельефными миниатюрами и раскрашенными копиями. Гроздь крохотных чёрных кедров указывала на Теллеканский лес, а участок холмистых золотистых песчаных дюн — на Пылающую Пустыню Ворестры. Элизия расположилась посередине, где поднимались белые горные миниатюры, сверкающие, как бриллианты.

Хьюго стоял за военным столом, его корона была на месте, а меховая мантия длиной до пола застёгнута на шее. На золотом поясе висели три клинка, а на груди красовался герб Соравалы — туника, предназначенная для объявления войны. И бала. Большинство членов королевской семьи носили свой герб во время торжеств или королевских визитов других монархов. У Элизии тоже был такой.

Мой отец надевал его только тогда, когда происходило что-то важное или приходил кто-то важный.

— Доброе утро, Тессана, — улыбнулся Хьюго. — Или лучше сказать, Ваше Высочество.

Я подняла руку, чувствуя себя подавленной и неуместной в своём бледно-розовом платье. Как роза, потерявшаяся в зарослях шиповника.

— Нет, — нервно рассмеялась я. — Пожалуйста, не надо. Я всё ещё пытаюсь вспомнить, что я королевская особа. Называя меня так, вы только заставляете меня волноваться.

Его натянутая улыбка предупредила, что я снова сказала слишком много. Но Хьюго был достаточно любезен, чтобы двигаться дальше.

— Мой генерал.

Он махнул рукой в сторону очень высокого и очень старого седого пугала. Мужчина повернулся ко мне с остекленевшими глазами и низко поклонился.

— Это генерал Стогинан. Пожалуйста, генерал, познакомьтесь с нашим надёжным союзником, принцессой Тессаной Аллисанд из Элизии.

Голос генерала Стогинана звучал как скрежет камней по гравию.

— Очень приятно, Ваше Высочество.

Я присела в реверансе.

— Взаимно, генерал.

Хьюго продолжал:

— Ты уже встречалась с гроссмейстером нашей Королевской гвардии Хеманом Монтрезом. И конечно, ты знаешь моего сына, — я кивнула Хеману и уже повернулась, чтобы поприветствовать четвёртого человека в комнате, когда слишком поздно поняла, что это Тейлон.

У меня не было выбора, кроме как сделать реверанс и ему. В конце концов, Хьюго представил меня как их надёжного союзника. Как ужасно было бы разрушить все отношения между Соравалем и Элизией в первый же день моего возвращения? Это должно было быть под запись.

Может быть, оно того стоило.

Тейлон улыбнулся мне, и я почти забыла все причины, по которым он меня раздражал. Мою кожу покалывало. Этот парень был самым неприятным из всех мужчин, и всё же моё тело реагировало на него, как будто он был потерянным сокровищем, а я драконом.

— Принцесса, — пробормотал он в знак приветствия.

Я кивнула, придав своему подбородку царственный вид.

— Мятёжный Король.

Громкий кашель Хьюго расколол комнату пополам. Я услышала, как Стогинан наклонился к Хеману и пробормотал:

— Интересно, что она имеет в виду?

Ответ Хемана был быстрым:

— Шутка из их детства, я уверен.

Глаза Тейлона сверкнули, но он сдержанно покачал головой. Очевидно, другие его занятия не были достоянием общественности.

Я решила, что лучше всего будет двигаться дальше и вообще избегать разговоров о мятежниках, королях и тому подобном.

— Ваше Величество, благодарю вас за то, что вы снова со мной встретились.

Улыбка Хьюго была полна нежности.

— Дорогая, я просто поражён, увидев тебя. После стольких лет трудно поверить, что ты настоящая. И всё же ты стоишь здесь. Были ли ужасны последние годы? С тех пор как тебя вынудили уехать, ты не желала ничего, кроме дворцовой жизни?

— Нет! — воскликнула я. — Нет, пожалуйста, не думайте, что я страдала. Мне было вполне комфортно. Братство Молчания прекрасно заботилось обо мне.

— Хорошо.

— И вы прошли весь этот путь? — спросил генерал Стогинан. — От Хеприна?

— Почти, — ответила я. — В последние две недели мне и моему спутнику посчастливилось обзавестись эскортом Мятежной армии.

Стогинан чуть не поперхнулся своим толстым языком.

— Правда? Повстанцы *помогли* вам?

— Да, правда.

Он выпучил свои глаза.

— Разве они не пытались отобрать у вас Корону Девяти? Подкупить вас? Я не могу поверить, что эти нецивилизованные грубияны вели себя мирно по отношению к королевской особе.

— Я путешествовала инкогнито. На самом деле, я лишь вчера показала драгоценный груз, который был у меня с собой. Повстанческая армия так и не узнала ни о моей истинной личности, ни о бесценной короне, спрятанной в моей сумке. Они благополучно провели меня через Теновию. Несколько раз я наблюдала, как они щедро раздавали необходимое бедным по пути, а однажды я была свидетелем того, как они спасли Теновийскую деревню от пожара, устроенного Кольцом Теней.

Он издал фыркающий звук.

— А я-то думал, что их навыки ограничиваются изнасилованиями и грабежами.

Я откашлялась и постаралась не смотреть на Тейлона, чтобы не рассмеяться.

— Уверяю, генерал, я не была жертвой ни изнасилования, ни грабежа.

Мне выпала большая честь наблюдать, как всё лицо генерала приобрело цвет спелой клубники.

— Принцесса направляется домой, генерал, — вмешался Тейлон, чтобы спасти разговор. — Она хочет вернуться в Элизию и занять своё законное место на Троне Власти.

— Конечно, хочет, — согласился генерал. — Это место принадлежит роду Аллисанд. Ваш дядя, простите меня за такие слова, опасный монарх.

— Как так?

Генерал обвёл глазами комнату. Казалось, они не способны остановиться на чём-то

одном. Я видела, как он посмотрел на книги, потом на карту королевства. Потом на ботинки. Потом на мою обувь.

— Простите меня за то, что я сказал, Ваше Высочество. Это не моё дело высказывать своё мнение.

— Пожалуйста, говорите, — взмолилась я. — Я так долго была в уединении. Я не знаю, чего ожидать, и единственная информация, которую мне удалось получить — это сплетни. Слухи. Ничего больше. Мне бы хотелось услышать мнение человека с вашим авторитетом и опытом.

Я была единственной женщиной в комнате, полной мужчин, и всё же, казалось, я была единственной, кто хотел встретиться с кем-либо взглядом. Четыре пары глаз прыгали с предмета на предмет в скучной игре уклонения.

— Пожалуйста, — взмолилась я. Я посмотрела на кронпринца. — Тейлон?

Тейлон, наконец, посмотрел на меня, словно не в силах сопротивляться зову своего настоящего имени. Его голубые глаза потускнели, и он сжал губы.

— Ему нельзя доверять. В самом прямом смысле. Некоторые говорят, что он виноват в расширении Кольца Теней. Они говорят...

Казалось, я забыла, как дышать, когда выдавила из себя вопрос.

— Что они говорят?

Выражение лица Тейлона стало беспомощным.

— Говорят, он морил голодом целые деревни, чтобы молодые люди были изгнаны из них на службу Теням. Ходят слухи, что именно из-за него Кольцо Теней переместилось за пределы Блэкторна, что он дал Теням разрешение сеять хаос.

— Это смешно, — рассмеялась я, и ломкий звук запрыгал по комнате. — С Блэкторном всегда было трудно. Мой дядя не позволял наёмникам свободно распоряжаться своими владениями. Королевская армия...

— Королевская армия может раздавить Кольцо за один день. Но королевская армия ничего не делает.

— Так кто же с ними сражается? — потребовала я ответа. — Ты не можешь ожидать, что я поверю, будто Кольцу Теней позволено делать всё, что им заблагорассудится, а отдельные королевства не вмешиваются.

— Некоторые сопротивлялись, — ответил Тейлон. — Сораваль, например. Мой отец никогда не терпел беззакония. Но Тирн запретил армии связываться с Тенями. Он утверждает, что слухи преувеличены и фальсифицированы и что если мы пошлём армии за простыми людьми, то спровоцируем гражданскую войну. Пока Тирн находится у Места Силы, мы остаёмся беспомощными. Если что-то не будет сделано в ближайшее время, всё королевство сгорит.

— Это слухи или факты? — спросила я, задыхаясь. — Если нет веских доказательств того, что за Кольцом Теней стоит мой дядя, я не знаю, как вы можете сделать...

Хьюго откашлялся.

— Твой дядя один из самых отвратительных людей, которых я когда-либо встречал. Он слишком занят набиванием карманов, чтобы замечать страдания людей, которых поклялся защищать. Он вполне может быть причиной того, что Кольцо проникло в наши земли. Он ничего не делает для защиты границы между твоей родиной и Блэкторном. Увековечил ли он опустошение царства Тенями или нет, я не могу сказать. Но он несёт ответственность за отказ от помощи. Он совсем не похож на твоего отца, вот что я тебе скажу. Твой отец был

хорошим человеком. Простым. Справедливым. Твёрдым. Он бы никогда этого не допустил. Он никогда бы не позволил королевству стать такой версией Денамона.

Горячие слёзы подступили к моим глазам, но я не позволила им помешать мне высказаться:

— Спасибо, Ваше Величество. Он был. Он был очень хорошим человеком.

Хьюго кивнул.

— Что нам сейчас нужно, так это план, как разобраться с твоим дядей.

— Разобраться с ним?

Хьюго уставился на меня. Я почувствовала, что остальные тоже перевели на меня свои взгляды.

— Мне интересно, как ты сместишь его, Тессана, — сказал Хьюго поистине королевским голосом. — Ибо он не уйдёт добровольно.

Я отрицательно покачала головой.

— Конечно, уйдёт. Корона у меня.

— И он уже восемь лет претендует на неё, — возразил Хьюго. — Он с радостью не уступит тебе своё место. Он не уйдёт без борьбы.

— Он сделает это, — настаивала я. — Все признают, насколько могущественна эта корона. Она у меня. У него не будет другого выбора, кроме как уступить.

— Тессана, — произнёс Тейлон. — Ты не можешь говорить серьёзно.

— Я совершенно серьёзна.

Он покачал головой и шагнул ко мне.

— У тебя нет армии. У тебя нет силы. У тебя нет ничего, кроме короны, которую можно легко сорвать с тебя. Твой единственный предмет торга — это реликвия, которая могла быть подделана. Возможно, не так легко. Но в королевстве есть люди, обладающие властью, люди, верные твоему дяде, которые могут засвидетельствовать эту ложь.

— Это не копия, — отрезала я. — Это Корона Девяти.

— Да, мы это знаем, — согласился Хеман. — Но можно только гадать, как отреагирует ваш дядя, когда узнает, что вы живы.

Тейлон прожёл взглядом моё лицо.

— Жива и готова стать королевой.

По спине у меня пробежал холодок. Я знала, что путешествие будет трудным и, возможно, опасным. Я знала, что королевская гвардия будет смотреть на меня с подозрением. Я знала, что это будет непросто — попытаться встретиться с дядей и доказать свою правоту. Я также знала, что будет почти невозможно доказать мою личность за пределами короны, находящейся в моём распоряжении. Но я никогда не учитывала желания моего дяди сохранить трон.

Хьюго недовольно вздохнул.

— Это другая проблема.

— Какая ещё проблема?

Его стальные серые глаза не отрывались от моих.

— Ты, моя дорогая, женщина.

Раскалённое добела разочарование пронзило меня.

— Я всё прекрасно понимаю, Ваше Величество. Но какое отношение имеет ко всему этому мой пол?

Он прижал ладони к карте, перенеся вес тела на толстые кончики пальцев. Его взгляд

скользнул по миниатюрной копии королевства, охватывая каждое крошечное деревце, каждую кучку раскрашенного песка. Он поднял руку и провёл пальцем по возвышающимся скалам Соравалы и белым гребням волн Кристального моря.

— Корона Девяти называется Коронай Ста Королей, не так ли? Не Ста Королей и Королев. Ни Сотни Королевских Домов, ни Родословных, ни Людей. Только мужчина, король, если хочешь, правил Девятью.

Дыхание вырвалось из моих лёгких, как будто огромный вихрь развёлся надо мной и вытянул весь воздух прямо из комнаты.

— Есть ли закон, который гласит... — я покачала головой, отчаянно пытаюсь снова обрести равновесие. Комната закружилась. Перед глазами плясали чёрные точки. — Это значит, что женщина не может занимать Трон Власти?

Хьюго медленно поднял на меня глаза.

— Закон? Записанный и сделанный постоянным? Нет, такого нет. По крайней мере, насколько мне известно, — он посмотрел на сына, потом снова на меня. — Но твоя легитимность может быть и, вероятно, будет оспорена. Твой дядя имеет право на слушание. Любой король, находящийся у власти, сделает это, когда ему противостоят или бросают вызов. Это называется Конандра. Тирн, скорее всего, созовёт совет девяти суверенов, чтобы выслушать твоё дело. Они будут взвешивать доказательства твоего рождения, родословной и того, годишься ли ты для правления. В конце процесса тебя призовут либо к короне, либо к осуждению.

— А Тирн?

— То же самое и с ним. Хотя, если его не сочтут достойным королём, он не будет заключён в тюрьму.

Мой голос был едва слышен, когда я заговорила снова.

— Вы хотите сказать, что если я отправлюсь в Элизию и заявлю права на трон как на свой собственный, мой дядя созовёт Конандру. И если девять монархов не узаконят моё положение Королевы Королевства, меня посадят в тюрьму?

Хьюго выдержал мой взгляд.

— На всю оставшуюся жизнь.

Я с трудом сглотнула.

— Но всё гораздо сложнее, — продолжал он. — Ты недооцениваешь, что значит быть королевой, а не королём. Совет Суверенов передаст всё королевство семнадцатилетней девушке. Осознаёшь ли ты, что они могут отказаться признать твою родословную? Или твоё право на корону? Женщина при любых обстоятельствах оказалась бы в невыгодном положении. Но ты ещё ребёнок. Ребёнок, который прятался в храме последние восемь лет. Прости меня, Тессана, но ты едва ли кажешься цивилизованной после многих лет, проведённых на краю человечества, не говоря уже о том, чтобы править целым королевством. Твои шансы на успех невелики.

— А какие у меня другие варианты?

— Ты останешься здесь. Ты можешь оставаться в Десмондине столько, сколько захочешь. Здесь у тебя всегда будет убежище, — он покачал головой и наклонился вперёд. — У тебя всегда будет здесь дом.

Моё сердце глухо стукнуло. Дважды.

— Вы предлагаете мне спрятать корону? Чтобы я не давала дяде знать, что я жива или что королевство, которым он правит, не принадлежит ему?

Хьюго, не колеблясь, ответил:

— Да.

— Вы не можете...

— Я совершенно серьёзен, Тессана. Твой отец был моим ближайшим союзником, моим самым любимым другом. Как я могу утверждать, что уважаю его наследие, когда посылаю его единственного оставшегося ребёнка волкам? — я не выглядела убеждённой, и он добавил: — Или ты можешь остаться на несколько лет. Укройся у нас, пока ты добавляешь годы к своей жизни, чтобы, когда ты представишь себя своему дяде и верховному совету, тебя сочли достаточно взрослой, достойной короны.

Страх бился в моей крови, но ритм моего сердца успокоился.

Я не могла игнорировать цель, которая была дана мне в ту секунду, когда я снова увидела корону. Не могла игнорировать зов судьбы, которая завела меня так далеко. Я не могла игнорировать тот факт, что родилась в семье, которая принадлежала Месту Силы так же, как Корона Девяти принадлежала ему.

Я вздёрнула подбородок и встретила умоляющий взгляд Хьюго.

— Могу я рассчитывать на ваш голос?

Он недоверчиво покачал головой.

— Что ты имеешь в виду?

— Я прошу вашего голоса, мой король. Когда придёт время в Конандре, смогу ли я рассчитывать на вас?

— Ты серьёзно?

— Да.

Его плечи поникли, а на лице появилось озабоченное выражение. Но я также могла различить огонёк удивления в его глазах.

— У тебя есть мой голос, Тессана Аллисанд из Элизии. И у тебя есть моя поддержка. Не важно, что ты решишь.

Я чуть не упала. Его слова стали мощным облегчением, в котором я нуждалась, хотя и не понимала этого, пока они не прозвучали.

— Спасибо, — прохрипела я.

Выражение его лица снова стало жёстким, и он сказал:

— Подумай о моём предложении, дитя. Подумай о жизни здесь. Это было бы неплохо. У тебя может быть всё, о чём ты когда-либо мечтала. Я даже был бы так добр, что пересмотрел бы брачный контракт, который подписал много лет назад.

— Отец! — прогремел Тейлон.

Хьюго не сводил с меня пристального взгляда.

— Ты всё ещё можешь быть королевой, Тессана. Может быть, не державы, а Соравалья. И это не маленькое предложение. Подумай хорошенько.

Я не осмелилась взглянуть на Тейлона.

— Я подумаю. Благодарю вас, Ваше Величество, — я присела в реверансе, слишком взволнованная, чтобы смутиться из-за отсутствия грации. — Прошу меня извинить. Мне нужно многое обдумать.

Мужчины поклонились, и я выбежала из комнаты. Я чувствовала, что Хеман идёт за мной по пятам, но не обернулась, чтобы заговорить с ним, даже когда он указал мне дорогу.

Я не переставала двигаться до тех пор, пока дверь за мной не закрылась, а мягкая и устойчивая кровать не очутилась подо мной.

Затем начались настоящие дебаты. Я против самой себя.

ГЛАВА 20

Нас с Оливером пригласили на ужин к королю, королеве и их семье. Это была высокая честь, но я подозревала, что всё это тонкая уловка, чтобы убедить меня остаться в Десмондине.

Оливер был сногсшибателен, постучав в мою дверь, и настолько отполированным, каким я его никогда не видела. Я уже изгнала всех помощников, слуг и любого, кто нуждался или хотел чего-либо от меня, кроме Шиксы.

— Мы приглашены на ужин! — ухмыльнулся он. — С Королём, — он наклонился и учтиво посмотрел на меня. — И Королевой.

— Ну, я предполагала, что она тоже там будет. Ходят слухи, что она ужинает почти так же часто, как и её муж.

Мой сарказм не испортил его хорошего настроения.

— И я держу пари, — продолжал он, — это будет хороший ужин. Запечённые пудинги. И мясные пироги. И мягкие яйца из Квирика поверх картофельного пюре, — он плюхнулся в одно из кресел и лениво опустил длинные руки. — И подумай о десертах, Тесс. Держу пари, ни один из них не будет подгоревшим.

Его счастье было заразительным, и я улыбнулась.

— Я на это надеюсь. Чтобы никто не потерял руку.

Он вскочил и сел.

— Это правда? — я думала, что он будет в ужасе, но медленная улыбка расплылась по его лицу. — Если они рискуют потерять руку, то я готов поставить свою собственную руку на то, что ничего не подгорит.

— Ты беспокоишь меня, — сказала я ему. — Я совершенно уверена, что ты сошёл с ума.

Его глаза сузились от новой мысли.

— А как же твои поиски позора и славы? Как долго мы будем жить как Соравалианская королевская семья, прежде чем отправимся на закат?

— Я не уверена, что позор и слава — это одно и то же.

Я нахмурилась. Я ничего не рассказывала Оливеру о сегодняшней встрече и не знала, с чего начать.

— Мы уедем, как только сможем, — ответила я, хотя даже сама ещё не знала, что это значит.

Оливер свёл брови над своими карими глазами.

— Тейлон и его отец поддерживают твои планы стать Королевой Державы? Вот так просто?

— У меня есть корона.

Он закатил глаза.

— Да, конечно, у тебя есть корона. Но что ещё, Тессана? Ни одна армия не сможет сразиться в этой битве, если какое-либо из королевств восстанет против внезапной смены монархии. У тебя нет широкой поддержки. Или даже небольшой поддержки. У тебя нет ничего, кроме короны и заявления, что ты часть рода, который почти вымер.

Сомнения закружились у меня внутри.

— Я думала, что, по крайней мере, заручилась *твоей* поддержкой, Оливер Молчаливый.

Он снова закатил глаза.

— Конечно. Конечно, ты всегда будешь иметь мою поддержку. Но кто я? Всего лишь безымянный простолюдин, который даже не может засвидетельствовать обоснованность твоих притязаний. Я ожидал большего от твоей встречи с королём, вот и всё. Я ожидал плана и ответа на все эти оставшиеся без ответа "что, если".

— Хьюго не хочет, чтобы я возвращалась. Мне больно это говорить, но некоторые из его измышлений совпадают с твоими. По-видимому, существует суд под названием Конандра. Мой дядя не обязан отдавать трон, как только я появлюсь на его пороге. Ему позволено вызвать Конандру и оспорить мои притязания. Все оставшиеся соверены будут вызваны, чтобы выслушать моё дело.

Он пристально смотрел на меня, обдумывая мои слова.

— А если ты проиграешь этот процесс? Если они решат, что ты не годишься на роль королевы?

— Заточение, — прошептала я. — Они посадят меня в тюрьму, как самозванку, претендующую на трон, как анархиста и мятежницу, на всю оставшуюся жизнь.

Он скользнул на край сиденья и сцепил руки перед собой.

— Тессана, тебе семнадцать. Это будут очень долгие страдания.

До сих пор мои мысли были заняты разочарованием от проигрыша. Я ещё не представляла себе, как будут выглядеть все оставшиеся десятилетия моей жизни в ямах дворцовых подземелий.

— *Драконья кровь*, — прошипела я.

— Мы можем вернуться в Хеприн, — предложил он. — В Храм. Братство встретит тебя с распростёртыми объятиями, и никто из них не выдаст твоих секретов, — когда я, не ответив, прикусила нижнюю губу, он добавил: — Из-за клятвы. Видишь ли, они не могут говорить.

Теперь была моя очередь закатить глаза.

— Да, Оливер, я помню про обет. Ведь не прошло ещё и трёх месяцев с тех пор, как мы уехали, — я снова вздохнула. — Хьюго также предложил мне убежище. Он сказал, что я могу оставаться здесь столько, сколько захочу. Он даже предложил восстановить мой брак по договорённости.

— Твой брак по договорённости?

Чёрт. Я и забыла, что Оливер ничего об этом не знал.

— С Тейлоном, — призналась я. — Мы были помолвлены, когда были детьми.

— Помолвлены. Друг с другом? — он от души рассмеялся. — Но он наследный принц Соравалья.

— Верно.

— Значит, если ты станешь королевой, это будет его королевство, а не твоё.

— Верно.

— И ты будешь в безопасности. Ты никогда не поедешь в Элизию, но тебе будет позволено жить как королевской особе.

— Да, правильно. Если я когда-нибудь и ступлю в Элизию, то только как гость, а не как правитель.

Он кивнул.

— Это лучший вариант.

— Верно, — прошептала я.

— Но ты не выберешь его, — не спросил он. Я была счастлива, что он знал меня так же хорошо.

— Я никогда не хотела быть королевой просто для того, чтобы быть королевой, — объяснила я. — Речь никогда не шла о комфортной жизни.

— Вполне справедливо, — вздохнул он. — Но я надеюсь, ты понимаешь, во что ввязываешься, Тессана.

— В смысле?

— Это значит, что в державе полный бардак. Ты не знаешь, как правители королевств отнесутся к тому, что ты носишь Корону Девяти. Ты можешь начать войну. Или несколько войн. Да, тебя могут бросить в тюрьму, обезглавить, повесить или сжечь на костре. Выставлять напоказ свою родословную и корону опасно.

— Я знала это с той самой секунды, как мы начали, и ты тоже.

— Но ты действительно всё продумала? Ты взвесила все последствия?

Я не выдержала его испытующего взгляда и уставилась на ковёр.

— Я пытаюсь.

— Ну, это только начало, — он вскочил на ноги и направился к камину. — И чего же ты всё-таки добиваешься? Я знаю, что ты хочешь мира для королевства, но что, если ты добьёшься противоположного? Что, если борьба за эту корону означает смерть, разрушение и новые горящие деревни?

— Нет, — возразила я. — Я в это не поверю. Мои предки были призваны на трон. К короне. В это царство. Я не могу объяснить тебе, как меня тянет домой — исполнить этот зов судьбы. Если я буду прятаться ради собственной безопасности, тогда будут продолжаться смерть, разрушения и сожжение деревень. Я знаю это. Я чувствую это своими костями.

Долгое время мы молчали. До тех пор, пока живот Оливера не заворчал громче, чем огонь позади него.

— Ох, Оливер Молчаливый, — рассмеялась я. — Пойдем, посмотрим, не потеряешь ли ты сегодня руку.

Он нахмурился.

— Твоя ставка, — напомнила я ему. — Я очень серьёзно отношусь к клятвам. Даже если меренга подумянится неразумно, мне придётся взять плату сполна.

— Этого не будет, — уверенно сказал он. — Отец Дидрик здесь не главный.

* * *

Хеман ждал за дверью моей спальни, когда мы вышли в коридор. Он проводил нас в столовую, где был накрыт стол длиной с Храмовый амбар. Все встали, когда герольд объявил о нашем присутствии.

Я никогда не встречалась с принцессой, так как ей было всего шесть лет, и я не видела принцев с тех пор, как они были маленькими мальчиками. Я не смогла бы опознать их по именам, даже если бы меня попросили. Они были почти такими же высокими, как Тейлон, хотя всё ещё по-юношески неуклюжи. У них были все задатки, чтобы быть такими же красивыми, как Тейлон, и такими же царственными, как их отец.

Розабелла прыгнула со своего места и подскочила к нам. Её реверанс был одновременно совершенным и очаровательным, и я хотела похитить её до тех пор, пока она не научит меня демонстрировать столько же грации и самообладания.

Когда она снова приподнялась, я не могла не улыбнуться её круглому лицу и обрамляющим его светлым локонам.

— Для нас большая честь принимать вас сегодня вечером, Ваше Высочество.

Я с трудом сделала реверанс, и Оливеру хватило проницательности склониться в неестественном поклоне.

— Для нас большая честь быть здесь, Ваше Высочество, — я подмигнула ей, вставая.

Она наклонилась вперёд и прикрыла рот ладонью. В слабой попытке прошептать она сказала:

— Я ещё не Высочество.

Я тоже понизила голос.

— Ну, и я не очень-то Высочество. Но я не скажу, если ты не скажешь.

Её ослепительная улыбка заставила моё сердце забиться сильнее. И когда она махнула рукой в сторону стола, я решила, что должна удержать её. Она была слишком драгоценна.

— Я Розабелла, — гордо объявила она. — Мама сказала, что я могу показать вам ваши места. Это, знаете ли, неприлично. Но мама сказала, что на самом деле ты не гость.

— Ох, — я рассмеялась. — Спасибо.

— Значит, ты не гость? — настаивала Розабелла. — Значит ли это, что ты приехала сюда жить?

— Розабелла! — отчитала её Анаталь. — Я сказала, что ты можешь показать им их места, а не допрашивать.

Щёки шестилетней девочки покраснели, и она посмотрела на свои туфли.

— Прости.

Я рассмеялась. Тут уж ничего не поделаешь.

— Не стоит. Я не обижаюсь. Но, отвечая на твой вопрос, я думаю, что твоя мама просто имела в виду, что я скорее друг, чем почётный гость.

— Не позволяй ей одурачить тебя, Роза, — объявил Тейлон, возникая позади меня. Его рука опустилась мне на поясницу, и лёгкое прикосновение обожгло меня до самых пальцев. — Это самый знаменитый гость, которого ты когда-либо встречала. Она не просто принцесса, — он наклонился и, заговорщически подмигнув, прошептал: — Она *Потерянная Принцесса*.

Я бы рассмеялась, услышав удивлённый возглас Розабеллы, но я была слишком смущена, чтобы сделать что-нибудь, кроме как умереть. Тейлон, должно быть, заметил это, но, похоже, это его не волновало.

Вместо этого он взял мою руку и положил её на сгиб своей. Затем своим глубоким баритоном он сказал:

— Потерянная Принцесса, ваш стул ждёт, — когда я заняла своё место, Тейлон представил Оливера.

— Отец, мама, это Оливер, телохранитель Тессаны.

Оливер чуть не поперхнулся.

— Вряд ли, — рассмеялся он. — Скорее её шут в путешествиях.

Я улыбнулась ему.

— Оливер — ученик Ордена Молчания. Он ещё не принял обет, и, по моей теории, пока он этого не сделает, он планирует использовать как можно больше слов.

Оливер сморщил нос, глядя на меня, а Хьюго протянул:

— Я вижу, Тессана, у тебя были друзья. Это хорошо.

Я кивнула.

— Оливер много раз был моим спасителем. Как оказалось, я не очень хорошо себя чувствую, когда мне запрещают говорить.

Тейлон, сидевший напротив меня, рассмеялся.

— Это я хорошо помню.

— Значит, ты действительно она? — спросил один из мальчиков. — Потерянная Принцесса?

— Лео, — проворчала Анаталь. Она повернулась ко мне. — Прошу прощения, Тессана. Оказывается, у моих детей отсутствуют манеры. Я должна поговорить с их гувернанткой.

— У нас нет гувернантки, мама, — напомнил ей другой сын, Дориан. — Ты сама виновата в том, что мы не соблюдаем приличий.

Анаталь улыбнулась.

— О, совершенно верно.

Хьюго усмехнулся и с обожанием посмотрел на жену.

— Ах, — пробормотал он. — Теперь я знаю, кого можно винить в этом.

— Винить в этом? — у неё перехватило дыхание. — Что вы имеете в виду, мой король, в чём?

Хьюго продолжил улыбаться.

— Она болтает без умолку, — он многозначительно посмотрел на Розабеллу. — Те двое, что посередине, вечно портят отношения со своим инструктором по фехтованию. А этот... — он перевёл взгляд на старшего сына.

— А что в нём плохого? — спросила Анаталь, пытаясь скрыть улыбку.

— Он возглавляет восстание против собственного королевства. Того самого, которым он будет править.

Тейлон откинулся назад и ухмыльнулся.

— Мне ещё предстоит вести войну против ваших войск, отец. Однако если вы не сможете выполнить мой список требований...

— Ба! — Хьюго захохотал. — У тебя есть доступ к сокровищнице. Бери всё, что тебе нужно.

Я заговорила, прежде чем передумала:

— Вы серьёзно? Вы знаете, что он возглавляет восстание, и вас это устраивает?

Тёплый взгляд Хьюго остановился на мне.

— Он хочет, чтобы вы поверили, что это мятеж. И я полагаю, что это в некотором роде так. Но он восстаёт не против Девяти. Это больше похоже на тьму, заражающую наше королевство, — его голос был полон отчаяния, которое я часто чувствовала, путешествуя по Теновии. — Он сражается, чтобы сохранить мир. Чтобы спасти жизни. Он борется за то, чтобы эти проклятые Тени не проникали на нашу землю и не приближались к нашим людям. Это не самый обычный способ борьбы, скажу я тебе. Но он способен сохранить мир с Элизией, скрываясь под личиной командора повстанцев. А пока нет ничего более важного.

Мне нечего было на это ответить. Я предполагала, что Тейлон возглавил восстание как не более чем акт... ну, восстания. Но Хьюго говорил о нём с такой гордостью и уверенностью.

Он повернулся, и все это плутовское высокомерие отразилось в его улыбке.

— Ладно, хватит на сегодня политики, — заявил Хьюго. — Давайте насладимся ужином и неожиданным воссоединением.

К счастью Оливера, ни один кусочек пищи не почернел неправильно. Мы с Оливером старались быть вежливыми и отвечать на вопросы, адресованные нам, но ему особенно было трудно оторвать глаза и рот от еды. Корнеплоды в медовой глазури и суп из репы со специями. Фаршированная морская черепаха и хрустящая рыба, о которой я никогда раньше не слышала. Наши тарелки никогда не пустели до того, как подавали следующее блюдо. А в самом конце поднос с десертами, тортами, бэзе и пирожными, испеченными в совершенстве.

Что касается королевской семьи, то они были полны терпения и настойчивости. Я не была уверена, что они когда-либо видели двух людей, которые так охотно съедали каждый кусочек, поставленный перед ними.

Когда после ужина подали кофе, я почувствовала себя неловко. Новый корсет точно не допускал второй порции ягодного торта.

Я боролась с желанием потерять набитый живот, когда Тейлон наклонился ко мне через стол.

— Прогуляешься со мной?

Я оглядела стол, смущённая тем, что он выделил меня.

— Прости?

— Пройдись со мной, — повторил он. — Я покажу тебе скалы.

Я покачала головой и прошептала:

— Я не могу.

Он наклонился ближе.

— Ты можешь, — я начала сдаваться. Но только когда он добавил: — Пожалуйста? — я окончательно потеряла решимость.

— Ладно, — смягчилась я. — Но только потому, что если сейчас не пошевелюсь, то уже никогда не смогу встать.

— Ну, у тебя есть веская причина.

Он откинулся на спинку стула и встал.

— Я собираюсь показать Потерянной Принцессе скалы. Помогу ей понять, что ее, наконец, нашли.

— Для отчетности, — добавила я. — Я никогда не чувствовала себя потерянной.

Тейлон повернулся ко мне.

— Но чувствовала ли ты себя найденной?

Ответа у меня не было, поэтому я поблагодарила хозяина и хозяйку за прекрасный ужин и гостеприимство.

Тейлон обошёл вокруг стола и помог мне встать. Взяв меня за руку, он наклонился и прошептал:

— Тессана Аллисанд, добро пожаловать домой.

ГЛАВА 21

— Верхом или в карете? — спросил Тейлон.

Я подумала о том, чтобы оказаться с ним в закрытом пространстве кареты, и тепло скопилось в моём животе.

— Верхом.

Его улыбка превратилась в победную усмешку.

— Я помню тебя как искательницу приключений, — сказал он. — Какое облегчение знать, что ничего не изменилось.

— Я не ищу приключений, — чопорно ответила я.

— Ты права, — согласился он. — Ты вовсе не авантюристка. Просто девушка, которая любит всё видеть, всё делать и всё испытывать. Достаточно храбрая, чтобы пересечь три королевства с одним лисёнком и не таким уж молчаливым монахом.

Я хотела было возразить, но теперь это было глупо. Вместо этого я расплылась в улыбке, которая заставляла мои губы дёргаться, и встретила взглядом с его сосредоточенными голубыми глазами.

— Возможно, я понимаю твою точку зрения.

Он остановился, и я чуть не налетела на него. Он развернулся, стоя спиной к конюшне и пристально посмотрел на меня.

— Ты так похожа на ту, какой я тебя помню, Тесса. Трудно поверить, что мир не изменил тебя ещё больше.

— Я была спрятана от него, — объяснила я. — В Храме было не так уж много от мира.

Он покачал головой и шагнул вперёд. Его рука нашла мою и прижала мои пальцы к его сердцу.

— Может быть, — прошептал он. — Но ты много повидала на свете, прежде чем покинуть его. Ты испытала достаточно горя, чтобы превратить самое чистое сердце в камень. И всё же ты прекраснее любого дикого цветка. Ярче любого солнца. Ты не запятнана болью в своём прошлом, и, Тесса, это делает тебя сияющей.

— Тейлон...

— Сэр?

Мы оба вздрогнули, услышав голос конюха. Я сдержала нескромное проклятие и переместила руку с груди Тейлона на свою.

Тейлон не смог скрыть своего недовольного удивления, когда повернулся к слуге.

— Да?

— Ваша лошадь готова.

Он низко поклонился, и по румянцу, залившему его бледные щёки, я поняла, что он осознал свою ошибку.

Тейлон, должно быть, тоже заметил это, потому что его голос звучал добрее, когда он сказал:

— Спасибо, Бут. На этом пока всё.

Бут кивнул и снова поклонился, прежде чем поспешить туда, откуда пришёл. Пока Тейлон вёл меня через амбар, я чувствовала, как внутри меня что-то растёт.

Я нашла Финару через несколько стойл и подошла погладить её серую шубу. Увидев меня, она затанцевала, запрокинув голову, потряхнув белой гривой.

— Привет, красотка, — пробормотала я. — Скучаешь по мне?

Тейлон подошёл ко мне.

— Ты ей действительно нравишься.

— Животные любят меня, — похвасталась я.

— Ты имеешь в виду свою лису?

Я поцеловала холодный нос Финары.

— И твою лошадь.

Он усмехнулся и, взяв меня за локоть, повёл к центру конюшни.

— Я и не заметила, что на улице ещё светло.

Тейлон повёл меня туда, где нас ждал Вор. Ряди с ним стоял табурет. Его чёрная шерсть блестела в мягком свете, а большие глаза сверкали, как оникс.

— Мы ближе к северу, чем большинство, — объяснил он. — Дни здесь длиннее. Говорят, что солнце скорее посмотрит на своё отражение в Кристальном море, чем уснёт.

— Разве ты не собираешься оседлать Финару?

Он держал меня за локоть до тех пор, пока я не встала на табурет.

— Я подумал, мы оба сможем поехать на Воре.

— Подумал?

— Ну, я джентльмен, поэтому, конечно, подумал о двух лошадях.

— Конечно, — согласилась я.

— Но я ещё и дипломат. И пришёл к выводу, что было бы легче делиться государственными секретами, если бы мы находились на более близком расстоянии.

— Ах, — засмеялась я. — Теперь ты подкупаешь меня государственными секретами.

Он наклонился.

— Ш-ш-ш. Меня нельзя разоблачить. На карту поставлена моя репутация.

Румянец залил мои щёки.

— Хорошо, — уступила я. — Мы можем поехать вместе. Ради дипломатии.

— Видишь, как это было просто? Я предсказываю прекрасный союз между нашими королевствами.

Тейлон поднял меня на Вора, и я приземлилась так грациозно, как только могла, устроившись в потёртом кожаном седле, несмотря на мои довольно объёмные юбки. Я не знала, что делать с Тейлоном и его поддразниваниями. Несмотря на то, что последние восемь лет своей жизни я была окружена мужчинами, мне не удалось узнать о них ничего.

Кроме того, что они готовы на всё ради обещания обжигающе горячей вишневой тарталетки.

Я была не настолько наивна, чтобы не узнать флирт. Я просто не понимала этого. Конечно, Тейлон знал, что мы не можем быть вместе. Наша помолвка, должно быть, была расторгнута вскоре после смерти моей семьи. И теперь, когда мы, наконец, достигли брачного возраста, у него было одно королевство, а у меня другое.

Он протянул мне плащ.

— Солнце сейчас тёплое, но как только оно скроется, температура упадёт.

— Спасибо, — я накинула его на плечи, наслаждаясь меховой подкладкой.

Тейлон приземлился позади меня, его бёдра прижались к моим, его грудь прижалась к моей спине, его руки держали мою талию, пока он не уселся.

К тому времени, как он взял поводья, мне стало трудно дышать ровно.

— Держите ворота открытыми для нас, — приказал он Буту. Затем, по взмаху его запястья, Вор рысцой выбежал из конюшни. Его копыта застучали по гладкому граниту, и вскоре нас окутали сумерки.

Мы помчались по извилистым тропинкам, огибавшим края высоких утёсов. Кристальное море простиралось бесконечно, сверкая под солнцем, как алмазное покрывало.

Сельская местность Соравалы шевелила что-то глубоко внутри меня, пока мы пересекали каменные мосты над глубокими ущельями, расположенными между утёсами. Солнце целовало нашу кожу, лениво опускаясь за горизонт.

Верный своему слову, Тейлон указывал на памятники по пути и рассказывал кое-что из

истории Соравалья. Мы миновали святилище, воздвигнутое могучему воину, который убил двух драконов и спас деревню от пиратов. Мы ехали мимо ухоженных садов с неглубокими бассейнами, сделанными по хитроумным чертежам, чтобы ловить морские брызги. Они сверкали, отражая золотой солнечный свет и пастельные облака, парящие над ними.

Сораваль не был тихим королевством. Кристальное море разбивалось о подножие утёсов и разбрызгивало воду до самой дороги, по которой мы ехали. Морские птицы кричали, низко опускаясь за ужином, но тут же возвращались с клювом, полным рыбы.

Но вскоре я услышала рёв, более громкий, чем все остальные звуки.

— Что это? — спросила я Тейлона.

Я не видела его лица, но каким-то образом почувствовала, что он улыбается. Я представляла, как улыбка изгибает его полные губы и прячется в глубине его голубых глаз.

— Я тебе покажу, — пообещал он.

Его пятки упёрлись в бока Вора, и конь рванул с места, яростно цокая копытами по гладкой дороге. Скалы становились всё более коварными. Поверхность мостов, по которым мы передвигались, была скользкой от океанских брызг, и если Вор случайно сбросит меня, пройдёт очень много времени, прежде чем я достигну дна.

Но потом я увидела это. Аменон. Или что-то очень близкое к этому.

Вдали от моря скалы расходились веером, образуя огромный круг водопадов, сверкающих, как кристаллы. Утёсы поднимались к вершине, указывая в небо, как будто их пики не могли не раздуться от собственной великой красоты. Они поворачивали гордые лица к солнцу и хвастались своим великолепием.

И повсюду лилась вода. Она неслась к центру с яростью армии и изяществом лебедя.

— Тейлон... — прошептала я, немного злясь на него за то, что он не предупредил меня, что Сораваль украдёт моё сердце.

Вор остановился, и я спешила. Мои ноги приземлились на неровную, влажную землю, которая заставила меня почти упасть.

— Осторожно, — крикнул мне вслед Тейлон. — Земля скользкая.

— Ты должен был сказать мне, — упрекнула я его. — Как ты мог держать это в секрете?

Я оглянулась и увидела его ответную улыбку. Её жар согрел меня до костей, и взгляд его глаз был таким же поразительным, как и величие вокруг меня.

— Я хотел твоего благоговения, — признался он.

— У тебя получилось, — я снова повернулась к виду и впитала каждую деталь, каждый провал в поверхности скалы и каждое падение воды, когда она каскадом стекала вниз. Сотни радуг пересекали воду, переплетаясь в сверкающем свете и цвете.

Я чувствовала капли на лице и сырость одежды, но это только добавляло очарования этому великолепному месту.

— Как вы это называете? — спросила я его.

— Падение королей, — ответил он.

— Падение королей?

— Это о тех, кто не был осторожен, — пояснил он. — Потому что в каждом из девяти королевств есть своё падение. Ближе всех к нам стоит Элизия. Она самая высокая. Та, что справа, равная по ширине, — это, конечно, Сораваль. И так далее, вокруг бассейна.

Я направилась к краю. Мне нужно было оглядеться с обрыва.

— Тесса, — предупредил Тейлон. — Я только что нашёл тебя. И не спешу снова потерять.

Я рассмеялась. Он понятия не имел. Я чувствовала то же самое. Последние восемь лет я была потеряна, но теперь меня нашли.

Путь передо мной был расчищен, и мне ничего не оставалось, как бежать к нему. Я никогда не мечтала стать королевой Элизии. И всё же, что ещё я могла сделать?

Мои элегантные башмаки от Соравальского сапожника скользили по опасной поверхности, но я держалась курса, пока не оказалась на краю утёса.

Вода разбивалась о бассейн внизу. Покрытые пеной волны пузырились и расходились. Мои ноги прочно обосновались на вершине Элизийского утёса, и я почувствовала, как моя кровь закипает и бурлит, как вода внизу.

Я раскинула руки в стороны, прямо вперёд, и позволила ветру подхватить меня и угрожающе качнуть. Вода брызнула мне в лицо и на одежду. Моё сердце бешено колотилось. Голова гудела от незнакомой энергии.

Я чувствовала себя королевой на этом утёсе. Мне казалось, что я правлю миром.

Когда солнце скрылось за горизонтом, я подняла лицо к небу. Наступила ночь. Звёзды выскочили из укрытия и замерцали над головой, как миллион бесценных бриллиантов. И всё это время вода ревела под моими ногами, скользя к бассейну, где она кружилась, танцевала и становилась чем-то большим.

Она вырастет из крошечной капельки в огромный водоём. В нечто опасное.

Когда я, наконец, обернулась, готовая превратиться в своё собственное пугающее существо, я обнаружила Тейлона, прислонившегося к дереву со скрещёнными на груди руками.

— Уже поздно, — бессмысленно заметила я. — Я и не догадывалась. Я потеряла счёт времени.

Подойдя ближе, я заметила, что выражение его лица изменилось. Он больше не дразнил и не согревал, было в нём что-то другое. Что-то обжигающе горячее.

Его голубые глаза потемнели, а рот превратился в нечто, что нельзя было назвать улыбкой, но определённо это не был хмурый взгляд.

Он пожал широким плечом и сказал:

— Я тоже.

Я прочистила горло.

— Они будут беспокоиться о нас, если мы не вернёмся в ближайшее время.

Он оттолкнулся от дерева и протянул мне руку. Я брала его за руку или за локоть бесчисленное количество раз до этого, но на этот раз я не могла не чувствовать страха. И я имела на это полное право.

Как только мои пальцы коснулись его ладони, энергия заплясала по моей руке и поселилась в животе, заставляя бабочек летать, а моё сердце бешено колотиться. Я отпрыгнула назад. Тейлон не отпустил меня. Он взял меня за руку, притягивая ближе к себе.

— Тессана, ты самое восхитительное видение, которое меня когда-либо посещало. Я верю, что никогда не забуду тебя на том утёсе. Я никогда не забуду твои волосы, развевающиеся на ветру, твой плащ, развевающийся за спиной, твои руки, раскинутые в стороны. Боюсь, ты настолько запечатлела этот образ в моём сознании, что я буду сравнивать с тобой всю остальную красоту. Ты украла моё дыхание, мой разум. Ты очаровательна. Прекраснее всего, что я мог себе представить, — мой подбородок задрожал, когда он провёл большим пальцем по моей нижней губе. — Зачем ты туда ходила? О чём ты думала?

Моя грудь приподнялась в попытке дышать. Его слова впитывались в мою кожу и горячили кровь, пока я не забеспокоилась, что она превратится в огонь и поглотит меня изнутри.

— Мне кажется, я отправилась совсем в другое место. Я думаю, что могла бы стать кем-то совершенно другим, — призналась я.

Он наклонился.

— Остайся со мной, здесь. Оставайся там, где я смогу защитить тебя от твоего дяди, Кольца Теней и всех других ужасных тварей в этом мире.

Я моргнула, мои ресницы отяжелели от капель воды. Его лицо выглядело таким серьёзным, и я знала его сердце, я чувствовала его в пульсации вокруг меня, в глубине его тона и блеске его глаз. Он защитит меня. Он сделает всё, чтобы защитить меня. Но это не было моей судьбой.

Я потянулась к Тейлону и провела рукой по его суровой линии подбородка.

— Ты спрашиваешь меня об этом, зная, что я должна вернуться. Ты лучше всех знаешь, что я не могу оставаться в безопасности, пока горит королевство.

Он наклонился ко мне.

— Почему-то, когда ты рядом, я забываю обо всём остальном. Все остальные проблемы королевства, кажется, исчезают, пока не остаёшься только ты, сияющая так ярко.

Я улыбнулась. Я ничего не могла с собой поделать. Я не знала, намеревался ли Тейлон заставить меня влюбиться в него так сильно, но он это сделал.

— Но ты согласен со мной. Мы должны позаботиться о королевстве. Мы должны исправить все эти ошибки.

Он кивнул, позволив моей руке погладить его короткую щетину. Его глаза открылись, и я резко втянула воздух от интенсивности этих сапфировых глаз.

— Когда ты уедешь?

— Завтра, если смогу.

Его челюсть сжалась, но он не стал спорить.

— Тогда я поеду с тобой. И моя охрана. Дорога в Элизию не из лёгких. И более того, тебе понадобится моё слово, чтобы увидеть твоего дядю. Короны будет недостаточно.

— Хорошо, — согласилась я. — И ты будешь готов завтра утром?

— Когда я тебе понадобится, Тесса, я буду готов.

Мой дух воспрянул.

— Спасибо, Тейлон. Спасибо тебе за всё, что ты для меня сделал.

Один уголок его рта приподнялся в дерзкой полуулыбке.

— Значит ли это, что я прощён за весь свой обман?

Я рассмеялась и выпрыгнула из его объятий.

— Ни в коем случае! — заявила я. — Я никогда тебе этого не прощу! Ты будешь каяться до конца своих дней, Мятежный Король.

Он последовал за мной к лошади.

— Тогда пусть будет так! Я с радостью заплачу епитимью Королеве Державы хотя бы для того, чтобы иметь повод проводить в её присутствии столько дней, сколько она мне позволит.

Я повернулась и прижала руку к его груди, чтобы он не подошёл ближе.

— Твои речи сладки, как мёд, Аррик Мятежный. И всё же, боюсь, только я могу видеть, как ты передвигаешь окружающих, словно пешки на шахматной доске. Ты действительно

мастер своего дела.

Его ухмылка стала шире.

— А что это за дело?

Мои глаза сузились.

— Двуличие.

Его рука опустилась на грудь и легла поверх моей.

— А какие у меня могут быть причины для двуличия?

— Полагаю, ты мог бы разбрасываться своими полномочиями. Но я думаю, что тебе гораздо легче получить то, что ты хочешь, когда люди охотно следуют за тобой.

Его смех был низким и мрачным.

— Может быть, — смягчился он. — Но я также нахожу столь же удовлетворительным брать то, что хочу.

Я сделала шаг назад, чувствуя угрозу всей своей кожей. Но было уже слишком поздно. Я попала прямо в его ловушку и даже не заметила, как всё было устроено.

Его руки обхватили меня за талию и притянули к себе, где его губы встретились с моими в кульминации страсти. Я утонула, чувствуя себя так, словно всю свою жизнь ждала этого поцелуя. Ощущение, будто каждая минута, проведённая врозь, а затем вместе, притягивала нас к этому единственному мгновению.

Он поцеловал меня, и всё, что, как мне казалось, я знала о своей жизни, о мире и о том, что в нём было, перевернулось с ног на голову и совершенно перестроилось.

Губы Тейлона прижались к моим, и я не могла не раствориться в нем и не выучить всё, чему он предлагал научить. Его губы были мягкими, и я наслаждалась ими, пока его язык не коснулся моей нижней губы.

Я задохнулась от этого ощущения, и он вторгся в мой рот, унося наш поцелуй к новой, волнующей пропасти. Я не знала, что можно так сильно желать кого-то другого.

Быть жадной.

Он целовал меня под звёздным светом так страстно, что я не могла стоять сама. Я держалась за его тунику, пока он крепко не прижал меня к себе, а мои руки не обвились вокруг его шеи, охотно цепляясь за него.

Он целовал меня до тех пор, пока я не убедилась, что именно с этим моментом я буду сравнивать все остальные.

И когда он, наконец, отстранился, я поняла, что уже никогда не буду прежней. Я была больше женщиной, чем когда-либо.

Я была больше человеком, чем когда-либо.

Его поцелуй был подарком, которым я буду дорожить всю оставшуюся жизнь.

Мы молча поехали обратно во дворец, он обнял меня за талию, а я прислонилась спиной к его груди. Я знала, что у нас нет будущего.

Но у нас была эта ночь.

А накануне, перед тем как войти прямо в ворота Денамона, я не могла и мечтать о лучшем вкусе Аменона.

ГЛАВА 22

Верный своему слову, Тейлон первым делом на следующее утро сопровождал нас с Оливером из Десмондина. С нами следовал большой караван всадников, почти вся

королевская гвардия Соравалья.

Хьюго и Анаталь провожали нас, трое младших Трескинатов покорно стояли рядом. Я поцеловала Розабеллу в щёку и взяла с неё обещание навестить меня, как только её родители согласятся.

У Анаталь были слёзы на глазах, когда она обняла меня на прощание.

— Береги себя, Тессана, — прошептала она мне в щёку. — Нам нужно, чтобы ты сделала то, что не смог сделать твой отец.

Я с трудом сглотнула и сдержала поток слёз. Но я обещала, что смогу.

— Я постараюсь, Ваше Величество. Клянусь всем, что у меня есть.

Она держала меня на расстоянии вытянутой руки и кивнула. Я была поражена доверием в её голубых глазах. Она едва женщину, которой я стала. Она верила в мою родословную.

Хьюго взял меня за руку и пообещал приехать в Элизию, как только государственные дела позволят ему уехать. Или пока его не вызовут. В зависимости от того, что наступит раньше.

Мы с Оливером ехали в одном из лучших экипажей Хьюго. Я лишь мельком видела Тейлона, когда он прощался со своими родителями, братьями и сёстрами. Он лукаво подмигнул мне.

Этот человек был неисправим.

Я ожидала, что он поедет с нами в карете, поскольку он не прятался за капюшоном Командора Мятужников, но когда карета тронулась, я поняла, что он, должно быть, едет впереди со своей охраной.

Внутри кареты наше путешествие было настолько удобным, насколько можно было ожидать. Колёса плавно двигались по дороге, пока мы мчались мимо Кристального моря и продвигались дальше вглубь страны.

После трёх дней безоблачного, но изнурительного путешествия редкие скалы Соравалья вновь уступили место высоким чёрным кедром Теллеканского леса. Мы перейдём границу совсем ненадолго, прежде чем попадем в Элизию в конце северного угла, который упирается в Теновию и Сораваль.

Чем ближе мы подъезжали к дому, тем больше я нервничала. После всех наших путешествий в течение последних нескольких месяцев эта богато украшенная карета с плюшевыми кобальтовыми сиденьями и королевским гербом, вырезанным на боку, должна была бы расслабить.

Вместо этого стены кареты, казалось, сжались вокруг меня. Элизия вырисовывалась как неопределенное, предательское присутствие, которое занимало большую часть воздуха. Я изо всех сил пыталась усидеть на месте или заснуть. Казалось, я не могу полностью дышать.

Я почти не видела Тейлона за всё время путешествия. Он остался впереди каравана и вёл своих людей. Часто, когда конвой останавливался на ужин, я находила его усталым, но сосредоточенным. Этот отрезок нашего путешествия тяготил его больше, чем когда мы были с его Повстанческой армией. Теперь, когда я раскрыла свою личность, угроза моей безопасности заставляла нас двигаться вперёд.

Ещё четыре дня в карете, и пейзаж снова начал меняться. Леса поредели, и чёрные дубы почти исчезли, сменившись соснами и елями Алмазных гор.

Подвинувшись к краю сиденья, я откинула оконные шторы, чтобы увидеть тёмные вершины величайших гор в королевстве. Казалось, они звали меня домой.

Дом. Слово шёпотом прокатилось по моей коже и запульсировало в крови.

— Оливер, — пискнула я. — Ну вот! Уже видно Элизию!

Оливер открыл один глаз и уставился в окно.

— Серость, — проворчал он. — Я просто вижу серость.

Я улыбнулась, глядя в окно.

— Ты видишь далёкие горы и небо, затянутое тучами, но уверяю тебя, Элизия не серая. Она сверкает, как Свет. Горы так усыпаны алмазами, что, когда в полдень на них светит солнце, глазам больно смотреть. А деревни! Люди верят, что если ты используешь камень с горы, он принесёт тебе удачу, поэтому между камнями и деревом домов находятся драгоценные камни и алмазы, которые приносят цвет и жизнь земле. В державе нет более красивого королевства. Я могу тебе это обещать.

Оливер неохотно открыл оба глаза и сел напротив меня, чтобы мы могли сидеть у одного окна.

— Пасмурно, — согласился он.

Но в его голосе слышалось сомнение. Сомнение распространилось по карете, как чума. Мы проехали через деревню недалеко от Элизийской границы. Мне хотелось обвинить Сораваль в пренебрежении, которое они проявляли к своим людям и городам, но я не могла.

Я не верила, что Хьюго или Тейлон сознательно допустят, чтобы их деревни пришли в такой упадок. Но нельзя было отрицать, что что-то серьёзное овладело этим местом.

В отличие от Теновии, деревня не сгорела дотла. Было больше похоже на то, что цвет был выщелочен из неё. Дома были унылые. Окна были разбиты, крыши не покрыты. Когда мы проезжали мимо, я не увидела ни души. Из окон не выглядывали головы. Ни одна дверь не распахнулась, когда королевский караван прогрохотал мимо. Казалось, что деревня покинута. Или жители деревни прятались от нас.

Ни один из сценариев не имел смысла. Пограничные города часто были самыми богатыми, потому что рядом с ними находилось лучшее от обоих королевств. Эта деревня находилась в непосредственной близости от трёх и имела лёгкий доступ к рыбной промышленности Соравалья, лесу Теновии и богатствам Элизии.

— Что здесь произошло? — спросил Оливер.

— Это неправильно, — согласилась я.

Оливер покачал головой. Его брови сошлись на переносице.

— Ты думаешь, война?

— Но война с кем?

Я смотрела, разинув рот, пока мы ехали мимо полей, которые были ничем иным, как грязью и сорняками. В середине лета посевы должны были быть уже на пути к жатве.

Мы продолжали наблюдать, как пейзаж становился всё более пустынным. Поля, покрытые воронами, простирались на многие мили. Несколько птиц подняли головы, чтобы посмотреть на нас. Их глаза-бусинки смотрели на нас без тени страха.

Дрожь пробежала по мне. Я знала, что лучше не думать, что они следят за нами. Хотя их головы повернулись, когда мы двинулись вперёд.

— Ты это видел? — спросила я Оливера.

— Это та самая стена?

Его взгляд был устремлен вперёд. Он не обращал никакого внимания на птиц.

— Это стена, — ответила я. — Или должна быть ею.

— Что ты имеешь в виду?

Я проигнорировала вопрос Оливера и уставилась на растянувшийся барьер, который

раньше сиял так же ярко, как любая из наших гор. Время затмило суровую красоту камней, из которых она была построена много веков назад, но она никогда не выглядела такой тусклой, такой непримечательной.

Эта стена была символом как прошлого, так и настоящего на протяжении тысячелетий. Прежде чем королевства были объединены, держава была разорена войной. Эта стена защитила Элизию от полного уничтожения.

Мой предок, король Аллистер Аллисанд, построил это укрепление. Потребовалось тридцать изнурительных лет постоянного труда, в то время как вокруг бушевала война. Он выбрал самые известные твёрдые глыбы, найденные глубоко в горах. Говорили, что эти камни не поддаются разрушению.

Когда она была закончена, стена стояла прочно и уверенно, заявляя всем остальным королевствам, что Элизия не будет захвачена, никогда не уступит требованиям меньших королевств.

Итак, когда восемь других королевств поняли, что они никогда не войдут в Элизию, у них никогда не будет наших бриллиантов или центрального места королевства, высшей вершины власти, они начали переговоры о мире.

Аллистер был признан самым мудрым и могущественным королём в державе и получил почётное место среди новых союзников. Девять королевств должны быть объединены, от Блэкторна до Хеприна, но одно королевство будет править над всеми остальными: Элизия.

Когда война закончилась, религия Света была принята как религия державы, поскольку их главной верой была мирная жизнь. Но они также осуждали магию как белую, так и тёмную, поэтому магия была запрещена.

Корона Девяти передавалась от одного Аллисанда к другому по родословной Аллистера сто раз. До тех пор, пока мой отец не был жестоко убит, и Место Силы не перешло к моему дяде, брату моей матери и человеку, который был не Аллисандом, а Фенником.

Тирн Фенник.

— Хм, — вздохнул Оливер. — Я не могу не разочароваться, Тессана. Я всегда слышал такие грандиозные вещи о стене. Что стена похожа на алмаз, простирающийся в обе стороны, насколько хватает глаз, и что стена так ярко блестит в полуденном солнце, что может ослепить.

— Так было, когда я уезжала, — сказала я ему.

Я знала, что это не его вина, что стена выглядела такой изношенной. Но меня не было всего восемь лет. Теперь она не выглядела ни непроницаемой, ни устрашающей, ни грозной. Теперь она выглядела обычной. Может быть, длинной и высокой. Но ничего такого, что не смог бы раскрошить таран.

Меня немного ободрило то, что нам потребовалось несколько часов, чтобы пройти через ворота. Охранники выглядели так же хорошо, как и всегда.

Наконец они осмотрели экипажи. Моё сердце бешено колотилось, когда они прорвались через меня, вытесняя нас с Оливером, пока не убедились, что внутри нет никаких секретов. Затем они перешли к нашему багажу, бросив нашу одежду на землю и в короткую грязную траву вдоль дороги.

Один из охранников повернулся ко мне, дородный мужчина с длинной чёрной бородой.

— У тебя слишком мало имущества для высокородной.

Я прикусила язык. Его манеры и речь были неуместны, но было бы бесполезно бросать ему вызов.

Прежде чем отправиться в путь, мы с Тейлоном решили, что моя личность не будет раскрыта, пока мы не окажемся во дворце. Было крайне важно сохранить мою родословную и корону в тайне, пока мы не убедимся, что находимся в безопасности за стенами.

— Остальные наши чемоданы остались позади.

— А это?

Его взгляд метнулся к сумке, всё ещё висевшей у меня на груди и на бедре.

— Моя сумочка? — невинно спросила я. — Там есть только то, что нужно леди.

Он хмыкнул.

— Стиль не очень-то подобает леди.

Я проглотила разочарование.

— Уверяю вас, это так.

— Дай посмотреть, — приказал он.

Я двинулась вперёд, но охранник схватил сумку и потащил меня за собой, прежде чем я успела отдать её. Я вскрикнула, но он, казалось, ничего не заметил.

— Это не похоже ни на одну сумочку, которую я когда-либо видел.

Он был прав.

Пока я пыталась заикаться в ответ, Оливер подошёл ко мне и объяснил.

— Ох, это всё в моде в Хеприне. Все состоятельные дамы носят их. Но, возможно, мода ещё не дошла так далеко.

Охранник полез в сумку и выругался. Он отдёргнул руку, погрозив пальцем.

— Чёрт побери! Что-то укусило меня!

— Ох! — я вытащила Шиксу из сумки. — Простите. Это моя лиса.

Он наморщил лоб.

— Твоя лиса?

Я подняла Шиксу.

— Она просто домашнее животное.

— От неё одни неприятности, — прорычал он. — Держи её, чтобы я мог проверить твою сумку, или я научу её не кусаться, поджарив на ужин.

Я обхватила Шиксу обеими руками и прижала её к своей груди. И гордилась ею, и боялась за неё. Если он хотя бы попытается дотронуться до моего зверя, я отрежу ему руку и заставлю съесть её.

Пальцы охранника коснулись контуров секретного отделения, и мне показалось, что моё сердце вот-вот взорвётся. Я чувствовала на себе взгляд Тейлона и настороженные взгляды его королевской гвардии, ожидавшей, когда элизийский солдат закончит свои поиски.

Охранник полез глубже в мою сумку. Его пальцы снова ударили по ложному основанию, и я закрыла глаза, готовясь к неизбежному открытию.

Оливер презрительно фыркнул и сказал:

— К сожалению, я думаю, что Элизии есть чему поучиться у Хеприна. Например, управление растениеводством.

Охранник вытащил руку из моей сумки, чтобы схватить Оливера за горло.

— Ещё раз оскорбишь Элизию, — бросил вызов стражник, — посмотрим, как долго ты продержишься внутри этой стены.

Руки Оливера взлетели вверх в притворном страхе.

— Я не хотел ничего плохого! — выругался он. — Элизия, конечно, жемчужина

королевства. Она прекрасна. Действительно. Эта стена? Я никогда не видел ничего столь великолепного!

Стражник фыркал и пыхтел, как бык, готовый броситься в атаку. Его кулак был отведен назад, и я поняла, что Оливер готов к этому.

— Какие-то проблемы? — глубокий голос Тейлона прорезал напряжение.

Стражник поднял глаза на наследного принца Соравалья и тут же бросил Оливера на пыльную землю.

— Этот человек оскорбил Место Силы.

Тейлон приподнял одну бровь.

— Разве высказывать своё мнение, это преступление сейчас? Может быть, Элизия издала ещё один закон и забыла сообщить об этом остальным королевствам?

Охранник ухмыльнулся.

— Нет, это не преступление. Хотя так и должно быть.

Тейлон вздохнул.

— Что ж, тогда вы можете обратиться с петицией к королю, но сейчас мы отправимся в путь.

Охранник неохотно отступил.

— С тобой всё в порядке? — спросил Тейлон.

— Я в порядке, — сказала я ему. — Мне не терпится уйти. У вас были какие-то проблемы с охраной?

Он дёрнул подбородком.

— Не больше, чем обычно.

Я хотела спросить, что это значит, но он протянул мне руку и указал на экипаж.

— Мы должны быть в пути, прежде чем они попытаются задержать нас.

— Скоро ли мы доберёмся до Сарасонета?

Его пальцы крепче сжали мои.

— Мы доберёмся до столицы завтра к закату, если не будем делать лишних остановок.

Я кивнула, надеясь скрыть дрожь, которая пробежала по моему телу. Конечно, Тейлон заметил. Он повернул меня лицом к себе.

Он понизил голос и наклонился ко мне.

— Тесса, тебе стоит только сказать слово, и я бегом отправлю тебя обратно в Десмондин.

Я выдержала его взгляд, сожалея о том, что эмоции, которые я знала, промелькнули на моём лице.

— Мне нужно домой. Как бы мне ни было страшно. Не важно, с чем я столкнусь. Охранник, эта стена... это путешествие только укрепило мою решимость.

— Если ты передумаешь даже на ступенях дворца, моё предложение останется в силе.

Я невольно улыбнулась.

— Спасибо.

Его ответная улыбка была мимолётной, но нежной. Я чувствовала, как она движется сквозь меня, заставляя буйствовать бабочек в моём животе.

Он отпустил мою руку, и я обрела новый покой. Да, у меня были страхи и сомнения. У меня были сомнения и так много неуверенности, что я думала, что они задушат меня. Но у меня также был Тейлон.

ГЛАВА 23

Мне хотелось плакать, когда мы въехали в Сарасонет. Прежняя слава столицы была почти стёрта.

Элизия моего детства представляла собой коллаж из развевающихся белых и золотых знамён на остроконечных крышах деревень и городов, раскинувшихся вдоль горного склона. Улицы были крутыми, и издали дома и магазины казались выстроенными друг на друге.

Я вспомнила, как смотрела на Сарасонет с дворцовых башен и считала развевающиеся на ветру флаги и знамёна. По праздникам жители деревни добавляли больше красок, символизируя праздник. В Дни Света розовые знамена развевались рядом с оранжевыми. В первую зимнюю ночь к острию будут привязаны тёмно-синие знамена с золотой гравировкой и белой вышивкой.

На этих высотах дул резкий ветер, что флаги, казалось, всегда жили своей собственной жизнью. Они танцевали и боролись с хлётским ветром.

Но пока мы шли через Сарасонет, не было видно ни одного флага. Черепица на крышах магазинов была печальной и изношенной. Улицы не содержались. Мусор летел с одной стороны дороги на другую, пока наши лошади взбирались на крутые склоны.

Мы проехали мимо колодца в центре города, места, которое когда-то было сердцебиением деревни, а теперь заброшено и лишено жизни. В отличие от деревни, мимо которой мы проезжали на границе, жители Сарасонета приходили посмотреть, как мы проезжаем. Они не улыбались, не махали руками и не кричали в знак приветствия. Они просто смотрели на нас.

Снова навалились сомнения. Как всё так резко изменилось за последние восемь лет? Неужели я вспоминала только то, что хотела увидеть? Действительно ли всё было так ярко и весело, как представлялось моему девятилетнему уму?

Оливер присвистнул сквозь зубы.

— Этого не может быть. Это не может быть столицей державы.

— Что-то случилось, — объявила я. — Всё должно быть совсем не так.

— Я думаю, ты неправильно меня поняла, Тессана. *Что-то* происходит. Но не только для Элизии. Это, что бы это ни было, захватывает всю державу. Похоже, ты прибыла как раз вовремя.

На меня навалилась какая-то тяжесть.

— Думаю, ты прав.

В этот момент на крышу ближайшего здания приземлился ворон. Я подпрыгнула, когда он каркнул. Я чувствовала, как его глаза-бусинки следуют за нами по дороге, хотя и знала, что он не видит меня через искажённое, мутное стекло.

— Ты заметил всех птиц по пути? — спросила я Оливера, когда была уверена, что он меня услышит.

— Мм, — пробормотал он. — Их было несколько. И все одной породы.

Он откинулся назад, скрестив руки на груди, но теперь прижался к окну, чтобы посмотреть, как ещё несколько воронов прыгают с крыши на крышу.

— Хеприн, похоже, не был переполнен ими. Это горные птицы?

Об этом я как-то не подумала.

— Я не знаю. Я полагаю, что они могут быть. Но я помню их и по Теновии, и по Соравалю.

— Это вороны?

— Вороны, кажется.

Он посмотрел на меня.

— В чём разница между вороной и вороном?

Я пожала плечами, когда карета остановилась.

— Понятия не имею. Но я знаю, что это вороны.

— Откуда ты знаешь?

Я нетерпеливо вздохнула.

— Не знаю, откуда я это знаю. Я просто знаю. Они мне снились. И в своих снах я всегда знаю, что это вороны.

Оливер прищурился.

— Как это по-научному.

Я показала ему язык, и в этот самый момент дверь кареты открылась.

Лакей невесело откашлялся.

— Дворец Экстентия, — объявил он.

Настала моя очередь откашляться.

— Благодарю, — чопорно ответила я.

Я поправила дорожное платье и прижала дрожащие руки к волосам. Мне хотелось переодеться, освежиться и собраться с мыслями. Но нельзя.

Я обменялась последним взглядом с Оливером, зная, что это будет последний раз, когда я разговариваю с ним в ближайшее время. Ему не позволят увидеться с Тирном, и поэтому он должен был оставаться с людьми Тейлона, пока я не вызову его.

Я ненавидела расставаться с ним. Ещё больше я ненавидела то, что он проделал весь этот путь только для того, чтобы ждать снаружи, как слуга.

— Будь умницей, — прошептал он, когда я встала. — Отрывай головы тех, кто больше всего этого заслуживает.

Я улыбнулась.

— Я постараюсь, — пообещала я. — Но ты же знаешь, как я люблю отрывать головы.

Он подмигнул мне в последний раз. Я спустилась по лестнице, чувствуя себя немного увереннее. Тейлон ждал меня на земле. Его щёки были обветренными и загорелыми, а волосы разметались по голове дикими волнами. Его одежда была очень похожа на мою, грязная от путешествия, слегка покосившаяся и не слишком подходящая для того, чтобы войти во двор. Он был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видела.

Он протянул мне руку, и мы вошли в замок. Слуги выстроились вдоль ковра, ведущего внутрь и вниз по коридору, когда другой лакей повёл Тейлона и меня в фойе с Хеманом и горсткой охранников, следующих за нами.

Воспоминания нахлынули на меня, и с каждым шагом мне становилось всё труднее.

Я вспомнила, как бегала по этим коридорам в детстве, гоняясь за старшими братьями, когда они дразнили меня из-за моих растрёпанных волос. Я вспомнила, как держала маму за руку, когда она вела меня от одного задания к другому. Она всегда улыбалась, всегда была любезна со слугами.

— Передавай им свои наилучшие пожелания, Тессана, — шептала она мне на ухо. — И они отдадут тебе свои.

Я вспомнила, как играла с сестрёнкой в куклы и стелила кровати в ящиках комодов. Иногда мы крали цветы из ваз, расставленных по коридорам, и делали нашим куклам венки.

Иногда мы заплетали их в собственные волосы.

А иногда мы оставляли их, чтобы мама нашла.

Я вспомнила тяжёлые шаги отца, когда он шёл по коридорам. Я представила себе, как они сейчас идут к нам, готовые приветствовать почётных гостей.

И Тейлон был почётным.

Любой член любой из девяти королевских семей был бы поводом для моего отца приветствовать их у входа в свой дворец. Потому что он был вежлив, добр и заслуживал короны.

И всё же Тирн не счёл Тейлона достойным своего приветствия. Нам сказали, что нас отведут в тронный зал, где “Его Величество даст нам краткую аудиенцию, прежде чем удалиться на вечер”.

Гнев горел во мне. Я обиделась за Тейлона. Для Тирна было неосторожно игнорировать потенциальную важность визита Тейлона. Отказ от приглашения Тейлона на ужин был ещё одним оскорблением.

Если это было хоть какое-то указание на то, как Тирн управлял державой, то я могла понять, почему деревни, мимо которых мы проезжали, приходили в такое монументальное запустение.

Мои туфли застучали по полированному полу, и я крепче сжала руку Тейлона, который, казалось, не был удивлён грубым приветствием или поведением дворцового персонала.

Мы прошли мимо боковых столиков и сверкающих канделябров, которые веками принадлежали семье Аллисанд. В отличие от сельской местности, по которой мы проезжали, дворец оставался нетронутым.

Тронный зал находился почти в центре дворца, вдали от центра событий. Лакей проводил нас до дверей и прошептал герольду имя Тейлона. Прежде чем я успела набраться храбрости и сделать глубокий вдох, герольд распахнул дверь и объявил о нашем присутствии.

— Наследный принц Тейлон Трескинат, герцог Вестновии, королевский генерал Соравалья, — он сделал драматическую паузу и закончил. — И почётный гость.

Тейлон сжал мою руку и потащил меня в тронный зал, пока я мирилась с “почётным гостем”.

Довольно скоро мы стояли посреди богато украшенной комнаты, под люстрой, с которой свисали бриллианты.

Я посмотрела на витражи, изображающие битвы и королей, которые были до моего отца, и на людей, молчадвигающихся по комнате, одетых во все лучшие наряды.

Пол был выложен полированным мрамором, искрящимся вкраплениями бриллиантов, вставленных в золотые и слоновые завитки. Настенные канделябры были равномерно расставлены по всей комнате и висели в той же алмазной сетке, что и люстры. Стулья, покрытые чистым золотом и обитые белым мехом, представляли собой ряды зрительских кресел. Королевская стража окружила комнату, одетая в бело-золотые наряды, с позолоченными копьями в правой руке и смертоносными мечами на бёдрах.

Я подняла глаза, когда мой дядя, пошатываясь, поднялся с трона, который когда-то принадлежал моему отцу. В детстве он завораживал меня, и даже сейчас у меня перехватывало дыхание. Из середины высокой спинки торчал огромный рубин. Алмазы рассыпались в обе стороны и вниз по бортикам.

Рубин соответствовал уменьшенной версии, установленной в короне, которую я несла.

Говорили, что оба камня были извлечены из глубины этой горы. Они должны были напоминать всем, кто смотрел на них, о кровопролитии перед нашим миром. По слухам, они были единственным цветными драгоценными камнями в Алмазных горах. Язычники верили, что рубины обладают мистической силой, которая сохранит единство Девяти Королевств, пока оба драгоценных камня остаются на одном месте. Религия Света учила, что они были помещены туда самим Светом.

Я посмотрела на дядю, который смотрел на меня с ужасом. Я всегда находила его пугающим. Он был чрезмерно высок и толст в груди. Черты его лица не были такими утончёнными, как у моего отца, и в нём не чувствовалось того же представительства.

Он не был добрым человеком.

Однажды я слышала, как он публично ругал слугу за то, что тот не начистил ему сапоги по его вкусу. Дядя пригрозил бросить его в темницу, когда Тирн в следующий раз окажется в сапогах, похожих на “свиную мочу”.

Теперь, когда он смотрел на меня так, словно я была воплощением дьявола, у меня по коже побежали мурашки.

— Ты мертва, — заявил он. Он неровно спустился по ступенькам вниз. — Я сам тебя похоронил. *Ты мертва.*

Я не могла найти свой голос. Я не ожидала, что он узнает, кто я. И я действительно не ожидала, что мне придётся защищать свою жизнь.

Поскольку я не могла говорить, Тейлон заговорил за меня:

— Ваше Величество, я знаю, что это для вас настоящий шок. Поверьте, я был так же удивлён, как и вы, но если бы вы перечислили...

— Ты мертва! — крикнул мне в лицо Тирн. — Как это может быть? Как ты можешь быть здесь? — он дико огляделся, словно ища кого-то конкретного. — Что это за колдовство? Кто ответственен за это явление?

— Сир, — Тейлон старался изо всех сил. — Если бы вы послушали, я бы объяснил....

Тирн подошёл к Тейлону.

— Ты привел сюда это существо! Ты вызвал её из бездны Денамона, чтобы отнять у *меня* трон! Я оторву тебе голову, мальчик! Я насажу её на палку за стеной, чтобы каждое королевство увидело, что я тот, кто сидит на Троне Власти!

В отчаянии я схватила дядю за локоть и закричала:

— Дядя Тирн! — он замер, слова замерли у него в горле. — Дядя Тирн, если бы вы только послушали, мы могли бы вам всё объяснить...

— Дядя Тирн? — спросил он, подняв брови. — Ты сказала *дядя Тирн*?

— Да, — призналась я, задыхаясь. — Вы мой дядя. И могу вас заверить, что я вполне жива.

Неистовая энергия, бушевавшая в нём, умерла до леденящего смятения. Теперь я боялась не меньше, чем тогда, когда он собирался наложить руки на Тейлона.

— Кто же ты такая, чтобы называть меня дядей?

— Тессана. Я дочь твоей сестры, Тессана Хадлин Аллисанд, старшая дочь сотого короля Элизии.

Его хриплый шёпот, казалось, вырвался из горла.

— Этого не может быть.

Мой голос сорвался от отчаяния.

— Может. В тот день, когда были убиты мои родители, монах спас меня из дворца.

Последние восемь лет я жила в тайне.

— Где? — требовательно спросил он.

Я сглотнула, чувствуя, что сказала слишком много.

— Хеприн. Я жила в монастыре в Хеприне.

Его резкий смех был неожиданным.

— В монастыре? Ну, конечно же! Никому и в голову не придёт заглянуть в монастырь!

Я проглотила новую волну паники.

Он сделал шаг назад и повысил голос, чтобы его услышала вся комната.

— Ты думаешь, я поверю, что тебя похитил из этого дворца монах из Хеприна? Что ты жила в полной тайне последние восемь лет? И теперь ты решила выйти из укрытия и раскрыть своё существование. Теперь, после того, как я считал тебя мёртвой большую часть этого последнего десятилетия. Теперь, когда раны от потери моей сестры, наконец, затянулись, ты явилась, чтобы разорвать их и причинить мне новое горе?

Если он и скорбел о смерти моей матери, то никак этого не показывал. И хотя он, возможно, и не чувствовал боли, как раскалённое лезвие в животе, я чувствовала. Я проигнорировала крепкую хватку Тейлона на моём локте и тихо сказала:

— Я могу доказать.

Тирн наклонился. У него были бледно-голубые глаза цвета льда, твёрдые, как бриллианты, украшавшие корону на его голове.

— Тогда во что бы то ни стало, *Тессана Хадлин Аллисанд*, докажи это.

Я отпустила руку Тейлона, тут же пожалев о разлуке. Всё моё тело задрожало, когда я почувствовала, что все глаза в комнате сверлят меня. Дядя навис надо мной, его взгляд был таким же жестоким и горьким, как и его слова.

Мне нужно было действовать осторожно. Когда дядя принял меня за мою мать, он ясно дал понять, что не допустит, чтобы у него отняли корону.

Собственно, именно за этим я и пришла.

Я полезла в сумку. Мои онемевшие пальцы нащупали потайную застёжку, раскрыли фальшивое дно и обхватили Корону Девяти.

Энергия гудела под моей кожей, и это знакомое жужжание, которое я чувствовала каждый раз, когда касалась этого драгоценного золота, наполняло моё тело. Что-то было внутри этой короны, что-то потустороннее и мистическое. Магия была запрещена дольше, чем я была жива, но если бы я не знала лучше, я могла бы легко поверить, что эта корона содержит силы, содержит магию, которая не должна существовать. Я вытащила из сумки корону, которую ни с чем не спутаешь, и показала её дяде.

По комнате эхом прокатился общий вздох. Стулья отодвинулись, когда люди бросились вставать. Но я сосредоточилась на реакции моего дяди, которая была жадностью, бездонным голодом и такой же потусторонней потребностью.

Его руки дёрнулись, и я приготовилась к его атаке, хотя моя хватка вокруг короны усилилась. Он наклонился вперёд, и я увидела правду его природы. Он возьмёт корону. Он вырвет её у меня из рук, если понадобится.

Тейлон быстро встал передо мной. Его рука легла на рукоять меча, и я затаила дыхание.

— Вы узнаете Корону Девяти, — объявил Тейлон, перекрывая шум голосов. — Кто ещё мог иметь к ней доступ с того дня, как она пропала? Вы приняли её за её мать, когда впервые увидели. Ваше Величество, это Тессана Аллисанд из дома Экстентии.

Тирн шагнул вперёд, сокращая расстояние между короной и собой.

— Аллисанды мертвы, — возразил он. — Все до одного. И эта корона принадлежит мне.

Все тело Тейлона напряглось, готовясь к схватке. Я почувствовала, как Хеман и другие стражники ожили позади нас.

— Она принадлежит семье Аллисанд.

— Она принадлежит *мне!* — взревел Тирн. — Стража! Принесите мне мою корону и бросьте этих самозванцев в темницу, где они будут *гнить до конца своих дней!*

— У тебя будет война, если ты прикоснёшься ко мне! — крикнул в ответ Тейлон. — Мой отец разорвёт это королевство на части, пока тебе не останется ничего, чем можно было бы править!

Я пыталась найти решение. Всё прошло не совсем так, как я планировала.

На самом деле всё прошло совсем не так, как я планировала.

— Веди свою войну! — лицо Тирна покрылось красными пятнами, и всё его тело затряслось. — Ты не пройдёшь дальше моей стены!

— Конандра! — крикнула я, перекрикивая двух мужчин, готовых разорвать друг друга на куски.

В комнате воцарилась тишина. Плечи Тейлона поникли от поражения, и пронизательный взгляд дяди снова упал на меня.

— Что ты сказала? — спросил он.

Я высоко подняла подбородок.

— Я созываю Конандру.

— Ты хоть понимаешь, о чём просишь, дитя?

— Если ты проигнорируешь, кто я, и отнимешь у меня эту корону, у тебя будет война, — сказала я ему. — После того, как все эти свидетели видели меня и после того, как ты сам принял меня за мою мать и твою сестру, слух распространится, и вся держава будет заражена сомнениями. Однако если ты созовёшь Конандру, вина спадёт с твоих плеч. Совет решит, та ли я, за кого себя выдаю. Решит эта корона принадлежит мне или тебе. И когда они решат, тогда ты можешь либо мирно уступить трон мне, либо... — я с трудом произнесла последнюю фразу. Это было уже слишком. Слишком неправильно. — Или я стану той, кто откажется от короны.

Он наклонился, улыбка приподняла уголки его тонких губ.

— Очень хорошо, *племянница*, значит Конандра.

Я выдохнула и постаралась не выглядеть слишком облегчённой.

— Спасибо, дядя.

Он жестом подозвал охранника.

— Я отправлю уведомление сегодня вечером. Мои всадники не остановятся, пока не соберутся все восемь королевств. А до тех пор ты останешься под моей защитой. Полный отряд охраны будет находиться с тобой днём и ночью. И корона останется в моём распоряжении.

— Нет, — истерический смех вырвался из меня. — Ни в коем случае.

Он впился в меня взглядом, в его низком рычании слышалась угроза.

— Ну, она не может оставаться с тобой только для того, чтобы ты исчезла среди ночи. Неужели ты думаешь, что я настолько глуп?

— Как я могу сбежать, если твои охранники будут со мной *днём и ночью?*

— Она может остаться у меня, — вмешался Тейлон. — Я могу быть беспристрастной

третьей стороной.

Я чуть не закатила глаза, услышав, как он употребил слово “беспристрастный”, но решила, что это плохой тон для серьёзных переговоров.

Тирн уставился на Тейлона, словно пытаюсь понять его.

— Полагаю, ты хотел бы избежать войны так же, как и я?

— Даже больше, — согласился Тейлон.

— Хорошо, — согласился Тирн. — Она остаётся у наследного принца Соравая, но только потому, что Конандра уже вызвана.

— Вполне справедливо, — согласился Тейлон.

Он протянул руку, но даже этому человеку, которому я так доверяла, мне было трудно передать корону. Тейлон сжал её, а я хотела вернуть.

Голос Тирна вырвал меня из паники.

— Я знаю, ты понимаешь, что произойдёт, если ты выиграешь совет, девочка. Но понимаешь ли ты свою судьбу, если проиграешь?

— Подземелья, — ответила я. — На всю оставшуюся жизнь.

Его улыбка выдавала безумие, которое пугало меня.

— И я сделаю всё, что в моих силах, чтобы твоя жизнь продлилась как можно дольше.

Я собралась с духом и встретила его бледно-голубой взгляд.

— Хорошо быть дома, дядя. — Я низко присела.

— Креншоу! — потребовал дядя. — Проводи этих самозванцев в их комнаты.

ГЛАВА 24

Креншоу, человек, тревожно напомнивший мне дядю, проводил меня в мои комнаты, как ему было велено.

В отличие от Соравая, одна в своих покоях я чувствовала себя по-настоящему одинокой. Оливер был не просто через коридор. Тейлон не стал бы пробираться в мою спальню. Наконец-то я была дома и впервые с тех пор, как себя помню, по-настоящему изолирована.

Всё ещё грязная после путешествия, я стянула сапоги, достала из сумки Шиксу и свернулась калачиком в центре большой кровати. Она прижалась ко мне, предлагая утешение, в котором я отчаянно нуждалась. Она мяукала от голода, но я ничего не могла ей дать.

Я позаботилась о том, чтобы мы оказались пленниками в том самом месте, которое должно было встретить меня с распростёртыми объятиями. Жадность дяди вцепилась мне в живот. Тейлон был прав. Хьюго был прав. В Тирне была тьма, которую трудно было объяснить. И она родилась не от горя потери семьи.

Я поёжилась от холода в комнате. Огонь в камине не горел, канделябры тоже. Свет из окон из серого превратился в чёрный, и, в конце концов, нам с Шиксой пришлось крутиться под толстыми одеялами, чтобы не стучать зубами.

Наконец сон нашёл меня, а вместе с ним и кошмары, к которым я так привыкла. Только в том месте, где я была свидетелем смерти моей семьи, они были более яркими.

Мне снились мгновения перед тем, как мы с Тейлоном наткнулись на тела. О том, как он заставлял меня смеяться и улыбаться до боли в щеках. А потом мы свернули за угол, и ужас лишил меня всякого счастья.

В моём сне кровь поднималась до лодыжек, покрывая босые ноги липким багрянцем. Мои братья лежали с отрубленными головами и открытыми незрячими глазами. Рука матери протянулась ко мне, словно её труп потянулся, чтобы коснуться меня. Меч моего отца лежал нетронутый, бесполезный в ножнах на бедре. И на этот раз на окне сидел не один ворон, а целый легион.

Они кружили под преувеличенным потолком, пикируя вниз, чтобы клевать тела. Они заполнили окна, каркая и крича друг другу.

В воздухе пахло кровопролитием и отчаянием, но на этот раз чем-то большим. Из коридора тянулся дым, из приоткрытого дверного проёма выплывали тонкие чёрные завитки. В нём была пряная густота, которая казалась смутно знакомой.

Ворон приземлился на грудь моего отца, удерживая мой взгляд, прежде чем щёлкнуть клювом, чтобы клюнуть его в глаза. Я закричала, когда в дверном проёме появилась фигура, обрамлённая дымом. Благовония начали душить меня. Мои крики перешли в кашель. Я согнулась пополам, отчаянно нуждаясь в чистом воздухе.

Я смотрела, как сапоги приближаются ко мне. Я подняла голову, решив выяснить личность убийцы моей семьи. Вместо этого в комнате вспыхнул ослепительный свет, освещая тела на земле и заставляя птиц разлететься. Сапоги попятились назад, прячась от яркого света, и прежде чем я успела приготовиться к тому, что он коснётся меня, я проснулась, испуганная и вся в поту.

Я лежала на спине, вцепившись в простыни, а Шикса придвинулась к моей груди, чтобы лизнуть мой подбородок. Я вздрогнула и притянула её к себе, пытаясь удержать ускользающие обрывки сна.

Этот странный запах снова наполнил мою голову, и когда я вдохнула, то могла бы поклясться, что почувствовала его в своей комнате. Я подняла голову и огляделась. Мои глаза привыкли к темноте, но ничего не было видно. Ни задымленных дверей, ни мёртвых близких. И всё же у меня было ощущение, что я не одна.

Я долго лежала без сна, прежде чем снова заснула. И когда, наконец, это случилось, меня охватило странное желание отведать Каволианского рагу.

На следующий день Матильда, моя служанка из Соравалья, принесла мне завтрак. Она должна была присутствовать на суде. Я была благодарна знакомому лицу.

Когда принесли обед, мне сообщили, что я присоединюсь к дяде за ужином. Конандра или нет, объяснил Креншоу, но король Тирн был и доброжелателен, и милостив. Для меня будет честью отобедать с ним.

Я не поверила ни единому слову.

Я приняла приглашение, потому что у меня не было другого выбора, но также я хотела провести время с моим дядей. Мне хотелось заглянуть ему в глаза и увидеть точный оттенок его темноты.

Если у него есть слабости, я их найду. Если у него есть секреты, я их раскрою. Если он хочет рассматривать мои притязания на трон как измену, то и я буду относиться к нему так же.

Матильда распорядилась, чтобы мои чемоданы доставили первым делом утром. К тому времени, как появился Креншоу, чтобы проводить меня к ужину, она одела меня в моё лучшее Соравальское платье и уложила волосы с особой тщательностью.

Без стука в комнату просунулось уродливое узкое лицо Креншоу. Мгновенная ярость вскипела под моей кожей. Его поведение было достойно сожаления.

— Пошли, — приказал он.

Я последовала за ним из комнаты, шагая за ним, как заключённая. Я могла бы найти дорогу в столовую и без посторонней помощи. Несмотря на долгое отсутствие, моё знание дворца быстро вернулось.

Когда мы вошли в столовую, белые двери с золотыми завитушками распахнулись, и глашатай объявил о моём прибытии. К моему удивлению, дядя поднялся со своего места во главе изысканного стола.

Тирн был не один, но я не узнала никого, кто сидел рядом с ним. При моём появлении встали ещё трое мужчин, но единственная женщина осталась сидеть.

— Моя давно потерянная племянница, пожалуйста, присоединяйся к нам.

Я обошла Креншоу и заняла свое место напротив дяди. Я не была настолько наивна, чтобы поверить, что это место было освобождено в мою честь. Оно было дано мне больше из насмешки, чем из чего-либо ещё.

Никто не произнёс ни слова, пока не подали первое блюдо, холодный суп из корнеплодов с взбитыми сливками. Не говоря ни слова, Тирн откусил кусочек, давая остальным разрешение поесть. Я потянулась за ложкой, желая, чтобы мои пальцы перестали дрожать. Сделав первый глоток, я почувствовала, как дядя сверлит меня взглядом.

— Мои советники, — наконец объявил Тирн. — Лорд Бервик и лорд Глауст, — он кивнул направо от меня на двух напыщенных мужчин. — Мой первый генерал, генерал Леффенмор. И его жена, леди Леффенмор.

Я положила ложку в суп и кивнула:

— Для меня большая честь обедать с вами.

— Ты, конечно, никого из них не узнаёшь, — продолжал Тирн. — Любой человек из службы у твоего отца или в совете должен был быть предан смерти. Я не мог доверять никому из них. Я уверен, ты понимаешь.

Я сосредоточилась на том, чтобы проглотить эту новость. Мои руки дрожали, ярость кипела во мне, но я не могла ни кричать, ни плакать перед этими людьми. Вместо этого я заставила себя говорить спокойно.

— У вас есть основания полагать, что кто-то из наказанных виновен в убийстве моей семьи?

Тирн выдержал мой взгляд. Свет свечей между нами освещал безумие, пляшущее в его бледно-голубых глазах.

— Мне не нужна причина. Я — король.

Мой взгляд упал на суп. У меня пропал аппетит, но я больше ни секунды не могла смотреть на дядю.

Один из лордов, я не могла вспомнить, кто именно, наклонился вперёд и хлопнул ладонью по столу.

— Вот, вот.

Генерал Леффенмор тоже наклонился и провозгласил:

— Долгого вам царствия, мой король.

Губы моего дяди изогнулись в жестокой улыбке.

— Не думаю, что моя племянница согласится, джентльмены. В конце концов, она здесь, чтобы забрать мою корону.

Подходящего ответа не нашлось, поэтому я придержала язык.

— Вы уверены, что она действительно ваша племянница? — спросила леди Леффенмор

со скучающей ноткой в голосе. — Она появляется из ниоткуда с весьма разыскиваемой короной, и мы должны предположить, что она наследница трона, которой не было в семье Аллисанд в течение восьми лет.

— Вот почему вызвали Конандру, моя дорогая, — объяснил генерал Леффенмор. — Суд докопается до сути этого дела. Правда будет раскрыта.

Появились слуги и сменили наши суповые миски на тарелки с сыром и нарезанным мясом, украшенные кусочками тоста и маслом.

— Ты не боишься, Дитя? — спросила леди Леффенмор, намазывая сыр маслом и зелёным джемом. — Этот суд дело серьёзное. Твоя жизнь в опасности, и ради чего? Потому что ты хочешь, чтобы тебя признали потерянной принцессой? Потому что ты хочешь вернуться к дворцовой жизни? Я молюсь Свету, чтобы ты знала, что делаешь.

Мой голос повысился.

— Я прекрасно понимаю, чем вы рискуете, леди Леффенмор. Правда действительно будет выяснена. У меня нет причин бояться этого.

Стол оживился от гомона лордов и генералов. Дядя не высказал своего мнения, но и не отвёл от меня глаз.

— А что касается дворцовой жизни, то я была вполне довольна монастырём, из которого пришла. Их образ жизни более естественен для меня, чем всё, что может предложить дворец. Так что, как видите, я здесь не ради роскоши или славы.

— Интересно, почему ты здесь, — задумчиво произнёс дядя. — После стольких лет, что заставило тебя покинуть тени твоей тайной жизни? Почему именно сейчас?

Я оглянулась на мужчин, обслуживающих Тирна, и почувствовала, как отвращение присоединилось к моей ярости.

— Пришло время, дядя. Я покинула дворец не с намерением прожить свою жизнь в тайне. Мой дом здесь. Моя жизнь принадлежит Элизии.

— Так почему бы для начала было не остаться в Элизии? Зачем позволять королевству и державе верить, что ты мертва? — глаза Тирна вспыхнули от разочарования.

— Моя жизнь была в опасности, — настаивала я. Нервы дрожали во мне, когда я поняла, что возвращение всё ещё может означать смерть. Я посмотрела на дядю. — Тот, кто убил мою семью, хотел, чтобы мы все погибли. Все до последнего Аллисанда. Ты не можешь это отрицать.

Его взгляд не дрогнул.

— Я не могу.

Подали следующее блюдо: жареного кабана с летним бататом и пюре из репы. Разговоры смолкли, пока все пробовали свой ужин. Я гоняла еду по тарелке и старалась не испытывать тошноту.

— Где принц Тейлон? — спросила я, наконец. — Он всё ещё в резиденции?

Мой дядя наслаждался ещё одним большим куском кабана, прежде чем ответить.

— Нет, я так не думаю. Какие-то дела увели его.

Ужин осел у меня в желудке, как груда кирпичей. Тейлон исчез. Он оставил меня наедине с дядей, который предпочёл бы, чтобы я умерла.

Я подумала об Оливере.

— Его люди тоже ушли?

Тирн вздохнул, и это, казалось, потрясло весь стол.

— Нет, они не ушли. Он оставил их, чтобы истощить мои ресурсы и заполнить комнаты

для гостей.

По крайней мере, Оливер тоже не бросил меня.

Во время третьего блюда подали вино. Я отказалась, но все остальные его приняли. В то время как мужчины умудрялись пить в меру, леди Леффенмор трижды наполнила свой бокал, прежде чем подали десерт.

Раскрасневшаяся, с остекленевшими глазами, она посмотрела на меня поверх своего пудинга и спросила:

— Даже если ты та, за кого себя выдаешь, что даёт тебе право на трон? Ты же девочка. Уродливая, брошенная, проклятая девушка.

За тихим смешком дяди последовал мягкий выговор.

— Франка, — осадил он. — Она моя гостья.

— Она пытается занять твой трон, — настаивала леди Леффенмор. — И твою корону.

Я больше не могла держать язык за зубами. Не поможет и вежливость по отношению к этим ужасным людям.

— Трон, на котором сидит Тирн, не принадлежит ему. И когда совет решит, что я та, за кого себя выдаю, Тирн может сохранить свою никчемную корону. У меня есть своя собственная.

За столом воцарилась тишина. Я чувствовала, как взгляды моих собратьев по обеду обжигают мою кожу, но я сосредоточилась на Тирне.

Его голос прорезал воздух.

— Посмотрим, что решит совет, Тессана, насчёт тебя и твоей короны, — прежде чем я успела что-либо возразить, дядя продолжил. — Я думаю, что на сегодня у тебя было достаточно волнений, племянница. У тебя усталый вид, — он повернулся в кресле и приказал. — Креншоу, отведи мою гостью в её комнату.

В дверях появился Креншоу. С коротким реверансом, который забрал всё моё мужество, я покинула трапезу, не оглядываясь.

Когда мы подошли к моей комнате, я, наконец, набралась смелости заговорить.

— Креншоу, сегодня за ужином я познакомилась с генералом моего дяди.

Он взглянул на меня через плечо.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я предполагала, что вы его генерал.

Я уловила его усмешку, прежде чем он снова посмотрел вперёд.

— Я Начальник Стражи.

— Ах.

Он остановился у моей двери.

— Король полностью доверяет мне.

— Я не сомневаюсь, что это правда.

— Опять же, к чему вы клоните?

Я переступила порог своей комнаты и повернулась к нему лицом.

— Я просто пытаюсь понять порядок вещей.

Он наклонился вперёд, угрожающе исказив черты лица.

— Будь осторожна, девочка. Ты не приспособлена для дворцовых интриг. Мне бы очень не хотелось, чтобы с тобой что-то случилось, если ты попытаешься это сделать.

Я вызывающе вздёрнула подбородок.

— Меня не интересуют дворцовые интриги. Меня интересует трон, который

принадлежит мне.

Его губы растянулись в высокомерной улыбке.

— Это одно и то же.

Не говоря больше ни слова, я закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Я не могла отдышаться, и у меня кружилась голова от всего, что произошло сегодня вечером. Креншоу был прав.

Я не была готова к этому.

ГЛАВА 25

Прошло уже две недели.

Дядя больше не приглашал меня на обед. Я не видела и не слышала никого, кроме Матильды, с первой ночи нашего приезда.

Дни ползли так медленно, что я думала, что умру от сочетания нервозности и скуки. По крайней мере, в храме у меня были ежедневные дела, уроки и люди, за которыми можно было наблюдать.

Здесь же у меня была только Шикса. К этому времени она превратилась в изящную маленькую леди. Её шерсть блестела так же ярко, как и всегда, но она становилась всё более свирепой, и её всё труднее было держать в секрете.

Матильда заверила меня, что Оливер выдавал себя за соравальского слугу, и все в Элизии оставили его в покое. Мне показалось ироничным, что мой монах из Хеприна мог свободно бродить по дворцу, в то время как я была заключена в этой комнате в качестве пленницы. Но, по крайней мере, мне не нужно было беспокоиться о нём.

Корона была у Тейлона, но он ни разу не зашёл ко мне, чтобы навестить или сообщить о моём положении. Вся информация поступала через Матильду, которая слышала её из вторых уст от слуг Элизии, которые, в свою очередь, получали её, подслушивая. Не было никакого способа узнать, правда ли то, что, в конце концов, доходило до меня.

Три дня назад Матильда ворвалась в комнату и объявила, что суд откладывается на несколько месяцев, потому что у короля Барстуса свиной грипп. Весь день я сидела, размышляя о том, как переживу месяцы заключения в этой комнате.

Но к вечеру она вернулась и сказала, что нет, у короля Барстуса не было свиного гриппа, только жаль, что его не было у горничной, с которой он столкнулся во время своего последнего визита.

Я покраснела от щёк до пальцев ног.

Когда я больше не могла терпеть ни секунды дольше, я спросила о Тейлоне. Матильда сказала, что его всё ещё нет в замке. И что он отсутствовал в течение всего нашего пребывания здесь. Его персонал и королевская гвардия остались, но у самого Тейлона были срочные дела, которые требовали его немедленного присутствия.

Шикса, свернувшись калачиком у меня на коленях, лениво похрапывала, когда в комнату ворвалась Матильда, дико размахивая руками.

— Они здесь! — взвизгнула она. — Они приехали!

Я вскочила на ноги, готовая схватить меч, который держала под рукой.

— Кто? Кто здесь?

Она подбежала ко мне и двумя руками надавила мне на плечи, пока я снова не села. Я попыталась встать, но она оказалась удивительно сильной.

— Сядьте! — приказала она. — Они здесь! А что, если они захотят увидеть вас сейчас? И вы *так* выглядите? Я не могу допустить, чтобы вы были в *таком* виде, если вы собираетесь покинуть комнату!

— В каком виде?

Я посмотрела на ночную рубашку, которую так и не потрудилась снять. Однако я пообещала себе принять сегодня ванну, просто до этого ещё не дошло. Но я причесалась этим утром.

Или это было вчера?

— Ой!

Я попыталась вырваться из рук Матильды, но она крепко держала меня, запутавшись щёткой в моих невозможных волосах.

— Ваши волосы похожи на лисье гнездо. А теперь сядьте, чтобы я могла привести вас в приличный вид для королей и королев.

— Они здесь? — ахнула я.

Она хмыкнула.

— Именно это я и пыталась вам сказать!

Я старалась сидеть спокойно, но была слишком взволнована.

— Ты их видела? — спросила я, затаив дыхание. Моё сердце понеслось галопом, когда я поняла, что момент, которого я в равной степени боялась и ожидала, наступил. Наконец-то я смогу предстать перед советом и всё объяснить. И они могли бы, наконец, решить мою судьбу.

Какой бы она ни была.

Мой желудок скрутило, и я подумала, что меня может стошнить. Дядя обещал наказать меня, если я пропущу Конандру. Горе терзало моё сердце каждый раз, когда я вспоминала его жестокость по отношению ко мне.

Я попыталась представить себя на его месте. Если бы я была той, кто правил, потеряв всех, кого любила, а затем кто-то, кого я считала мёртвым, внезапно появился бы на моём пороге.

Разве я не была бы скептиком? Разве я не питала бы недоброжелательности к человеку, пытающемуся забрать единственное, что у меня осталось от моей умершей семьи?

Но в моём дяде было нечто большее, чем осторожный скептицизм. Инстинкт подсказывал мне — он верит, что я та, за кого себя выдаю.

Не сомнения заставили его так себя вести. Это была жадность к трону, который он занимал, и Короне Девяти.

Матильда провела щёткой по моим медным локонам, и я чуть не выругалась на неё.

— Я их не видела, — сказала она. — Я только подслушала, как один из лакеев спешил сообщить герольду, что в городе видели экипажи.

— Сколько экипажей? Они все здесь?

— Не могу сказать. Но я в этом сомневаюсь. Пусть даже все восемь из них уже в пути, они не могли прибыть все разом. Разве нет?

Я закрыла глаза и попыталась воскресить те небольшие знания, полученные в детстве.

— Не думаю, — сказала я. — Сораваль, Теновия и Барстус ближе всего. Затем Каша, Арамор и Ворестра. Хеприн и Блэкторн находятся дальше всех. Это займёт у них, по крайней мере, ещё три дня. В зависимости от темпа их путешествия, вероятно, дольше.

Моё сердце колотилось от открывающихся перспектив. У меня оставалась всего неделя

до того, как начнётся Конандра.

Что тогда? Поверят ли они мне? Неужели они тоже примут меня за призрак моей матери?

Это напомнило мне кое-что.

— Матильда, ты слышала, что в этом замке водятся привидения?

Её руки замерли в моих волосах.

— Да, я слышала об этом. Но где вы слышали такую чушь?

— Охранники, — бесстыдно призналась я. — Они подумали, что я пытаюсь сбежать, когда Шикса на днях опрокинула чайный сервиз. Я сказала им, что это призрак, и они мне поверили. Тебе не кажется странным, что королевские гвардейцы верят в привидения? И не просто верят, а по-настоящему боятся?

— Об этом я ничего не знаю. Я сомневаюсь, что они боялись, скорее всего, им не терпелось позвать горничную, вот и всё.

Я развернулась, прерывая её работу.

— Матильда, они сбежали. Я не знаю, как ещё это описать. Я предложила призраку развлечь меня, и они втроём практически выбежали из комнаты.

Она щёлкнула пальцами, и я повернулась, чтобы она могла закончить свою работу.

— Я слышала, как они говорили о происходящем в замке. Есть комнаты, в которых, по их мнению, обитают привидения, и они избегают их, когда могут. Я слышала, как они говорили о том, что нечто перемещает столы, стулья, свечи и тому подобное, но обычно они больше раздражены, чем напуганы. Это странно. Я никогда не видела, чтобы слуги так заботились о призраках. В Соравале король Хьюго поднял бы нас всех на смех за то, что мы поверили в эту языческую чушь.

— Язычество? Что ты имеешь в виду?

В религии Света не верили в призраков или духов. Я знала это. Когда тело умирало, если человек был хорошим, его душа становилась частью Света. Плохой душе суждено было стать частью Тьмы или Денамона. С течением времени солнце становилось всё ярче и ярче, вбирая в себя множество добрых душ. А Денамон всё темнее и темнее. Монахи верили, что идёт нескончаемая битва во имя победы одной из сторон. Они верили, что в начале времен не было ничего, кроме тьмы, но люди заставляли Свет расти до тех пор, пока день в основном не стал светлым, и лишь небольшая его часть была отдана тьме.

Матильда понизила голос и склонилась над своей работой.

— Да, призраки для язычников. Они верят, что душа, у которой всё ещё есть дело в царстве живых, будет бестелесно блуждать, пока это дело не будет решено. Они верят, что душа имеет право отомстить за свою смерть или вернуть долг, прежде чем она пересечёт завесу.

— Нерешенные дела?

— Они верят, что душа обладает силой, которой нет у тела. Например, она может двигать вазы, если хочет привлечь внимание горничной. Или опрокинуть чайный сервиз в припадке ярости. Призраки так же реальны для язычников, как вы и я. Хотя они могут оставаться невидимыми для обычных глаз, язычники верят, что беспокойные духи контролируют всю магию, оставшуюся в этом царстве.

— Это просто смешно.

Я вспомнила всё, что моя мать когда-либо рассказывала мне о языческой религии. Она ни разу не упомянула о призраках и духах. Она говорила о магии, но никогда не думала, что

последняя всё ещё существует. О магии говорили в прошедшем времени ещё до того, как появились мир и Мраморная стена. Если она и говорила что-нибудь об этом, то только для того, чтобы проиллюстрировать историю или рассказать легенду о герое.

— Я встречала язычников и раньше, — заявила я, — но никогда не слышала, чтобы они говорили о магии так, будто всё ещё могут ею владеть.

— Ну, тогда, может быть, вы не встречали настоящего язычника, — рассмеялась она. — Я сама встречала только пару, но они верили в оба вида магии.

У меня возникла идея, но я хотела услышать её объяснения. Тайна внезапно оказалась в моих руках, и я не могла жадно не зачерпнуть ключи к разгадке.

— Оба вида? Что ты хочешь этим сказать?

— Ох, милая. Видите ли, теперь я не верю, что вы когда-либо встречали язычника. Вы говорите это только для того, чтобы вытянуть из меня ответы.

— Матильда! Я встречала язычника. Однажды я была очень близка с язычником. Но я никогда не слышала об этом. Пожалуйста, объясни. Иначе мне придётся сбежать из этой комнаты и самой найти язычника.

— Драконья кровь, дитя. Успокойтесь.

Она закончила мои волосы взмахом руки и слегка подтолкнула меня, чтобы я могла посмотреть сама. Когда я медленно подошла к зеркалу, она глубоко вздохнула.

— Хорошо, но не говорите никому, что это я вам всё рассказала.

Я улыбнулась ей.

— Не скажу. Клянусь в этом. Я не скажу ни одной живой душе. Или призраку.

Она отмахнулась от моей неудачной шутки взмахом руки.

— Есть белая магия, хорошая. Это то, что приносится добрыми духами. А ещё есть тёмная магия, некоторые называют её чёрной. И это то, что, как говорят, используют злые духи. На самом деле, говорят, что религия Света возникла именно из этой идеи. Вы знаете, что языческие верования намного старше, чем Братства. Некоторые считают, что Братства украли идею Света и Тьмы у язычников, а затем объявили вне закона все другие практики, которые они не могли объяснить.

Я посмотрела на себя в зеркало, благоговей перед работой Матильды. Мои волосы были катастрофой всего несколько минут назад, но теперь я выглядела как настоящая леди. Коса начиналась у меня на макушке и спускалась сбоку, перекинута через плечо. Она каким-то образом связала мои волосы воедино, и сплетённые вместе, они казались похожими на локоны.

Возможно, она обладала белой магией.

Я поиграла с концом косы и встретилась с ней взглядом в зеркале.

— Ты твёрдо веришь в Свет?

Её голова качнулась вверх и вниз, и она, не колеблясь, сказала:

— Да, конечно. Я очень предана Свету. Я провожу каждое новолуние в храме и делаю свои подношения в нужные дни.

Я повернулась к ней лицом, чувствуя, что это ещё не всё.

— Но...?

Она посмотрела на меня, потом на свои руки, потом в окно.

— Но я родом из сельской деревни в Соравале, недалеко от Великих Скал Бинаша. Вы слышали о них? — я покачала головой. Она не казалась удивлённой. — Там, на скалах, есть реликвии: старые, грубые памятники тех времен, когда язычники свободно поклонялись

своим богам. Когда мы отправлялись в храм, чтобы оставить свои подношения, там также лежали подношения языческим богам. Однажды мальчик примерно моего возраста упал со скалы. Отец нашёл его со сломанными ногами и сломанной спиной. Они ждали, когда он умрёт, проводили бдение и всё такое. Я пошла с матерью в храм, чтобы помолиться за него, предложить всё, что мы могли, от его имени. И когда мы проходили мимо статуй, я увидела там его мать, преклонившую колени перед языческими богами и молящуюся изо всех сил, что у неё были. Я никогда не забуду этого зрелища, потому что она плакала так громко, что, казалось, сотрясала звёзды. Но самое странное...

Матильда поёжилась и потёрла руки, словно отгоняя холод.

— Самым странным были светлячки над её головой. Их была сотня, клянусь. Я всегда буду помнить это, потому что мы так редко видели их, тем более так близко к морю. Ветер отбрасывал их назад, к деревьям. И всё же они были там, когда она молилась и взывала о своём сыне, они парили над ней, как будто тоже молились.

Я сглотнула, пытаюсь принять её рассказ.

— Что случилось с маленьким мальчиком?

Она выдержала мой взгляд.

— На следующий день он сел в постели. Он даже снова научился ходить.

Я не могла найти правильного ответа, но звук колёс кареты спас меня от необходимости. Матильда бросилась к окну. Я последовала за ней.

Мы стояли бок о бок, пока Шикса вскочила на подоконник, чтобы посмотреть, что привлекло наше внимание. Я погладила её по спине, пытаюсь понять, кто есть кто.

— Ты когда-нибудь видела королевскую карету, которая не принадлежала Соравалю? — спросила я Матильду.

— Несколько раз, — пробормотала она. — Та, что впереди, с чёрно-красным знаменем — Теновия.

— Там Сораваль, — прошептала я. — Хьюго и Анаталь здесь.

По крайней мере, у меня был один союзник в этой компании.

Мы наблюдали за всей этой пышностью и торжественностью, когда Тирн вышел, чтобы поприветствовать прибывших монархов. Монархи Теновии первыми вышли из карет, затем карета отъехала, чтобы освободить место для Хьюго и Анаталь.

Мы ждали, что кто-нибудь позовёт меня или объявит о прогрессе с Конандрой, но никто не пришёл. В конце концов, Матильда удалилась, а я распустила волосы ради ванны.

Около полуночи подъехал ещё один экипаж. Я как раз легла в постель, когда лакеи начали перекрикиваться через двор.

Шикса подняла голову с подушки рядом со мной и наострила уши. Я повернулась к ней.

— Скажи мне своё лучшее предположение. Как ты думаешь, кто это?

Она склонила голову набок и уставилась на меня так, словно я сошла с ума.

— Отлично, — проворчала я. — Я проверю. Не трудись вставать.

Она толкнула меня мордой в плечо. Я закатила глаза.

— Ты как рабовладелец.

Я вздрогнула от ощущения холодного камня под ногами и поспешила к окну, подпрыгивая на носочках.

Элегантная карета остановилась, и усталые лакеи засуетились вокруг, чтобы разместить вновь прибывших монархов. Я всмотрелась в темноту и попыталась разглядеть королевские

цвета, изображённые на карете.

Наконец появился лакей и спустил лестницу, за ним последовал пурпурный ковёр, расстеленный на гравий. На портике наверху объявился Тирн, и, в конце концов, дверь кареты распахнулась. Серое дорожное платье на фоне пурпурного ковра могло означать только то, что прибыл Барстус.

С ещё одним монархом в резиденции я могла чувствовать, как надвигается Конандра.

Но я была готова. Настолько готова, насколько это было возможно.

Хотя я ненавидела эти дни одиночества, возвращение в замок вернуло воспоминания. Я вспомнила виды, звуки и запахи различных комнат, изгибы и повороты коридоров. Я вспомнила лица некоторых старших слуг — слуг, которых Тирн не уволил и не заменил, и могу поклясться, что они тоже узнали меня. Чем больше они проводили со мной времени, тем больше видели правду.

Они кланялись с большим уважением. Они приносили еду, которая, как они знали, мне понравится. Их взгляды смягчились. Я надеялась, что если слуги смогли увидеть меня, настоящую меня, то, возможно, королевские особы тоже смогут.

Конандра и последствия суда маячили на горизонте, но правда была на моей стороне.

Это должно было что-то значить.

ГЛАВА 26

Следующие два дня принесли прибывших из Ворестры и Каши. Поскольку оба королевства происходили из разных пустынь, они демонстрировали более интересные стили поведения и одежды.

Днём позже по королевской аллее прокатилась роскошная карета. Арамор никогда не скрывал своего изобилия, и карета хвастливо демонстрировала всем серебро и золото, которым было так богато королевство. Король и королева со скукой спустились на золотой ковёр. Тирн улыбался им шире, чем другим членам королевских семей, и души не чаял в королеве. Всё это вызвало у меня тошноту, и я была вынуждена вздремнуть, когда зрелище закончилось.

Через три дня после этого прибыл король Хеприна. Это был приземистый пожилой мужчина с вьющимися седыми волосами, украшенными королевскими зелёным и жёлтым цветами Хеприна. Он был вдов и приехал один. Это был первый раз, когда я его увидела. Я прожила в святилище его страны восемь лет, и всё же мы встретились только тогда, когда я вернулась в свою страну.

Прибытие короля Хеприна означало, что в пути остался только один правитель. Королева из Блэкторна. Сначала я стояла у окна, полагая, что она в любой момент может проскользнуть по королевской аллее. Этот момент растянулся на день, потом на четыре.

Блэкторн находился в самом дальнем уголке королевства, в Ледяных горах к северу от Змеиного моря. Самое маленькое королевство в державе, Блэкторн с самого начала был грозной силой благодаря безжалостной армии и властолюбивым монархам. Такое сочетание с легкостью может представлять угрозу для остальной части державы.

Я несколько дней ждала прибытия Раванны Пресидии. Но Холодная Королева, должно быть, появилась глубокой ночью, потому что я не слышала, как подъехала её карета.

На самом деле, только когда в комнату в панике влетела Матильда и приказала собираться, я поняла, что наконец-то, спустя три с половиной недели, я буду представлена

свету.

Я позволила Матильде одеть меня со всей заботой и вниманием, на которые она была способна. И когда я встала, чтобы увидеть себя в золотом платье, которое она выбрала, я не могла поверить в то, чего она добилась.

Я выглядела как принцесса.

Юбка колоколом облегла мои бёдра, шурша у моих ног и расширяясь так, что никто не мог стоять рядом со мной. Бархатный лиф плотно облегал мою талию, в то время как рукава свободно расширились на моих запястьях.

Матильда убрала мои волосы с лица, стянув локоны в пучок на затылке, в надежде, что так я буду похожа на свою мать больше, чем когда-либо. Когда я смотрела в зеркало, я не могла не восхищаться её работой. На самом деле я действительно была похожа на свою мать, королеву.

Теперь настало время почувствовать себя так.

Я желала встречи с Тейлоном. Мне хотелось поговорить с ним в последний раз. Я хотела услышать, что он верит мне, что знает, что я та, за кого себя выдаю.

Я также хотела увидеть Оливера. Мне нужен был мой друг. Мне нужно было, чтобы он напомнил мне, что я не слабая, что меня готовили к моментам, подобным этому.

Но я не знала, разрешат ли им присутствовать на суде. По правде говоря, я очень мало знала о Конандре, только то, о чём Хьюго предупредил перед моим отъездом из Соравалья.

Как только Матильда заколола последнюю шпильку, чтобы мои волосы не рассыпались, как змеи, Креншоу толкнул дверь. Моё сердце затрепетало, когда Матильда двинулась ему навстречу.

— Мы пришли за девушкой, — хрипло объявил он.

Матильда повернулась, чтобы поманить меня, но я уже была там. Я подняла подбородок и встретила холодный взгляд охранника.

— А что, если я окажусь той, за кого себя выдаю? — я бросила ему вызов. — Тогда что? Как вы будете наказаны за такое обращение с вашей королевой?

Его челюсть дёрнулась, но он не сказал больше ни слова. Вместо этого он отступил назад и подождал, пока я выйду в коридор.

— *Самозванка*, — выплюнул он, когда я проходила мимо него.

Охранники окружили меня, как только я вышла из своей комнаты. Я подумала, что это немного чересчур.

Мои пальцы чесались взять клинок, но я оставила его в своей комнате, под матрасом, с Шиксой, охраняющей его.

Мы двигались как единое целое по знакомым коридорам. Я заметила изменения, которые произошли за эти годы, но, казалось, ничто не постарело, пока меня не было.

В таком изобилии было почти легко забыть унылость окружающих дворец деревень.

Почти.

Но не совсем.

Через несколько минут мы стояли перед тронным залом. Я ожидала, что Конандру соберут где-то в другом месте. Я не думала, что вернусь сюда, пока это не станет моим тронным залом, пока я не буду править этой державой.

Двери открылись слишком рано, и меня объявили "Предполагаемой Тессаной Аллисандр, что отстаивает трон Элизии и Корону Девяти".

В зале воцарилась тишина, и в воздухе послышался шорох одежды, когда все

повернулись, чтобы посмотреть на меня. Я подняла голову, вздёрнула подбородок и сосредоточилась на том, чтобы не споткнуться.

Проходы вырисовывались по обе стороны, как щупальца огромного морского существа. Все места были заняты. Всё пространство в конце зала было заполнено. Единственным свободным местом был проход, который вёл меня вперёд, к совету, решающему мою судьбу.

Насыщенные карие глаза Оливера почти сразу привлекли моё внимание. Он стоял в углу возле входа для слуг. Я ничем не выдала своего внимания к нему, но его полуулыбка придала мне достаточно уверенности, чтобы продолжать двигаться вперёд. Даже если никто другой не знал, Оливер верил мне. Оливер верил в меня.

Я не позволяла себе снова оглядываться по сторонам и поэтому не знала, были ли мои слушатели высокопоставленными лицами или простыми деревенскими жителями. Мои глаза не отрывались от совета в передней части зала.

Для каждого члена совета были принесены богато украшенные стулья. Я сразу узнала Хьюго, но так как он не двинулся с места, чтобы признать меня, я решила, что лучше сделать то же самое.

Тирн сидел в центре, а монархи расположились по обе стороны от него. Хьюго занял четвёртый стул от него, на самом краю левой стороны, место наименее важное.

Поняв, что Хьюго пренебрегли, я оглядела остальных монархов, желая увидеть, с кем объединился Тирн.

Прошло слишком много времени, чтобы я могла узнать кого-либо из них по памяти, поэтому я опознала их по цветам. Я была удивлена, увидев короля Барстуса, сидящего слева от моего дяди, но ещё больше удивилась, увидев Блэкторн справа от него, на самом высоком почётном месте.

Королева Раванна Пресидия из Блэкторна выглядела точно так же, как я её помнила. Гладкие чёрные волосы, туго стянутые на висках, струились по спине прямым шёлком. Её губы были выкрашены в тёмно-красный цвет, подчёркивающий тонкие скулы и длинную шею, в то время как тёмные круги вокруг глаз оттеняли их ярко-зелёный цвет. Она была такой же потрясающей, какой я её помнила. И такой же ужасающей.

Она была единственным монархом, который не носил оба своих королевских цвета. Вместо этого её платье было таким же чёрным, как и волосы. Облегающий лиф резко контрастировал с её бледной кожей, а юбка, казалось, была полностью сделана из длинных чёрных перьев. Как и накидка, застёгнутая на шее и закрывающая только верхнюю часть плеч, оставляя открытыми её фарфоровые руки.

Холодная королева, как называла её моя мать.

Я почувствовала правду, когда наши взгляды встретились. Дрожь пробежала по моему позвоночнику, оставив такой сильный холод, что мои кости, казалось, треснули и раскололись. Моё тело знало то, что только сейчас осознал мой разум.

Эти люди приводили меня в ужас.

Но это ничего не меняло.

Я взялась за контроль над своим телом. Отец Гариус научил меня всему, что касалось страха. Он научил меня, как с этим бороться. Как сделать его покорным более высоким атрибутам самодисциплины и силы воли.

Я выдержала её взгляд. Я не дрогнула, хотя внутри меня всё дрожало. Я не вздрогнула, даже когда руками вцепилась в ткань платья. Я не отворачивалась от этого леденящего взгляда, пока голос дяди не привлёк моё внимание.

— Ты утверждаешь, что ты Тессана Аллисанд из дома Экстентии, старшая дочь моей сестры, наследница трона Элизии. На каком основании ты предстаешь перед этим судом? — голос моего дяди прогремел по комнате.

— Потому что я та, за кого себя выдаю, — мой голос зазвучал тихо и неуверенно, но я поняла, что мне нужна убежденность, чтобы доказать свою точку зрения. — Моим отцом был Фредрикс Аллисанд, Сотый король Девяти Королевств. Моей матерью была Гвинлин Фенник Аллисанд, королева державы. Моими братьями были Алеск, Бенедикт, Эрикс и Брейн. Мою младшую сестру звали Катринка. Все они были отняты у меня более восьми лет назад, убиты в нашем доме, — мой голос сорвался, когда всплыли воспоминания. — Я видела, как им перерезали глотки и обескровили тела, — слёзы потекли у меня из глаз, но я этого почти не заметила. — Их убили. Здесь, в этом дворце. Я та, за кого себя выдаю. И я вернулась, чтобы потребовать то, что по праву принадлежит мне.

Когда я сморгнула последние слёзы и снова смогла ясно видеть, я заметила, что некоторые члены совета наблюдали за мной остекленевшими глазами.

И некоторые выглядели так, как будто были бы очень рады покончить с Конандрой сейчас. Как и с моей жизнью.

Грубый, жёсткий король наклонился вперёд. Его волосы были такими же белыми, как заснеженные вершины Алмазных гор, но его кожа была загорелой и обветренной. Тёмно-синий и зелёный цвета герба представляли его как короля Каши, Девониша Катанса.

— Значит, ты можешь плакать, дитя. А теперь дай нам что-нибудь настоящее. Нам нужны факты и доказательства.

Он был прав.

— В то утро, когда убили мою семью, я была с Тейлоном Трескинатом. Его семья приехала во дворец, чтобы отпраздновать рождение моего нового брата, Брейна. Я не уверена, помните ли вы, но в то время я была помолвлена с Тейлоном. У моего отца было шестеро детей, и он хотел устроить судьбу каждого. Я была предназначена Соравалю и их старшему принцу. Монах по имени отец Гариус из Братства Молчания также посещал дворец в эти дни. Это записано в книгах учёта. Он — верховный жрец в Храме Вечного Света в Хеприне, недалеко от Холмов Гейна. Когда я обнаружила свою семью мёртвой, Тейлон убедил меня пойти с отцом Гариусом, прежде чем убийца моей семьи найдёт и меня. Тейлон верил, что я не переживу этот день, что тот, кто убил мою семью, выследит меня. Он взял Корону Девяти у моего отца и отдал её отцу Гариусу. Затем отец Гариус тайно вывез меня из дворца и провёз через восточную половину державы. Он отпустил меня из Храма Вечного Света всего несколько месяцев назад. В тот момент он дал мне Корону Девяти и сказал, что пришло время возвращаться домой.

— Священник велел тебе вернуться домой? — спросил на этот раз король Барстуса, Максим Золотов. Его официальный титул гласил, что он правитель Змеиного Моря и Защитник Ледяных гор. Другими словами, он был могущественным союзником моего дяди. — Но как это может быть, если Братства не говорят?

— Вы правы. Они не разговаривают. Но я — да. И после того, как мы прожили вместе восемь лет, мы разработали способы общения.

Максим фыркнул.

— Это, должно быть, отличный способ, если он мог сообщить такие тонкости.

— Несмотря на их молчание, они очень умные, хорошо образованные люди. Просто они не общаются вслух, — я старалась сохранять терпеливый тон, но это было нелегко. — Отец

Гариус спас мне жизнь, Ваши Величества. Нас связывала нить, которая выходила за рамки словесного общения.

Максим снова фыркнул. Я не могла сказать, что это означало, но надеялась, что он поверил мне, хотя и неохотно.

Правители засыпали меня вопросами, и я отвечала так хорошо, как только могла. Они хотели знать точные подробности о моих родителях и братьях. Они спрашивали об их жизни и поведении, пока они были живы. Потом они спросили об их смерти и о том, каково это — найти их мёртвыми.

Они попросили меня объяснить как можно подробнее, насколько я помню, как умерли мои родители. Как именно им перерезали горло? В каком направлении? Сколько там было крови?

Они хотели знать, как прошли последние годы моей жизни и с кем я общалась. Как я попала сюда из Хеприна. Они особенно хотели узнать подробности моего образования и обучения. Я отвечала на их вопросы так хорошо, как только могла, сохраняя при этом несколько секретов о моем путешествии сюда и особенно о моем обучении. Вопросы продолжались долго. Один монарх за другим нападал на меня.

— И ты просто вышла из замка? — потребовала ответа Раванна Пресидия, королева Блэкторна. — Никто тебя не узнал и не пытался остановить?

Я уже бесчисленное количество раз отвечала на этот вопрос. Разочарование просочилось в мои слова, когда я отрезала:

— Отец Гариус избегал дорог и деревень. Нас никто не видел. А что касается вашего вопроса о том, чтобы уйти незамеченными, то мне тогда было всего девять лет, и никто не пытался нас остановить. Я помню, что мы не видели ни души, когда шли по замку. Как будто весь персонал исчез. Или, может быть, к тому времени они обнаружили тела моей семьи и были потрясены. Я предпочитаю верить в последнее.

Ее губы сжались.

— И ты говоришь, что Тейлон Трескинат просто снял корону с головы твоего отца? Это вызывает ещё один вопрос о том, почему кто-то пошёл на все эти хлопоты, чтобы убить королевскую семью, но оставил Корону Девяти на полу? Всю в крови, — она посмотрела вверх и вниз по линии членов совета, подчеркивая свою точку зрения одной поднятой бровью. — Разве весь смысл убийства твоего отца не в том, чтобы захватить корону и взять под контроль державу?

Её ледяной взгляд вернулся ко мне. Моё сердце болезненно забилося от этих жестоких слов. У меня всё ещё перехватывало дыхание, когда я представляла их на полу, окровавленных, безжизненных.

— Я не могу строить догадки о намерениях убийцы, — мой голос был едва громче шепота. Нескольким членам совета пришлось наклониться поближе, чтобы услышать меня. — Как я уже говорила, в то время я была всего лишь ребёнком. Я не знала ничего, кроме того, что у меня забрали мою семью. Даже сейчас, после всех этих лет, проведенных в недоумении, почему, как и что я могла бы сделать по-другому, у меня всё ещё нет ответа. У меня столько же вопросов, сколько и у вас.

Уголок её рта победно приподнялся. Я поняла, что королеве Блэкторна было всё равно, за кого я себя выдаю. Она не хотела, чтобы я выиграла этот процесс. Я лишь смутно помнила, как встречалась с ней в детстве, и в этом воспоминании не было ничего, кроме её отчужденности. Но сегодня эта женщина ненавидела меня.

— Последний вопрос, — объявила она. Мы были здесь уже несколько часов. Ноги у меня устали, а в спину словно воткнули сотню булавок. Но макияж Раванны не размазался, и её красные губы не поблекли. Она выглядела так же идеально, как и в тот момент, когда я впервые увидела её.

— Ты говоришь, что была так обеспокоена своей семьёй, своими умершими родителями, братьями и сестрой. Но ты ушла с незнакомцем всего через несколько секунд после того, как обнаружила, что им перерезали горло? Это не похоже на поведение скорбящего ребёнка. Это больше похоже на план действий на случай непредвиденных обстоятельств виновной стороны.

У меня отвисла челюсть.

— Вы хотите сказать, что я убила свою семью?

Та тонкая улыбка, которую она не могла скрыть, приподняла другой уголок её рта.

— Я просто предполагаю, что твоё поведение кажется подозрительным. Ты не только сбежала со сцены, но и отсутствовала в течение восьми лет. Мы обыскали всю державу в поисках этой короны, и ты спрятала её вместе с немymi монахами в самом отсталом королевстве державы. Ты возвращаешься только теперь, когда знаешь, что совет решил смастерить новую корону. Появляешься только тогда, когда мы собрались голосовать за новую родословную для Места Силы. Ещё до того, как ты покинула свой драгоценный монастырь, ты знала, что твоё время истекает. Если бы ты прибыла даже на три месяца позже, твои планы украсть трон и Место Силы были бы слишком запоздалыми.

Комната передо мной дрогнула. Перед глазами всё поплыло.

— Нет, — прошептала я. Затем с большей уверенностью я заявила. — Нет! Я не знала. Откуда мне было знать? Это всего лишь совпадение, что я прибыла именно сейчас. Клянусь вам, я ничего не знала о ваших планах создать новую Корону Девяти или перенаправить родословную.

Совет перешептывался друг с другом, пока Хьюго не прервал болтовню своим гулким голосом.

— Наши планы относительно Короны Девяти должны были храниться в абсолютной тайне, — он свирепо посмотрел на своих собратьев-монархов. — Мы подписали клятву кровью, если вы помните. Если этот ребёнок узнал правду до прибытия в Элизию, кто-то в совете несёт за это ответственность.

Монархи замолчали, ни один из них не желал признаваться в предполагаемом преступлении. Раванна откинулась на спинку стула. Я наблюдала, как она обменялась хитрым взглядом с моим дядей, прежде чем они оба вернулись к игнорированию друг друга.

Тирн обратился к залу:

— Пришло время вызвать свидетелей. Выведите вперёд тех, кого вызвали.

За моей спиной начала выстраиваться очередь. Было ясно, что я должна сдвинуться, но я не знала, куда. Холодный взгляд Тирна упал на меня.

— Ты можешь отойти в сторону, когда начнутся показания против тебя.

Креншоу щелкнул пальцами в левой части комнаты. Я неохотно встала рядом с ним.

В течение следующего часа были вызваны свидетели, чтобы озвучить то, что они помнили обо мне, и проверить, совпадали ли мои показания с их воспоминаниями. Большинство из них согласилось, что они не могут быть уверены в своих словах после столь долгого времени, но некоторые указали на огромные расхождения между тем, как я выглядела в детстве, и тем, как я выгляжу сейчас.

Моя старая няня объявила, что в детстве мои волосы были светлее, а кудри были более аккуратными. Она предположила, что королевская особа сохранила бы в себе самые прекрасные качества, вырастая из более непривлекательных, чтобы вписаться в королевское общество.

Как бы я ни обиделась за свои волосы, я не могла поверить, что кто-то воспримет её всерьёз. Королевские особы не были самыми красивыми людьми в стране. Человек также не мог выбирать, из каких физических качеств вырастать, а какие останутся навечно. Но, очевидно, её показания воззвали к самолюбию монархов, потому что некоторые из них кивнули в ответ.

Через некоторое время Тирн указал на Хьюго, последнего из правителей, который вызвал своего свидетеля.

— Сораваль, кого ты зовёшь предстать перед нами?

Хьюго выпрямился и посмотрел на комнату, полную людей.

— Брам Могучий, Брам Хэвиш, бывший первый генерал короля Фредрика Аллисанда.

Тирн вскочил на ноги, ярость исказила его лицо и заставила плечи вздрогнуть от усилия дышать.

— Его изгнали из этого дворца, нет, из Элизии! Ему нельзя приближаться к этому тронному залу! Стража! Найдите Брама Хэвиша и бросьте его в тюрьму, где ему самое место! — он повернулся к своему совету. — Я должен был сделать это много лет назад! Он предатель! Анархист! Стража!

Охранники бросились сдерживать высокого толстого мужчину в дальнем конце комнаты. Он был старше Хьюго, но ненамного. Его седые волосы были коротко подстрижены, а ухоженная белая борода, закрывавшая половину лица, почти не скрывала суровости его лица.

Имя Брам *Могучий* подходило ему.

Хьюго вскочил на ноги и повысил голос, чтобы посоревноваться с Тирном: — Ему разрешено находиться в Конандре! Правила гласят, что мы можем вызвать любого, кто может дать соответствующие показания. Он был там в тот день, когда были убиты Аллисанды. Он видел их тела. Он исследовал всё это. Если кто и знает что-нибудь о том, что произошло в тот день, так это Брам Хэвиш.

— Я этого не допущу, — заявил Тирн.

— Это не от вас зависит, Ваше Величество, — возразил Хьюго. — В Конандре мы голосуем как единый совет. Остальные члены имеют право на свое мнение.

— Хорошо, — смягчился Тирн, после тяжелого молчания, его голос был полон угрозы. — Пусть голосуют. Посмотрим, как они решат действовать дальше.

— Я начну, — объявил Хьюго. — Пусть Брам Хэвиш даст показания.

Рядом с Хьюго сидел Саша Сенноа, король Теновии.

— Да. Пусть говорит.

Я понятия не имела, что Брам вынесет на совет, но помнила, что он был предан моему отцу. Он сделал бы всё для Аллисандов. И для Элизии. Знание того, что его выгнали, делало его показания ещё более привлекательными. Если мой дядя ненавидел его, то Брам был одним из моих новых фаворитов.

— Да, — прогремел Девониш Катанса из Каши. — Я хочу услышать, что он скажет.

Максим Золотов из Барстуса прорычал:

— Нет.

Как и Тирн, а затем Раванна из Блэкторна.

Три "да". Три "нет". И осталось ещё три.

Я наблюдала, как Брам свирепо смотрит на совет, призывающий убрать его. В детстве он пугал меня. И теперь я была уверена, что он будет вызывать у меня кошмары.

Но я знала, насколько важными будут его показания. Моя кровь пузырилась под тонкой кожей. Я вцепилась в юбку кулаками, и сила моей хватки грозила прорвать в ней дыру.

Следующей была Ворестра:

— Да.

Арамор.

— Нет.

Всё ещё на грани.

И, наконец, Хеприн. Грегор Манштейн не торопился. Давление в воздухе нарастало, сжимая мои плечи. Наконец, Грегор провёл рукой по своей длинной бороде, его блестящие глаза остановились на задней части комнаты.

— Я говорю “да”, — заявил он беззаботным голосом, — чтобы мне потом не было любопытно, что он мог сказать.

Тирн стиснул зубы, но небрежно махнул рукой и сказал:

— Большинство решило. Брам Хэвиш может говорить.

Брам вырвался из рук охранников и протолкался сквозь толпу к проходу. К этому времени аудитория загудела, и разговоры переросли в глухой рёв.

Когда Брам, наконец, предстал перед советом, Тирн позволил суматохе продлиться несколько долгих минут, прежде чем, наконец, топнул ногой и крикнул:

— Тишина!

Все притихли. Они жадно смотрели на Брама, наслаждаясь драмой и с нетерпением ожидая, когда заговорит изгнанный генерал.

— Ты здесь для допроса, — напомнил ему Тирн. — Не для того, чтобы задавать вопросы.

Брам расправил плечи и посмотрел в сторону кресла Соравая.

— Тогда спросите меня, кого именно Тессана Аллисанд видела мёртвым в то утро.

Хьюго неловко поёрзал на стуле.

— Я не понимаю.

Взгляд Брама повернулся ко мне, и я дернулась с силой.

— Кого ты видела мёртвым в то утро? Кого из твоих родных?

Мне показалось, что в горле застрял кирпич.

— Я...

— Отвечай на вопрос, девочка, — проревел Брам. — Кто был мёртв из твоей семьи?

— Мои родители, — выдавила я, на мгновение закрыла глаза и вспомнила эту сцену так живо, как если бы я стояла там сейчас. — Оба моих родителя умерли. И вокруг них — мои братья. Алеск и Эрикс рядом друг с другом. И... и Бенедикт рядом с ними, — я закрыла глаза, тогда как новое горе угрожало поглотить меня целиком. — Даже младенец, даже Брейн был мёртв. Моя мать прижимала его к своему телу, но обе их шеи...

Это был первый раз, когда я позволила себе полностью вспомнить эту сцену, и теперь, когда я была сосредоточена, я кое-что поняла.

— Но Катринки там не было. Моей сестры с ними не было.

Брам кивнул, и его губы приподнялись в выражении чего-то похожего на гордость. Он

повернулся к совету и объяснил.

— В то утро ни одна из девочек Аллисанд не была с королевской семьей. Все мальчики были, и Его Величество, и королева. Но девочки пропали. Королевская гвардия нашла Катринку лишь позже в тот же день. Живой. Её заперли в шкафчик на кухне. Она плакала и была напугана, но очень даже жива, — по комнате прокатился гул. Я чуть не упала. Брам продолжил. — Но мы так и не нашли старшую дочь. Тессана и корона пропали. Мы прочесали всю державу и ждали вестей от её похитителей. Но требование выкупа так и не поступило, — внимание Брама сосредоточилось на Тирне. — Я бы продолжил поиски, если бы мне позволили. Я бы всё ещё искал Тессану и Корону Девяти, если бы мне было позволено выполнять свои обязанности, как я поклялся. Вместо этого меня обвинили в преступлениях, которых я не совершал. Я был изгнан со своего поста и из этого королевства, которое я поклялся защищать. Тирн потребовал, чтобы поиски принцессы были прекращены. Он знал, что корона может быть найдена, и всё же он положил конец нашим усилиям, прежде чем удалось добиться какого-либо прогресса!

— Довольно, — проворчал Тирн, лениво вытягивая ноги. — Ты анархист, Брам Хэвиш. Ты всегда был смутьяном, но теперь зашёл слишком далеко. Уведите его, — его голос звучал почти скучающе, когда он щёлкнул пальцами своим охранникам. — Отведите его в темницу, пока он не поклянётся мне в верности. Пока он не признает, что именно он сделал меня королем после того, как не смог защитить мою сестру и её мужа.

Я едва расслышала тираду Тирна. *Моя сестра была жива. Катринка была жива.* После всего этого времени, после многих лет скорби по ней, она была жива!

Стражники бросились вперёд, чтобы удержать Брама, пока он боролся и выкрикивал свою версию правды. Хьюго тоже встал, крича на Тирна и стражников.

Тирн проигнорировал обоих мужчин и объявил:

— На сегодня с Конандрой покончено. Мы продолжим завтра утром, когда эта аудитория и совет научатся должным образом сдерживать себя.

Тирн кивнул в сторону Креншоу, и мясистая ладонь последнего крепко сжала мою руку.

— Достаточно, принцесса? — он рассмеялся мне в ухо. — Пора возвращаться в камеру.

Я пошла охотно, хотя он грубо тащил меня за собой, как будто я сопротивлялась. У меня не было сил бороться с ним. Мои мысли всё ещё были о Катринке. Если она жива, то где она?

Почему никто не знал о ней?

Почему она не на троне Элизии вместо Тирна?

Если моя сестра, считавшаяся последней оставшейся наследницей рода Аллисанд, всё ещё была жива, почему все думали, что она мертва? Почему они передали родословную Тирну, когда Аллисанды всё ещё были живы?

К тому времени, как Креншоу швырнул меня в мою комнату, я ничего не могла сделать, кроме как рухнуть на кровать. Шикса подскочила и прижалась ко мне. Именно её мягкий мех и нежный комфорт вызвали поток слёз.

Я плакала часами. До тех пор, пока я не могла видеть, думать или делать что-либо, кроме как вспоминать всех, кого я любила, проливая слёзы по семье, смерть которой я была вынуждена переживать снова и снова.

Я оплакивала сестру, которая всё ещё была жива. И даже сейчас я не знала, увижу ли её когда-нибудь снова.

ГЛАВА 27

На следующее утро Матильде пришлось вытаскивать меня из постели. Мои глаза опухли от многочасовых рыданий. Она бросила на меня один взгляд и прокляла весь дневной свет.

Я хотела эту корону больше, чем когда-либо. Я чувствовала, что она моя, больше, чем когда-либо. И всё же я не могла вынести мысли о том, чтобы встретиться с советом в другой день.

Что бы они сегодня вытащили из моей памяти? Какие новые ужасы, извлеченные из ям Денамона, будут теперь болтаться передо мной?

Будут ли они дразнить меня Катринкой?

Или снова обвинят в убийстве моей семьи?

— Я не могу этого сделать, — прошептала я Матильде, пока она смешивала пудру под моими глазами. Она пообещала, что это уберет тёмные круги и сделает меня менее похожей на упыря.

Она прервала своё занятие и положила руки мне на плечи.

— Тессана Аллисанд, — твердо сказала она. — Это ведь ваше имя, не так ли?

Мой взгляд метнулся к ней.

— Верно.

Что-то похожее на юмор плясало в её глазах, но выражение лица оставалось каменным.

— Я ни разу не спрашивала вас с тех пор, как мне сказали, кто вы. Я вошла в вашу комнату и сразу увидела принцессу Аллисанд с высоко поднятой головой и огнём в глазах. Но совет тоже должен это видеть. Всё это королевство должно быть убеждено, что вы та, за кого себя выдаете. И это будут не свидетели, которые покажут им правду. Это будете вы, принцесса Тессана. Это то, кто вы есть и кем была ваша семья. Этот свет внутри вас сияет ярче солнца. Вы Тессана Аллисанд из дома Экстентии. Заставьте их поверить.

Я не смогла сдержать улыбку, которая приподняла уголки моего рта.

— Это всё, что мне нужно сделать?

Она кивнула и снова принялась стирать чёрные круги у меня под глазами.

— Пока, — рассмеялась она.

Когда Креншоу распахнул дверь, я уже ждала его. Он двинулся, чтобы схватить меня, но я подняла руку и сказала ему:

— Я могу идти сама, большое спасибо.

Он попятился, но не выглядел довольным. Мне было всё равно. Первое, что я сделаю, став королевой, уволю Креншоу и сопровожу его до границы Элизии.

В отличие от вчерашнего дня, моё сердце билось уверенно. Я была так напугана, так кротка в своих манерах, но Матильда была права. Корона Девяти принадлежала мне. Моему роду.

И пришло время мне встать на защиту того, что по праву принадлежит мне.

Если бы они хотели бороться со мной за это, они могли бы. Но они узнают, каково это — идти против Аллисанд.

Креншоу остановился у дверей тронного зала. Он повернулся ко мне и с ухмылкой, скривив тонкие губы, сказал:

— Вас попросили подождать здесь, пока они не объявят о вас.

Я неохотно кивнула в знак согласия. Так было и вчера, только мне не пришлось ждать в коридоре. Может быть, они уже допрашивали свидетеля?

Несколько опоздавших поспешили через закрывающуюся дверь, и я подумала, что, возможно, ещё не все прибыли. Что-то шевельнулось на периферии моего зрения, и я повернулась, чтобы посмотреть, но там ничего не было. На самом деле я была одна. Охранники исчезли. Все присутствующие проскользнули внутрь. Я осталась одна, и некому было за мной присматривать.

Я сделала шаг вперёд, опасаясь, что они ждут меня, но по какой-то причине забыли про меня. Ещё одна вспышка чего-то снова привлекла моё внимание. На этот раз она сопровождалась звуком. Лёгкое щёлканье. Как когти против...

Я подняла глаза к потолку, где увидела самое странное зрелище. Во дворец удалось проникнуть птице. Она примостилась на подоконнике витражного окна. Я шагнула к ней, восхищаясь её гладкими чёрными перьями и ониксовым клювом.

— Как ты попала внутрь? — спросила я создание.

Она уставилась на меня, не мигая. Я сделала ещё один шаг к ней. В Элизии был переизбыток этих существ. Я рассеянно задавалась вопросом, могу ли что-нибудь с этим поделаться, как-то уменьшить их число. Конечно, они были вредны для урожая и...

Ворон открыл клюв и пронзительно закричал. Я отпрыгнула назад и прикрыла одно ухо, удивлённая тем, как сильно от этого звука заболела голова. Боль расколола мой череп, и я согнулась пополам. Этого было достаточно, чтобы вывести меня из ступора. Инстинкт заставил меня поднять глаза, и мне удалось мельком увидеть, как шнур, удерживающий гигантскую люстру над моей головой, лопнул пополам.

Я даже не подумала закричать. Люстра раздавит меня под всеми этими бриллиантами и богато украшенными титановыми стержнями. Бесплезное воспоминание о десяти лакеях моего отца, работающих вместе, чтобы вернуть её на место после того, как горничные провели день, полируя её, вспыхнуло у меня в голове.

Вот что должно было свалиться на меня.

Я закинула руки за голову, как раз в тот момент, когда нечто чудовищное врезалось в мой бок, сбив меня с ног и лишив дыхания. Я шлёпнулась на пол, мое плечо смяло между гладким мрамором и весом люстры.

Нет, подождите.

Это было неправильно.

Люстра ударилась о землю секундой позже с оглушительным грохотом, пронесшимся по коридору. Кристаллы раскололись, и стекло разбилось, рассыпаясь вокруг меня. Из тронного зала донеслись крики, и стражники бросились в коридор.

Люстра упала на землю после того, как это сделала я. Это означало, что она не была на мне.

Это означало, что она меня не раздавила!

Я искала тяжелый предмет, прижавший меня к полу. Тейлон посмотрел вниз, его ярко-голубые глаза расширились от страха. Тейлон оттолкнул меня в сторону. Тейлон приземлился на меня сверху.

Не люстра.

— Что ты здесь делаешь? — ахнула я.

— Спасая тебя, — выдохнул он. — Снова.

Я хлопнула его по плечу.

— Мне не нужно, чтобы ты меня спасал! — он отполз назад и протянул руку. Я не могла ему поверить! — Где ты был? Я гнила в своей комнате, а от тебя не было ни слова! Как ты

мог уйти...

Два пальца на мгновение прикрыли мой рот, когда монархи начали просачиваться в холл.

— Что случилось? — спросил Тирн.

— Расслабься, Тессана, — прошептал Тейлон. — Позволь мне говорить.

Я закатила глаза. Потому что это всегда так работало у меня в прошлом.

— Люстра упала, Ваше Величество, — указал один из охранников.

— Я вижу это, идиот, — прорычал Тирн. — Но как она упала? Посмотрите на этот беспорядок, — Тирн перевёл взгляд на меня. — Что ты здесь делаешь? Ты имеешь к этому какое-то отношение?

Тейлон встал передо мной.

— Её почти стерло в порошок, — решительно заявил он. — Если бы меня не было здесь, чтобы вмешаться, она была бы расплющена под ней. Если бы я не знал её лучше, то поверил бы, что её подставили. Кто-то не хотел, чтобы она сегодня предстала перед судом.

Взгляд Тирна сузился.

— Ты хочешь сказать, что люстра пыталась её убить?

Челюсть Тейлона дрогнула.

— Я говорю, что шнур от люстры был перерезан кем-то, *кто* пытался её убить.

Тирн посмотрел на меня.

— Почему ты была в коридоре? Почему ты не позволила охранникам сопроводить тебя внутрь?

— Мне сказали подождать снаружи, — ярость внутри меня взорвалась. — Ваши охранники приказали мне ждать прямо там, прямо под люстрой.

Тирн повернулся к Креншоу.

— Это правда? Ты сказал ей подождать?

Креншоу пожал плечами.

— Мне нужно было сообщить герольду, что она здесь. Я не знал, что люстра упадет. Как я мог знать такое?

Тирн кивнул.

— Это не был несчастный случай, — настаивал Тейлон. — Это была подстава. Кто-то пытался её убить!

— Это ты так говоришь, — спокойно ответил Тирн. Его холодные глаза снова встретились с моими. — Ты видела здесь кого-нибудь?

Я прикусила губу и боролась с правдой. Я видела птицу. Но вряд ли этого было достаточно, чтобы кого-то осудить.

— Я никого не видела.

— Значит, это был несчастный случай, — заявил Тирн. Он указал на потолок. — Посмотрите, где оборвалась верёвка. Эта люстра слишком тяжёлая, чтобы кто-то мог поднять её или самостоятельно с ней справиться. Если бы кто-то перерезал шнур, то сделал бы это с того места, где она была привязана к якорю, — он указал на стену, где на самом деле шнур был прикреплён к застёжке. — Но человеку нужна лестница, чтобы добраться до потолка. Я не вижу никаких лестниц, — он снова посмотрел на меня. — А ты видишь? Или, вернее, ты видела?

— Нет, — проворчала я. — Там не было лестниц. Но я услышала щелчок. Что-то оборвало шнур.

— Или он был старым и разорвался сам по себе, — предположила Раванна. Её холодные чёрные глаза встретились с моими, и она пробормотала. — Как жаль.

Она имела в виду несчастный случай? Или что меня не убили? Она повысила голос, чтобы её слышали другие монархи, и сказала:

— Похоже, что наша предполагаемая принцесса притягивает трагедию, куда бы она ни пошла.

— Или всегда избегает её, — ответила я.

Её глаза сузились, и она провела языком по передним зубам, оценивая меня.

— Думаю, время покажет.

Ещё одна люстра упала на пол в середине следующего коридора. Вокруг меня раздались крики, и королевские стражники накрыли монархов своими телами.

После того, как грохот прекратился, и зрители перестали кричать, король Барстуса Максим воскликнул:

— Вытащи нас из коридора, Тирн, пока кто-нибудь не умер!

Тирн выпрямился во весь рост, стряхивая с себя Креншоу, который пытался накрыть тело моего дяди своим собственным.

— Да, я думаю, что это хорошая идея. В свете того, что произошло сегодня утром, мы переносим Конандру на другой день. Утром мы заслушаем последних свидетелей и заключительные аргументы. Ужин будет подан сегодня вечером в большом зале с последующим развлечением.

Я стояла, не в силах вымолвить ни слова, пока монархи поднимались и расходились по своим углам дворца. Пока я буду заперта в своей комнате, беспокоясь о завтрашнем исходе, они будут наслаждаться развлечениями?

Кто-нибудь из них воспринимал это всерьёз?

Мои мысли, должно быть, были написаны на моём лице, потому что Хьюго и Анаталь подошли ко мне. Анаталь положила свою дрожащую руку мне на плечо, её голубые глаза блестели от беспокойства.

— С тобой всё в порядке? — спросила она.

— Я в порядке, — ответила я. — Я немного потрясена, но Тейлон спас меня от худшего.

Тейлон наклонился и прошептал:

— Это было рассчитано, отец. Я не знаю как, но я знаю, что это было запланировано.

Она была здесь одна. Ни одного охранника в поле зрения.

Хьюго воспринял эту информацию с каменным выражением лица. Наконец, он повернулся ко мне и сказал:

— Не беспокойся об этом сегодня вечером. Тирн, очевидно, надеется отвлечь нас от фактов суда, но я говорил с несколькими монархами, которые тебе верят. Я не знаю, можем ли мы рассчитывать на их завтрашний голос, но я знаю, что ты проделала очень хорошую работу, раскрыв свою истинную личность.

— Спасибо, — прошептала я.

— Девочка! — рявкнул на меня Креншоу.

Я устало вздохнула.

— Иди, — подбодрил Хьюго. — Завтра Тейлон даст показания и предъявит корону. После этого не будет никаких сомнений.

Я неуверенно улыбнулась в ответ. Это была хорошая новость. До тех пор, пока я могла

рассчитывать на появление Тейлона.

— Ну же, *Самозванка*, — прорычал Креншоу. — У меня нет целого дня.

Я закрыла глаза и сказала Трескинатам:

— Завтра я прикажу, чтобы его выпороли.

Мрачный смех Тейлона контрастировал с ужасом во взглядах его родителей. Я кивнула на прощание и повернулась к Креншоу.

Его жестокая улыбка растянулась на лице с новой силой. Что-то сделало его особенно счастливым, и если бы мне пришлось гадать, я бы поспорила, что это была моя близость к знакомству со смертью.

Остальная часть моей гвардии осталась, чтобы обеспечить дополнительную защиту для испуганных монархов. По мере того, как мы удалялись всё дальше и дальше от главного коридора, нервы начали покалывать мою кожу. Я не доверяла этому человеку.

Он свернул в тёмный коридор, и я поняла, что мы возвращаемся в мою комнату другим путем, чем пришли. Ледяной пот выступил у меня на поясице.

В этой части замка было меньше света. Коридоры были заполнены тёмными нишами, которые скрывали статуи мёртвых королевских особ и памятники Свету. У меня задрожали руки, и я уже решила, что Креншоу собирается убить меня, когда кто-то окликнул его сзади.

Креншоу выругался и повернулся, чтобы встретить товарища-охранника.

— У меня приказ, — сказал тот.

Креншоу повернулся ко мне.

— Оставайся здесь, — приказал он.

Я невинно кивнула. Креншоу бросил на меня последний предупреждающий взгляд, прежде чем последовать за другим охранником в конец коридора. Когда они исчезли, я обернулась в надежде найти что-нибудь, что можно было бы использовать в качестве оружия на случай, если мне понадобится защитить себя.

Я пошла дальше по коридору, беспокоясь о том, что можно спрятать в складках юбок. Если Креншоу действительно такой ненормальный, каким я его считала, он не упустит такой возможности, пока я одна.

Вспышка света привлекла моё внимание. Она танцевала в конце коридора, поблескивая в темноте. Мои пальцы похолодели, когда я поняла, что там нет свечи.

Я моргнула, надеясь, что она исчезнет. Когда этого не произошло, я погналась за жутким свечением, не в силах подавить свое любопытство. Казалось, оно ждало меня, повиснув в воздухе. Как раз в тот момент, когда я была достаточно близко, чтобы протянуть руку и коснуться его, свет погас. Мой вздох прервался при звуке другого голоса.

— Я пытаюсь!

Я замерла, схватившись за юбки, чтобы они не шуршали по полированному мрамору.

— Конечно, я не упущу шанс, — шёпот снова прорезал воздух.

Он раздался из-за угла. Я на секунду закрыла глаза и попыталась отговорить себя от подслушивания, но мои ноги начали двигаться, прежде чем я дала им разрешение.

Довольно скоро я оказалась в углу коридора, почти погруженного в темноту.

— *Конечно*, я не планировал этого! — возразил шёпот. — Я не знал, что она всё ещё жива, иначе я бы давно позаботился об этом.

Я выглянула из-за угла. Мой дядя стоял там, рядом с запачканным окном, которое было закрыто тяжелыми тёмными шторами, как и все другие окна в этом коридоре. Но я не могла видеть другого человека. Он повернулся лицом к окну и плечом отодвинул занавеску.

— Я пытаюсь, — прошипел он. — У меня есть план. Если завтра всё пойдёт не так, как я ожидаю. Я спрашивал...

Я ахнула, когда этот знакомый щёлкающий звук раздался с подоконника. Дядя развернулся, но я уже нырнула за угол.

Я побежала обратно в то место, где должна была ждать Креншоу. Моё сердце бешено колотилось, пока я ждала, когда появится мой дядя и спросит, что я делаю в этой части замка и что я слышала.

Что я видела.

Но я не могла ему ответить. Я не знала, что видела. Креншоу позвал меня в конце коридора, и я поспешила к нему. Несколько минут назад я беспокоилась о том, что он сделает со мной, если мы останемся наедине, но теперь он, как всегда, проводил меня в мою комнату.

И всё это время я прокручивала в голове тот образ тёмного коридора. Мой дядя наклонился к окну, делясь секретами с птицей.

Мой дядя разговаривал с птицей.

С вороном.

Либо он сошёл с ума.

Или за последние восемь лет произошло больше, чем я знала.

ГЛАВА 28

Время тянулось медленно, словно улитка. После утреннего волнения мой день состоял лишь из того, чтобы смотреть на огонь. А вечер — из того, что Матильда проклинала мои волосы и не делилась никакими полезными сплетнями. Ночь растянулась в бесконечные часы бессонницы.

Я продолжала вспоминать грохочущую люстру, сокрушительную силу, которая могла бы убить меня. Как была перерезана веревка? Действительно ли это была птица?

А как насчет этого странного бестелесного света?

Был ли мой дядя каким-то образом в сговоре с воронами?

Платье Раванны Пресидии в первое утро Конандры всплыло у меня в голове. Длинные черные перья, сложенные вместе, чтобы получилась юбка. Может, это были перья ворона? Можно ли было с натяжкой объединить эти факты?

Я повернула голову на подушке, пытаюсь найти удобное положение. Чего мне не хватало?

Я не замечала воронов днём, пока река не вернулась в Хеприн. Но в каждом из моих кошмаров кто-то сидел на подоконнике. Я закрыла глаза и попыталась вспомнить, что было до того, как убили моих родителей. Была ли тогда Элизия полна воронов?

Я вспомнила страницу с вороном в языческом томе, который показывал мне отец Гариус.

Мне нужно было снова увидеть книгу. Мне нужно было найти кого-то, кто мог бы прочитать её мне. Но где во всём королевстве я найду человека, готового признать, что он может читать по-язычески? Кроме того, где я найду слова, которые необходимо прочитать?

Где сейчас книга моей матери? Неужели Тирн нашёл её? Сжег её? Была ли она всё ещё спрятана в её комнатах?

Я шлёпнула рукой по одеялу. Я не могла припомнить, чтобы когда-либо испытывала

такое разочарование. Кто-то пытался убить меня, и хотя было легко поверить, что этот кто-то был моим дядей, существовала также история с птицами. Даже мой дядя отвечал им.

Кто управлял воронами?

Мой усталый взгляд упал на окно. Я не потрудилась задёрнуть шторы.

Звёзды мерцали. Прохладный ветерок раскачивал деревья.

Мой пульс подскочил, когда отражение скользнуло по стеклу. Я дико оглядела комнату и задержала дыхание, чтобы прислушаться к лишнему шуму. Но не было ничего, кроме шумного дыхания Шиксы и потрескивания огня.

И всё же я не могла избавиться от ощущения, что за мной наблюдают. Я встала на колени и потянулась за мечом, который лежал под подушками в конце кровати. Моя рука нащупала рукоять и обхватила знакомый кожаный переплет.

Свет от огня бросал блики на оконное стекло, но я всё ещё могла видеть размытые очертания чего-то. Я выскользнула из постели, не издав ни звука.

Подойдя к окну, я заметила, что задвижка не заперта. Как это случилось? Наклонившись вперёд, я подняла свой меч и приготовилась к худшему. Я рывком распахнула окно и наклонилась к карнизу.

Человек, который шпионил за мной, прижался к внешней стене маленького балкона, как будто мог спрятаться. Я твёрдой рукой приставила меч к горлу незваного гостя.

— Покажись, — прорычала я.

Две руки подняты в знак капитуляции.

— А если я этого не сделаю?

Голос был знакомым, но паника помешала мне узнать его.

— Я перережу тебе горло от уха до уха, — я выглянула из-за стены. — Очевидно.

— Ты настоящий кошмар, — объявил Гантер Крешник. — Я только что чуть не обмочился.

Я отступила назад, чтобы он мог посмотреть мне в лицо, но не выронила меч. Его руки остались в воздухе, самодовольная улыбка искривила его губы.

— Значит, ты здесь, чтобы убить меня? — спросила я. — Потому что это будет нелегко. Я обещаю тебе это.

Он шагнул через открытое окно на подоконник. Я была вынуждена отступить, чтобы сохранить свою позицию. Хотя теперь, когда он возвышался надо мной, я чувствовала себя менее властной, даже если он не вытащил свой меч.

— Я тебе верю, — ответил Гантер. Он сделал шаг с украшенного оборками места и с громким стуком приземлился на пол.

Гантер был одет в чёрную кожу с головы до ног. У него были растрёпанные волосы, грязные руки и угрожающее лицо. Я не знала, что делать с ним или с его внезапным появлением. Я не знала, что Гантер знает, где меня искать. Или почему он это знал.

— Я закричу, — пригрозила я. — Сейчас ворвутся стражники. Ты будешь в меньшинстве.

Он взглянул на Шиксу, которая подошла к краю кровати, её шерсть встала дыбом, а уши встали торчком.

— Я и так в меньшинстве.

— Почему ты здесь, Гантер Крешник? Как ты меня нашёл?

Его взгляд вернулся ко мне.

— Ни для кого не секрет, что ты здесь. Вся держава говорит о Потерянной Принцессе.

найденной наконец-то.

— Не в Сарасонете, — прорычала я. — Я имею в виду здесь, — я махнула свободной рукой в сторону кровати. — В этой комнате?

— Ой, — он улыбнулся мне. — Это тоже не секрет.

Я глубоко вздохнула и попыталась успокоить свои нервы.

— Значит, мой дядя заплатил тебе? Сколько стоит моё убийство? Сколько я стою?

Его улыбка исчезла.

— Боюсь, довольно много. Награда за твою голову — самая высокая, какую я когда-либо видел.

Меня пронзил ужас. Я ещё не думала, что буду бояться убийц.

— Итак, ты здесь, чтобы убить меня. Правда?

— Тесс, — сказал он вместо этого. — Если бы я хотел убить тебя, ты была бы уже давно мертва. Это было достаточно очевидно. Мои люди узнали, кто ты, как только увидели тебя. Армия Аррика была не такой сообразительной, но они никогда такими не были.

Я уставилась на него, мой меч дрогнул.

— Подожди, ты хочешь сказать, что знал, кто я, ещё в Теновии? Ты знал, что я принцесса?

Он прищёлкнул языком.

— Не просто принцесса, Тессана Аллисанд. Именно та принцесса. И я понял это ещё до того, как мы встретились лицом к лицу. Ещё до того, как я тебя увидел. Это подтвердилось только тогда, когда мы встретились.

— Но... Но как?

— Аррик Вестновиан, конечно. Он послал всадника, прося меня об одной простой услуге. Видишь ли, у нас есть связи по всей державе. Слухи распространяются быстро, когда ты Каволианец. Аррик попросил меня проверить твою историю, выяснить, не покидали ли девушка и монах-послушник монастырь, чтобы отправиться в Элизию. Так я и сделал. Я узнал правду. Твоё Братство может и не говорить, но деревни на Холмах Гейна не затыкаются. Но к тому времени, когда мы догнали тебя в Теновии, Аррик уже знал правду.

Я глубоко вздохнула и уловила запах тех экзотических кавольских специй, которые каким-то образом проникли в мой сон прошлой ночью. Мой взгляд заострился, и меня охватило новое чувство недоверия.

— Ты всё ещё не ответил на мой вопрос. Почему ты здесь? Сейчас? Аррик прекрасно знает, где я нахожусь.

Он медленно покачал головой, словно удивляясь, что я сама не сложила все эти кусочки вместе.

— Именно поэтому. Пока Аррик не может быть здесь, я должен. Кто-то должен защитить принцессу.

— Ты здесь, чтобы защитить меня?

Он пожал плечами.

— Ещё одна услуга для Аррика. Мне нравится их коллекционировать. Когда-нибудь это сослужит мне хорошую службу.

— Где он? Почему он сам не может быть здесь?

Гантер, почувствовав, что угроза, которую я представляла, миновала, подошёл к огню и повернулся ко мне спиной.

— Не могу сказать.

Я обнаружила, что мой меч опустился без моего разрешения. Очевидно, я больше не считала Гантера опасным.

— Не может или не хочет?

Он оглянулся на меня.

— И то, и другое.

У меня вырвался какой-то звук.

— Тогда от кого ты меня защищаешь? Много ли убийц скрывалось сегодня за пределами дворца?

Он потянулся к огню, позволив своим рукам оказаться в тепле.

— Не всегда нужно беспокоиться об убийцах извне.

— Теперь это то, что я уже знаю. В этом дворце есть много людей, которые хотели бы получить мою голову. Как ты защитишь меня от них?

Гантер резко обернулся, от него исходил гнев. Я оскорбила его чувство долга.

— За то короткое время, что ты дала о себе знать, тебе удалось собрать огромное количество врагов, принцесса. Я сделаю всё возможное, чтобы защитить тебя от тех, кого я вижу. Но ты тоже должна внести свой вклад. Есть те, кого я не вижу. Те, кто может добраться до тебя раньше, чем я. Ты не беспомощна. Или, скорее, ты *не можешь быть* беспомощной. Пойми, что ты натворила, сделав свою личность известной, и какую цену ты должна заплатить за королевство, которым хочешь править.

Я фыркнула.

— Я готова. Не сомневайся во мне.

Его взгляд метнулся к моему мечу.

— Я бы и не мечтал об этом.

Между нами повисло напряжённое молчание. Не зная, что ещё сказать, я спросила:

— Значит, ты будешь там каждую ночь?

Он кивнул.

— До тех пор, пока ты остаёшься в резиденции. Если только меня не позовут в другое место.

Я предположила, что это всё, о чём я могла его попросить. Я не знала Гантера и, безусловно, не доверяла ему, но не могла отрицать, что чувствовала себя в большей безопасности, когда он наблюдал за мной с балкона.

— Спасибо, — сказала я ему. — За то, что присматриваешь за мной.

— Как я уже сказал, это только одолжение для Аррика, — он опустил голову. — Я тоже должен поблагодарить тебя.

— За что?

— За возвращение в Элизию. За то, что принесла с собой Корону Девяти. За то, что была достаточно храброй, чтобы встретиться лицом к лицу с Конандрой.

Я не могла найти слов, чтобы ответить. Я не знала, что думать о благодарности Гантера, и заслужила ли я её.

— Посмотрим, к чему это приведёт, — наконец призналась я. — Я могу провести остаток жизни в тюрьме.

— Они тебе поверят, — он быстро поправился. — Они уже тебе поверили.

Я долго смотрела на него, прежде чем спросила:

— Откуда ты знаешь?

Его улыбка была полна озорства и очарования.

— Потому что так много людей хотят твоей смерти. Если бы ты была самозванкой, никому не было бы дела до того, жива ты или умерла. Но кто-то готов потратить исключительно большую сумму денег, чтобы убедиться, что твоя жизнь закончится. Это самый правдивый вердикт, который я когда-либо слышал.

— Это мой дядя? — поспешила я спросить. — Это он предлагает награду?

Гантер покачал головой.

— Нет. Из того, что я узнал, деньги не имеют королевских связей.

Я не знала, почувствовать ли мне облегчение или ещё больший страх. Я оглянулась на Шиксу. Без всякой угрозы она растянулась на краю моей кровати и снова засопела.

Когда я снова посмотрела на Гантера, он уже вернулся за окно.

— Спокойной ночи, Тесс из Хеприна, Элизии и Короны Девяти. Без сомнения, мы ещё встретимся.

Я кивнула.

— Без сомнения.

— Оставь окно незапертым, — приказал он. — На случай, если я тебе понадобится.

— Хорошо.

Он исчез, превратившись в скрытую тень у стены, где я больше не могла его видеть. Я подошла к окну, не зная, что делать с замком.

Мои пальцы чесались дотянуться и закрыть окна, но инстинкт подсказывал, что Гантер здесь не для того, чтобы причинить мне вред. Он говорил правду.

Поэтому я оставила окно незапертым, но задернула шторы. Я прыгнула обратно в постель, подхватив по пути Шиксу. Вернула меч в тайник и спрятала себя и своего лисёнка под одеялом.

Прошло несколько часов, прежде чем я, наконец, заснула. Я не могла не волноваться из-за новой информации, которой поделился Гантер.

Люди хотели моей смерти.

Тейлон попросил Гантера присмотреть за мной.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь, несмотря на обстоятельства. Когда я закрыла глаза, то представила Тейлона.

Впервые за всё время, сколько я себя помнила, мне не снились мертвецы. Вместо этого мне снился Тейлон и время, проведённое вместе на скалах.

ГЛАВА 29

— Что бы ты сделала, если бы тебе позволили стать королевой? — вопрос исходил от короля Арамора, Хенрика Гарстона.

Это был первый раз, когда было признано, что я всё же могу быть той, за кого себя выдаю. Хенрик был примерно того же возраста, что и мой отец. Мой дядя, казалось, благоволил ему, что заставило меня сразу же не доверять ему. Но его вопрос казался честным. Открытым.

Хороший ответ ускользнул от меня, поэтому я позволила инстинкту вести меня.

— Я бы стремилась править, как мой отец. И его отец до этого. Как и все сто королей, которые были до меня. Я буду править справедливо. Честно. Твёрдой рукой, но внимательным ухом. Я буду работать над тем, чтобы вернуть процветание в державу и снова объединить девять королевств в единой цели. Наконец, я уничтожу угрозу Кольца Теней.

Раванна из Блэкторна наклонилась вперёд, положив тонкий локоть на колено. Сегодня её помада была чёрной. Такой чёрной, что искажала цвет её зубов и кожи.

— Это слишком громкие слова для такой крошечной девочки, — я выдержала её взгляд. — Но что, если Кольцо Теней не склонно уходить? Что, если вместо того, чтобы позволить тебе выиграть войну, в которой ты ничего не смыслишь, они уничтожат твои армии? Заберут твоё Соединённое Королевство и всех благонамеренных людей, возлагающих свои надежды и доверие на ребёнка, и сожгут их дотла? Что же тогда, Королева Державы? Когда у тебя не останется армий, чтобы сражаться в твоих кровавых битвах, как ты защитишь девять королевств?

— Мои армии не падут, — заявила я, но мои слова казались пустыми и слабыми. Её вопросы были жестокими, но справедливыми. И я не могла не чувствовать её сомнений. Тем не менее, со всей бравадой, на которую я была способна, я сказала. — Армии державы сражаются с честью и достоинством. Я видела Кольцо Теней. Я видела, как они мучают женщин и детей и нападают на беспомощные деревни, которые не могут защитить себя. Если они так искусны в бою, как утверждают, почему бы им не перенести эту войну на Элизию? Они не так сильны, как кажутся. И всё же каждый день, когда мы ничего не делаем, чтобы остановить их, их становится всё больше. Мы должны вмешаться как можно скорее, иначе будет слишком поздно. Мы должны покончить с этим сейчас, прежде чем наши армии окажутся в меньшинстве, а наши деревни превратятся в трупы и пепел.

— Где ты их видела? — потребовал король Максим из Барстуса. — Как ты стала свидетелем их уничтожения и выжила, чтобы рассказать об этом?

Я сама загнала себя в ловушку и поняла это слишком поздно. Стараясь, чтобы мой голос звучал твёрдо, я попыталась избежать пробелов в своей истории.

— Как я уже объясняла, я прибыла из Хеприна. За последние пару месяцев я многое видела в восточной части державы. Достаточно, чтобы понять, какую опасность представляет Кольцо Теней.

Тирн издал горлом какой-то звук.

— И всё же ты до сих пор не объяснила, как стала свидетелем опасности Кольца Теней и оказалась здесь сегодня. Живой. Подробности твоего путешествия всё ещё туманны. Признайся во всём, или мы будем вынуждены закончить Конандру без суммы фактов, — он многозначительно посмотрел на меня. — Что не сулит тебе ничего хорошего.

Я хотела закатить глаза, но не сделала этого. Сегодня утром Конандру созвали первым делом. Матильда в панике ворвалась в мою комнату. Последние две ночи я была измучена бессонницей.

Тирн каждый день менял время. Либо я не была готова к началу, либо день тянулся и тянулся, прежде чем они выводили меня из моих комнат.

Я также не видела Тейлона с тех пор, как он спас мне жизнь. Вчера он должен был представить Корону Девяти, но его не вызвали в свидетели. Несмотря на заявления моего дяди, что вчерашний день будет последним днём суда, сегодня утром мы возобновили работу.

Сегодня Тирн объявил, что Конандра сделает вывод, несмотря ни на что, что правители примут свои окончательные решения. Так или иначе, я получу ответ к ужину.

Так что, возможно, Тирн был прав. Чем больше информации они собирали, тем больше у меня было шансов. Я прочистила горло и высоко подняла голову.

— Во время моего путешествия я случайно столкнулась с армией повстанцев. Мы

заклучили своего рода перемирие. Они помогли мне в моём путешествии и защитили меня от Кольца Теней.

Крики "Армия повстанцев!" эхом разнеслись по комнате. Члены королевской семьи и их придворные полагали, что мятежники так же плохи, как и Тени.

Часть меня хотела немедленно осудить мятежников. Если бы я приняла мнение совета, то разговор об армии повстанцев мог бы быть коротким. Я могла бы преувеличить ту часть истории, где они заключили меня в тюрьму, и обрисовать армии Теновии и Соравалья так, словно они спасли меня от большого вреда. За исключением того, что честность никогда не позволит мне уйти с этим.

Я должна была быть честной с ними, сохраняя тайну личности Тейлона.

— Они спасли мне жизнь, — поклялась я совету. — И я видела, как они спасли деревню от пожаров, которые убили бы сотню теновианцев. Пожаров, созданных Кольцом Теней. Я была свидетелем того, как они спасли купеческую семью. Несмотря на то, что вы думаете об армии повстанцев, они делают хорошие вещи в державе. Часто они вмешиваются, когда королевской армии приказано ничего не делать. Они сражаются за королевство, когда никто другой этого не делает.

Король Ворестры, Акио Баяни, рассмеялся.

— Ты заступаешься за армию повстанцев?

— Я просто предполагаю, что они не так плохи, как Кольцо Теней, и что моё время с ними не было скомпрометировано никакими проступками. На самом деле они увезли меня так далеко на запад, как только смогли, прежде чем вмешалась армия Соравалья.

Голова Тирна резко повернулась к Хьюго.

— Армия Соравалья знала, что ты в пути? С Коронай?

— Нет, — возразила я. — Они наткнулись на меня совершенно случайно.

— Тогда кого они искали? — спросил Тирн.

— Меня.

Голос прорвался сквозь болтовню в комнате и ударил меня прямо в спину. Прямо в позвоночник.

Тейлон Трескинат, наследный принц Соравалья.

Аррик Вестновиан, Мятежный Король.

Я смотрела только на Тейлона, когда он протискивался мимо охранников и членов суда. Одетый во все чёрное, с привычным плащом, застёгнутым на шее, он больше походил на командора повстанцев, чем на королевскую особу.

Он провёл рукой по своим растрёпанным волосам, но это не помогло укротить пряди. Мой взгляд упал на его покрытые грязью ботинки.

Где он был? Неужели он только что приехал?

— Ну что ж, Хьюго, ваш свидетель, наконец, прибыл после того, как задержал суд почти на три дня.

Обвинения Тирна только подогрели моё любопытство. Я оторвала взгляд от Тейлона, чтобы увидеть реакцию совета.

— Простите нас, Ваше Величество, — вмешался Тейлон. Он отвесил низкий поклон. — Мы были бы здесь днём раньше, если бы нас не задержали у стены ваши охранники. По какой-то причине у них сложилось впечатление, что меня не следует пускать обратно.

Лицо Тирна покрылось красными пятнами.

— И всё же ты здесь. Должно быть, в конце концов, они пришли в себя.

Улыбка Тейлона сверкнула обещанием.

— Боюсь, они слишком легко поддаются влиянию золота. За нужную сумму, смею сказать, они пропустили бы любого через ворота.

Тирн хлопнул ладонью по подлокотнику трона.

— Здесь судят не моих стражей, Тейлон Трескинат. Есть ли смысл в твоём присутствии?

Взгляд Тейлона метнулся ко мне.

— Безусловно, есть.

Одинокая бабочка скользнула по моей груди.

— Тогда выкладывай, принц, — потребовал дядя. — Конандра достаточно долго тянула.

— Согласен, — сказал Тейлон.

Он отступил в сторону, и к нему присоединились ещё двое мужчин. Двое мужчин, которых я сразу узнала. Гантер Крешник и Эрет, один из командиров Повстанческой армии.

Что он делает? Если Тейлон выдаст себя за командора мятежников, Тирн повесит его за анархию и преступления против короны.

— Мои помощники, — продолжал Тейлон. — Это Эрет Гримсейер, командующий армией повстанцев, — собравшаяся толпа взорвалась негодованием. Тейлон заговорил громче. — И Гантер Крешник, лидер Каволии.

Голоса становились всё громче. Люди кричали на гостей Тейлона, обзывая их всевозможными нечестивыми именами. Даже монархи поднялись со своих мест, одинаково испуганные и разъярённые.

— Молчать! — взревел Тирн. Он не стал ждать повиновения, прежде чем сказал: — Тебе лучше иметь вескую причину для того, чтобы привести этих наёмников в мой дворец, принц Соравалья, или я обвиню вас всех в преступлениях, связанных с подстрекательством к мятежу.

Когда стало достаточно тихо, чтобы его можно было слышать, Тейлон объяснил:

— Члены совета, вы спросили Тессану Аллисанд, как ей удалось выжить в пути от Хеприна до Элизии. Но вы не спросили, почему человек, путешествующий в одиночку по трём мирным королевствам, должен выживать.

Правители выразили свое несогласие, но Тейлон поднял руку и продолжил:

— Вы правы. Это тема для другой встречи. Правда в том, что Тессана была бы в опасности, независимо от того, были ли наши дороги безопасными или нет, просто из-за её родословной и из-за короны, которую она носила с собой. По провидению Света, я оказался в Кровавом Лесу в то самое время, когда она бродила по нему.

— Без ведома Места Силы я работаю с Каволией уже больше года. Сораваль считает, что Каволия станет бесценным активом и союзником, если Кольцо Теней продолжит расти. И Каволия сотрудничала с повстанцами в попытке очистить Теллеканский Лес от присутствия Кольца. Тессана наткнулась как раз на встречу между Каволией и повстанцами. Я сразу узнал её. Как уже говорилось, она была моей невестой в детстве, и я помог ей сбежать из замка в тот день, когда была убита её семья. Зная, что она не умерла, я потратил большую часть из восьми прошедших лет на её поиски. Кроме того, на ней был кулон, который я подарил ей в детстве. Я убедил Армию повстанцев и Каволию защищать её, пока мы не доберемся до Соравалья. Что они и сделали.

Взгляд Тирна сузился.

— Если я поверю тебе на слово, то ты говоришь совету, что ты, по доверенности

Сораваля, работал с двумя заклятыми врагами короны, чтобы пойти против приказа державы не вступать в бой с Кольцом Теней?

Тейлон не дрогнул.

— Да.

Грегор, король Хеприна, усмехнулся и спросил:

— И это должно помочь её делу?

Тейлон вздёрнул подбородок и расправил плечи.

— Насколько я понимаю, Тессану судят не за её связь с преступниками или повстанцами. Насколько мне известно, Конандру вызвали, чтобы убедиться, что она та, за кого себя выдает. Я ошибаюсь? — когда никто ничего не сказал, Тейлон продолжил: — Я свидетельствую, что это действительно Потерянная принцесса. Восемь лет назад я помог ей сбежать из замка Экстенции после того, как мы нашли её семью убитой. И всего несколько месяцев назад я воссоединился с ней в лесу Теллекан. Она знает то, что могла знать только Тессана — о своём побеге, о нашей истории, обо мне. Тессана не раз рисковала своей жизнью, чтобы принести Корону Девяти сюда, в её признанное место силы. Оказавшись здесь, она принесла её своему дяде. И когда начались разговоры о войне, Тессана созвала Конандру. Она могла допустить войну. Она могла бы просто потребовать, чтобы те, кто верен Короне Девяти, свергли нынешний режим. Но она этого не сделала. Она добровольно пошла на суд, где её не уважали, лгали и плохо обращались с ней. И всё же её показания не поколебались, — Тейлон сделал паузу, позволяя совету и толпе переварить его доводы. Когда он снова заговорил, его голос понизился до богатого баритона, в котором звучали властность и убежденность. — Ваши величества, пусть будет услышана правда. Узнайте эту женщину такой, какая она есть на самом деле, — его рука метнулась ко мне. — Истинная наследница Элизийского трона. Тессана Аллисанд.

Совет уставился на Тейлона так, словно у него выросла вторая голова. В тронном зале воцарилась полная тишина. Я улыбнулась. Я ничего не могла с собой поделать. Даже я никогда не была так убеждена в том, что я действительно Тессана Аллисанд.

И я ни разу не усомнилась в своей личности.

Более тихим голосом, чем я когда-либо слышала от него, Тирн сказал:

— Спасибо, Тейлон Трескинат. Мы примем во внимание твои показания.

— Хорошо, — мрачно отрезал Тейлон. — И пока вы делаете это, также подумайте об этом.

Он отступил назад и жестом подозвал Гантера.

Тейлон уже доказал свою точку зрения, даже если он смазал факты и преувеличил мою храбрость. Я не знала, что ещё можно сказать.

Мой рот открылся, когда Гантер опустился на одно колено, лицом ко мне, а не к Тирну. Затем Эрет опустился на колено по другую сторону от Тейлона, прижимая руку к сердцу и предлагая мне высшую форму уважения.

— Мы здесь не для того, чтобы давать показания, принцесса, — объявил Гантер, перекрывая новый крик голосов. — Но предложить верность родословной Аллисанд. Месту силы. Тебе, Тессана Аллисанд, до тех пор, пока ты будешь править, — я покачала головой, не в силах осмыслить открывшуюся передо мной сцену. — Я предлагаю вам свои услуги и свою преданность, Ваше Величество, вместе со всем моим племенем. Каволия снова привержена Месту Силы, пока Тессана Аллисанд и её потомки сидят на троне.

Я почувствовала, как мои глаза фактически вылезли из орбит. Гантер едва знал меня. И

я была уверена, что ему не нравилось то немногое, что он знал.

И всё же он принёс присягу от имени всей Каволии? *Этого не может быть.*

Они были без короля. Не лояльны. Они не сражались ни за одно королевство. Они защищали Каволию, прежде всего.

— Что вы делаете? — спросил Тирн. Он встал и зашагал вниз по лестнице. Его охранники бросились к нему. — Что происходит?

— Точно так же армия повстанцев обещает верность Короне Девяти до тех пор, пока Тессана Аллисанд и её потомки контролируют державу, — подтвердил Эрет. — Мы клянемся сражаться вместе с державой, чтобы уничтожить Кольцо Теней и снова установить мир. Считай, что мы в твоей власти, моя королева.

Надежда росла, и впервые с тех пор, как Конандра началась, я почувствовала возможность победы.

Тейлон так рисковал сегодня. Он поставил на моё имя всю армию повстанцев и Каволию, чтобы совет поверил ему.

И мне.

Суд взорвался шумом. Двое мужчин стояли на коленях, склонив головы, лицом ко мне, пока Тирн не крикнул:

— Это последний из свидетелей. Мы больше никого не услышим! Конандра свободна до тех пор, пока мы не вынесем окончательный вердикт.

Мясистая рука сжала мой бицепс. Отвратительный запах Креншоу наполнил воздух, и он потащил меня к двери. Я попыталась вырваться, но его хватка была слишком крепкой.

Толпа обступила меня, пытаясь рассмотреть поближе. Лица приближались ко мне, руки тянули за одежду и тело, в то время как Креншоу безжалостно вёл нас через толпу. Люди выкрикивали моё полное имя и выкрикивали вопрос за вопросом.

Я искала Тейлона, но теперь на пути было слишком много людей. Я не могла его найти.

— Подожди, — выдохнула я. Я попыталась высвободить руку и освободиться от Креншоу. — Я ещё не готова!

— Больше ждать нечего, — прорычал Креншоу. — Пойдем, *Принцесса Самозванка*, твоя корона ждёт.

Я боролась изо всех сил, пытаясь вырваться, но Креншоу схватил меня за другую руку и наказал за драку, сжав так крепко, что я знала, что у меня будут синяки. Его кислый рот опустился мне на ухо.

— Тсс-тсс, Ваше Высочество. Не устраивайте сейчас сцен. Не тогда, когда от этого зависит твоё будущее.

— Куда ты меня ведёшь? — прошипела я.

Он выпрямился и подтолкнул меня вперёд.

— В твою комнату. У меня есть приказ, который я должен выполнить.

Страх скользнул в моём животе, и я боролась с паникой, царапающей мою грудь. Я не могла игнорировать инстинкт, подсказывающий мне бежать. Как только мы окажемся в холле, подальше от этой толпы людей, я уйду.

Я буду прятаться, пока они не вынесут вердикт. Или найду Тейлона и объясню мои страхи, рациональные или нет. Мы протиснулись в коридор, который оказался на удивление пустым.

— Отпусти, Креншоу, — потребовала я.

К моему удивлению, он так и сделал. Он швырнул меня вперёд. Я пошатнулась, но

удержалась.

Я двинулась, чтобы бежать, когда что-то ударило меня сзади. Я согнулась пополам, схватившись за голову и всхлипывая от слепящей боли.

Мои мысли смешались, когда я попыталась понять, что произошло. Неужели Креншоу ударил меня? Неужели он напал на меня?

Щелчок проник сквозь туман в моей голове. Я знала этот звук. Я слышала это слишком много раз за последние месяцы.

Я попыталась оглядеться, но у меня закружилась голова, и мир закачался из стороны в сторону. Передо мной появилось что-то чёрное. Сначала мне показалось, что я теряю сознание.

Но чёрная масса придвинулась ближе, и тот же щелкающий звук последовал за ней, когда она шла по свежеполированному мрамору.

Ещё один чёртов ворон.

Он стал лучше фокусироваться, и я увидела, как он расправил крылья и бросился на меня. Он открыл свой уродливый чёрный клюв и закричал. Я попыталась заткнуть уши, но было слишком поздно. Звук ударил в мою пульсирующую после предыдущего удара голову.

На этот раз меня охватило бессознательное состояние. Но не как медленное, сочащееся чернильное пятно. Как приливная волна.

ГЛАВА 30

Я очнулась, задыхаясь и хватая ртом воздух. Мои пальцы нашли опору, и я впилась ими в плоть.

В моей голове промелькнули воспоминания. Кровь и смерть. Моя семья. Корона Девяти. Оливер. Хеприн. Отец Гариус. Чёрные Кедры. Мятежный король. Скалы. Поцелуй Суд.

Ворон.

Постепенно ко мне вернулся рассудок, и я поняла, что камень на моём животе — это плечо, а твёрдая штука подо мной — Креншоу. Моя голова была повернута к его спине, а ноги свисали с его груди, где его рука крепко обхватила мои бёдра.

Он наклонился, чтобы повернуть ручку, толкнул тяжелую дверь и вошел внутрь.

В момент паники я схватилась за дверной косяк и удержалась. Он резко остановился, когда моё тело не пошевелилось вместе с ним. Я подняла голову, и мир стал чётким. Это была моя комната.

Креншоу отнёс меня в мою комнату, как и сказал. Так почему же он вырубил меня? Я оглядела коридор в поисках другого охранника. Но там никого не было. Он потянул сильнее, и я вонзила ногти в камень, ломая их, так как отказывалась позволить ему затащить меня внутрь.

Внезапно осознав, что я очнулась и полна решимости дать отпор, он выругался и дёрнул меня так сильно, как только мог. Когда это вновь не сработало, хотя я чувствовала, что мои руки вот-вот оторвутся от тела, он бросил меня на пол.

Я этого не ожидала. Мои колени подкосились, а руки были недостаточно сильны, чтобы удержать меня после усилий зацепиться за дверь. Я неуклюже рухнула на пол, склонившись в сторону выхода.

— Нет, не выйдет, — прорычал Креншоу сзади.

Он схватил меня за волосы и дёрнул назад. Я закричала, вцепившись в его запястье, отчаянно пытаюсь заставить его отпустить.

Он отпустил, перешагнул через меня и закрыл дверь. Замок со щелчком встал на место.

Я лежала в центре комнаты и смотрела на него.

— Что ты делаешь? — потребовала я ответа.

Он возвышался надо мной, скрестив руки на груди, и самодовольная улыбка омрачала его лицо.

— Заканчиваю то, что было начато восемь лет назад, — заявил он.

Я покачала головой, собирая остатки сил и здравого смысла.

— Ты хочешь убить меня, — это был не вопрос.

Креншоу притащил меня сюда, пока остальные в замке ждали, решит ли Конандра, что я просто самозванка или будущая Королева Державы.

Но это не имело бы значения, если бы Креншоу добился своего.

— Они узнают, что это был ты, — пригрозила я.

Его ухмылка исказилась безумием.

— И они поблагодарят меня за это. Они будут почитать меня как спасителя державы. Я освобождаю их от угнетения, которое ты обещаешь, и от войны, которую ты принесёшь.

— Ты ненормальный, — прошипела я. И попыталась, используя локти, отползти от него. — Я собираюсь спасти державу от войны. Не инициировать её.

Он вытащил из-за пояса меч, блестящее серебро сверкнуло в свете огня.

— Однажды мы от тебя избавились. Но ты вернулась. А теперь я отправлю тебя в яму Денамона, из которой ты выползла. Ты понятия не имеешь, какую угрозу таишь в себе. Ты понятия не имеешь, какие планы нарушаешь.

— Какие планы? — прошипела я. — О чём ты говоришь?

Гром раскатился по комнате, сотрясая моё и без того бешеное сердце. Я посмотрела вверх через большое стекло и увидела быстро темнеющее небо.

Чёрные тучи сгустились, закрыв солнце, которое светило всего несколько секунд назад. Молния прорезала горизонт.

Ответное хихиканье Креншоу вызвало у меня мурашки по спине. Он снова завладел моим вниманием. Он поднял меч над моим телом сильными, уверенными руками.

— Тебе придётся спросить призраков твоих родителей. Когда ты встретишься с ними снова.

Он сделал движение, чтобы ударить меня. Я сделала последний вдох, сожалея о своей потраченной впустую жизни. Но вместо смерти появился мой спаситель, белым пятном метнувшись с края кровати на лицо Креншоу.

Он отшатнулся назад, крича от боли, в то время как Шикса вцепилась ему в глаза, кусая его своими теперь уже острыми зубами.

Я вскочила на ноги и побежала туда, где спрятала свой меч под грудой подушек на кровати. Моё сердце сжалось, когда я услышала всхлип и глухой удар о стену. *Шикса!*

Кто-то стучал в дверь. Я могла бы поклясться, что слышала голос Оливера, выкрикивающего моё имя с другой стороны. Я схватилась за рукоять меча и развернулась как раз вовремя, чтобы Креншоу не разрубил мне затылок.

Металл зазвенел о металл, и Креншоу расхохотался, как лающий волк. Я крепко удерживала его, пока не успокоилась. Затем повернулась и парировала удар, толкая его через всю комнату.

— Какой сюрприз! — рассмеялся он. — В ней есть борьба.

Наши мечи встречались снова и снова. Он был почти вдвое больше меня и вдвое сильнее. Каждый раз, когда он наносил удар, я чувствовала его до самых костей. Но меня учили выживать.

Я отскочила в сторону. Паника ворвалась в мои мысли. Я изо всех сил старалась сохранять спокойствие.

— Сдавайся, девочка, — приказал он. — У меня нет столько времени.

— Я бы предпочла не делать этого, большое тебе спасибо.

Его губы изогнулись, обнажив зубы.

— Даже если ты та, за кого себя выдаешь, ты всё равно самозванка. Тебе всё равно не место на Месте Силы. Ты должна была умереть вместе со своим отцом. Он был никчемным королём, а ты будешь никчемной королевой. Ты будешь столь же бесполезным правителем, насколько была бесполезной дочерью!

Его слова ранили меня до глубины души. Я всегда чувствовала себя неполноценной, неудачницей. Смерть моих родителей и братьев была как физическое бремя, которое я повсюду носила с собой. Но мне не понравилось обвинение такой мерзкой змеи, как Креншоу. Я закричала. Прогредел гром, и дверь затряслась, когда кто-то пнул её и начал бороться с ней с другой стороны.

— Твой отец предпочёл видеть только то, что хотел. Он повернулся спиной к своим союзникам. Он плевал на тех, кто помогал ему. Кто помогал державе!

Я понятия не имела, о чём говорит Креншоу. Но что бы это ни было, оно, казалось, придало ему сил. Его меч опустился, и мне едва удалось остановить его, чтобы он не разрезал меня от носа до пупка. Он ухмыльнулся мне с диким, яростным взглядом, взглядом, который перестал видеть реальность, то, что было вокруг него, и полностью сосредоточился на надежде на свой обманутый крестовый поход.

Его вес давил на меня. Я неловко откинулась на спинку стула, мои руки дрожали, чтобы удержать его клинок от поцелуя с моим лицом.

— Твоё место среди призраков, — прорычал он. — Твоё место по ту сторону завесы, где твоя грязная кровь не может помешать её планам.

— Моё место здесь. Моё место в Месте Силы. Не имеет значения, что вы запланировали. Не имеет значения, что вы думаете вообще! Я должна править этой державой, — я оттолкнула его ещё немного. Пот с его лба скатился по носу и брызнул мне на щеку. Сквозь стиснутые зубы я прорычала клятву. — Я должна носить Корону Девяти.

Я толкнула его изо всех сил. Я не могла сравниться с ним в весе, но Шикса появилась снова и бросилась ему под ноги. Его ноги переплелись, и он споткнулся, а она вскрикнула от боли. Он врезался в низкий столик, раздавив его собой, меч выпал из его рук.

Я быстро отбросила его, пнув к стене.

В следующую секунду мой меч был у его горла.

— Я буду королевой, мерзкий ты человек. Ты можешь попытаться остановить меня. Ты можешь попытаться убить меня. Но этот трон принадлежит мне, и я не позволю, чтобы его отнял кто-то столь жалкий, как ты.

Его губы снова скривились в тревожной улыбке. Он отбивался от моего меча, проливая собственную кровь. Она намочила кончик моего клинка и потекла по его шее сбоку.

— Тогда сделайте это, Ваше Высочество. Убей меня. Но прежде чем ты это сделаешь, знай, что моё место займёт сотня человек. А потом сотня армий. А потом и вся держава,

потому что ты не годишься в королевы. Мы никогда не преклоним колена перед кем-то вроде тебя.

— Тогда перед кем?

Он рассмеялся надо мной, горький звук наполнил комнату и мою голову.

— Скоро ты всё узнаешь. Ты узнаешь, когда они придут за тобой. Когда твоё тело протащат по улицам Сарасонета и с твоей грязной головы сорвут твою драгоценную Корону Девяти. Ты узнаешь, когда, наконец, Аллисанды будут уничтожены и держава будет передана истинным...

Окна распахнулись, оборвав его последние слова. Стекло завизжало, ударившись о стены и разбившись. Дождь хлестал по комнате, обрызгивая мою кожу и почти сразу же пропитывая мебель и ковёр.

Я совершила ошибку, повернувшись на звук. Креншоу использовал моё отвлечение в своих интересах.

Он оттолкнул мой меч и вскочил, сбив меня с ног. Я приземлилась на бок, едва удерживая оружие.

Я приготовилась, хотя изо всех сил пыталась встать. Я ждала, что он нырнёт за своим клинком и продолжит наш бой. Вместо этого он прыгнул к открытому окну.

— Это ещё не конец, Королева Самозванка, — пообещал он и бросился телом на подоконник. Он на мгновение замер, словно не зная, что делать. Просто присел на корточки в проёме, его ноги хрустели по битому стеклу, и он устоял на земле, как будто ожидая чего-то, знака или эвакуации, или я не знаю чего.

— Подожди! — крикнула я ему.

Я никогда не собиралась убивать его. Я собиралась передать его моему дяде. Посадить его в тюрьму. Пусть Тирн решает его судьбу.

Но это было смешно. Если он прыгнет с такой высоты, то умрёт. Он вряд ли переживет падение.

— Креншоу, подожди! — закричала я.

Его улыбка растянулась от уха до уха. Дождь хлестал по его лицу и телу, полностью промочив его. Он выглядел совершенно безумным.

— Будь готова, Тессана Аллисанд. Грядёт война.

Дверь в мою комнату с грохотом рухнула, но я смотрела только на Креншоу. Он выпал из окна и исчез из виду.

— Тессана! — крикнул Тейлон.

Я проигнорировала его, предпочитая вскочить на ноги и броситься к окну. Я попыталась высунуться из окна, отчаянно желая увидеть, выжил ли он, когда ворон полетел мне в лицо, хлопая чёрными крыльями и издавая нечестивый звук.

Я замахнулась на него и выругалась себе под нос.

— Ты, проклятая птица!

Он улетел под проливной дождь, словно не замечая грозы или сильного ливня.

Я взглядом обыскивала землю в поисках тела Креншоу. Но там ничего не было. Он исчез.

Сильные руки обхватили меня за талию и потянули назад, подальше от дождя и ветра.

— Тессана.

Я оторвала взгляд от окна и посмотрела в глаза Тейлона.

— Он прыгнул! Ты его видел? Клянусь, он выпрыгнул из окна! Я видела его. Тейлон, он

должен быть там.

Он провёл большим пальцем по моей щеке и кивнул.

— Я видел его. Он там, внизу. Его не видно из-за дождя. Но я видел, как он прыгнул, — я кивнула, прерывистое дыхание сотрясало меня. Охранникам он крикнул: — Креншоу выпрыгнул из окна. Найдите его. И если каким-то чудом он не умер, бросьте его в колодки, чтобы он ждал суда за попытку убить будущую Королеву Державы.

Стражники бросились выполнять его приказ, но я сосредоточилась на Тейлоне и его сапфирово-голубых глазах. Они поддерживали меня, когда всё, что я хотела сделать, это рухнуть на землю и заплакать.

— Как ты догадался прийти?

— Оливер пошёл за тобой, когда увидел, что Креншоу несёт тебя по коридору. Он знал, что что-то не так.

Я дышала ровнее.

— Спасибо за это... — я не знала, как закончить предложение. Мне и так хотелось поблагодарить его за то многое, что он сделал. — За то, что ты здесь.

— И все же не я спас тебя, — его рука обхватила моё запястье, и он двигал им, пока я не почувствовала вес меча, всё ещё зажатого в моей руке. — Похоже, ты сделала это сама.

Мои губы приподнялись в неуверенной улыбке.

— Я же говорила тебе, Мятежный Король. Братство очень тщательно подходило к моему образованию.

— Как и должно было быть. В конце концов, им было поручено обучать будущую Королеву Державы.

Он говорил это уже во второй раз. Надежда расцвела в моей груди так быстро, как ничего, что я когда-либо чувствовала.

— Что ты имеешь в виду, Тейлон?

Он наклонился, прижавшись своим лбом к моему.

— Совет вынес свой вердикт. Они решили твою судьбу.

Мой кулак опустился ему на грудь. Я знала, что это было, но мне нужно было услышать, как он это скажет.

Его рот широко расплылся в гордой улыбке.

— Ты та, за кого себя выдаешь. Тессана Аллисанд, Потерянная Принцесса, вернулась домой. Ты должна быть коронована, как только всё будет готово. Твоё будущее — это быть Королевой Державы, Тесса. Первая королева, управляющая Местом Силы.

Я закрыла глаза и прижалась к нему, ошеломлённая и вне себя от радости. Горячие слёзы защипали мне глаза, и я едва могла дышать.

— Ты сделала это, Тесса.

Я покачала головой.

— Нет, не в одиночку. Твои показания. Тейлон, ты так рисковал. Я не знаю, как сказать тебе спасибо.

— Тогда не надо. Я сделал то, что нужно было сделать, вот и всё.

Я открыла глаза и отстранилась. Глядя на это красивое лицо, я позволила себе потеряться в этом мальчике, который когда-то спас мне жизнь, который вырос в мужчину, который продолжал спасать мою жизнь и продолжал делать то, что было лучше для девяти королевств.

— Я рада узнать, каким человеком ты стал, — прошептала я ему, чувствуя, как у меня

перехватило горло. — Я рада узнать, что ты такой же великий, достойный и красивый, каким я всегда знала тебя.

— Ты думаешь, я красивый?

Я рассмеялась, эмоции захлестнули меня после всего, что произошло за последние несколько месяцев, и этого объявления, и почти смерти от рук сумасшедшего охранника.

— Честно? — он нетерпеливо кивнул. — В глубине души я думаю, что ты несносен.

Его улыбка погасла, и он посмотрел на дверь. Наше одиночество вот-вот должно было быть прервано.

— Есть ещё кое-что, — настаивал он.

— В чём дело? — страх пронзил мои нервы.

— Твой дядя, — прошептал Тейлон. — Совет продолжит его регентство до твоего двадцать первого дня рождения. Они отдадут тебе державу, но не раньше, чем ты будешь готова к этому.

У меня закружилась голова.

— Король-регент? Но он всё равно будет главным!

— Он должен направлять тебя, Тесса. Он должен показать тебе, как быть монархом и как управлять державой. Он всё ещё Король. Но однажды... — его руки нежно обхватили моё лицо. — Однажды ты станешь Королевой, — уголки его губ мягко приподнялись. — А пока, может быть, ты могла бы и его направить. На путь добра. На путь бесстрашия.

Независимо от того, что произошло до сегодняшнего дня, независимо от того, сколько раз я сталкивалась со смертью или с людьми, которые отказывались признавать мою родословную, этот человек верил в меня.

И я знала, что он самый лучший человек в державе.

Мое внимание привлекло хныканье у моих ног.

— Шикса! — оттолкнувшись от Тейлона, я подхватила своего лисенка и прижала её к своей груди. — О, ты храбрая малышка. Ты в порядке?

Свежие слёзы увлажнили мои ресницы, когда её голова перекатилась с одной стороны на другую.

— Что случилось? — потребовал Тейлон.

— Она спасла мне жизнь, — я посмотрела на него. — Дважды.

Он улыбнулся мне.

— Итак, у нас с лисёнком есть кое-что общее.

Я проигнорировала его.

— С ней всё будет в порядке?

Он ощупал её тело, нежно проводя руками по ней. Через минуту он сказал:

— Она поправится. Она избита. Но не сломана.

Я вздохнула с облегчением как раз вовремя, чтобы Тирн и множество других монархов появились в дверях. Члены королевской семьи вскрикнули, увидев последствия нападения Креншоу, пораженные беспорядком и дождём, всё ещё заливающим мою комнату.

— Что здесь произошло? — спросил Тирн.

Тейлон отошёл от меня и повернулся лицом к совету.

— Ваша охрана, — объяснил он. — Ваш главный стражник пытался убить будущую королеву.

— Креншоу никогда бы этого не сделал, — сказал Тирн. — Ты ошибаешься.

— Оглянитесь вокруг, Ваше Величество, — рискнул возразить Тейлон. — Она едва

спаслась.

— А что случилось с Креншоу?

Я указала на грозу.

— Он выпрыгнул из окна.

Когда на меня посыпались вопросы, я поняла, что теперь Конандра — это моя жизнь, и я всегда буду под судом. Может быть, не в буквальном смысле, но у этих людей всегда будут ко мне вопросы, на которые мне нужно будет ответить, и личность, которую мне нужно будет доказать. Я была не просто будущей королевой Элизии, но Королевой Державы. Мои поиски, наконец, закончились.

Но путь к тому, чтобы стать королевой, только начинался.

ГЛАВА 31

— Ты звал меня? — спросила я, делая неловкий реверанс. По-видимому, я отвыкла от придворных приличий больше, чем первоначально полагала.

Дядя поднял голову от бумаг, которые держал лакей. Выражение его лица выражало нескрываемое презрение, но было ли это из-за моего уродливого реверанса или из-за моего общего благополучия, я не могла сказать. Корона Девяти сидела на его голове.

Но скоро она будет моей.

— Тессана, — пробормотал он. — Я ждал.

— Я осматривала территорию замка. Я понимаю, что твоим охранникам было трудно найти меня.

Он нахмурился.

— Тебе суждено стать королевой. Ты не можешь таскаться там, где тебя никто не найдёт. Ты, как никто другой, должна это знать. Пусть охранники делают свою работу и защищают тебя.

— Да, дядя.

Я казалась покорной и послушной, но на самом деле, я никогда больше не доверю свою безопасность охранникам, даже Элизианским. Не после Креншоу. Не после того, как его тело всё ещё не нашли.

Тирн не поверил мне в тот день, когда это случилось, и он не был ближе к тому, чтобы поверить мне сейчас. Он объяснил отсутствие Креншоу как прискорбное, но не угрожающее. Тирн верил или утверждал, что верит, что Креншоу не мог смириться с мыслью о передаче своей лояльности другому правителю державы, и поэтому он дезертировал.

Я могла согласиться, что Креншоу ненавидел саму мысль о том, что я стану королевой. Но это не было дезертирством. Это было покушение на убийство. Не то чтобы я могла убедить дядю заботиться о таких пустяках, как моя жизнь.

Тем временем мы с дядей заключили нечто вроде негласного перемирия. После вынесения приговора он смирился с моим существованием и перестал угрожать бросить меня в темницу. Но меня это не обмануло. Он не отдал бы мне Корону Девяти по доброй воле. И пока она не будет надёжно закреплена на моей голове, я никогда больше не буду доверять ему.

Я переехала в свою старую комнату, что было одновременно мило и трудно. Она была почти такой же, как и тогда, когда я её покинула. На моей кровати всё ещё лежало то же розовое шёлковое постельное бельё. Мои игрушки были заперты в шкафу, но мебель

осталась прежней. Шторы были те же самые.

Я заказала новые постельные принадлежности и чехлы для мебели, но оставила свои игрушки там, где они были. Однажды я хотела быть достаточно сильной, чтобы пройти через это. Но я надеялась, что мне не придётся проходить это в одиночку.

— Ты что-нибудь слышал о Катринке? — спросила я.

— Пока нет, — вздохнул Тирн. — Но я уверен, что Максим только что вернулся домой. Он пошлёт весточку о твоей сестре, когда найдет время.

За последние три недели я узнала, что Брам тайно переправил Катринку в Барстус в тот же день, когда была убита моя семья, как только королевская гвардия нашла её. Он утверждал, что это было для её защиты, что если бы убийцы знали, что она жива, они бы вернулись за ней.

Мой дядя держал её там, подальше от себя и королевства, которому она принадлежала. Король Максим и королева Олеска с тех пор тайно воспитывали её и, насколько мне известно, не планировали когда-либо раскрывать её личность или существование державе. Было ещё кое-что, о чем они мне не говорили, больше, чем об изгнании и сокрытии Катринки. Но я подожду, пока она не приедет, прежде чем осуждать кого-либо.

Никто, кроме Тирна и королевской семьи в Барстусе, не знал, что она жива, до Конандры. Ну, и Брам Хэвиш, который теперь сидел в тюремной камере после своего появления и показаний на суде.

Мне не разрешали видеться с ним с тех пор, как его заперли. Не из-за отсутствия попыток.

Тирн утверждал, что держал Катринку в секрете по той же причине, по которой я скрывалась, чтобы защитить её. Я не могла ему поверить. Не после всего этого. Но, опять же, я подожду, чтобы решить больше, когда она приедет.

Что касается моей сестры, я с трудом могла поверить, что увижу её снова. Это было всё, о чем я могла думать в эти дни, и возбуждение безжалостно гудело во мне.

Я часто закрывала глаза и представляла, как она выглядит, как выросла, какой женщиной стала. Дядя обещал послать за ней. И я решила, что, если он не сдержит своего обещания, я сама пойду за ней.

Хотя ожидание убивало меня.

Я написала ей письмо, в котором сообщала, как сильно хочу снова быть с ней. Но я просила, чтобы она приехала, только если захочет. Я знала, какое это потрясение — осознавать, что сестра, которую ты считала мёртвой, жива.

— Если у тебя нет никаких известий о Катринке, тогда зачем ты вызвал меня, дядя? — спросила я, когда больше не могла терпеть, что меня игнорируют.

Он снова нетерпеливо вздохнул, но поднял взгляд, чтобы сфокусироваться на мне.

— Я хотел сообщить тебе, что Раванна Пресидия будет жить у нас в качестве моей гостыи. Она любезно согласилась взять тебя в ученицы и научить, как правильно быть королевой.

Беспокойство защекотало мне затылок.

— Но я думала, что ты собираешься это делать?

Я не доверяла дяде, но Раванне доверяла ещё меньше.

Предупреждение Гантера эхом отозвалось в моей голове, как и предупреждение Креншоу, и я знала, что даже после Конандры Корона Девяти всё ещё в опасности.

Тирн невесело рассмеялся.

— А что я знаю о том, чтобы быть королевой? Раванна — единственная королева в державе, которая контролирует своё собственное королевство. И свою собственную армию. Ты должна считать, что тебе повезло с её опекой.

— У меня есть наставники, — напомнила я ему. — И учителя, и наставники, и мастера. Мне не нужны другие.

Его бледно-голубые глаза вспыхнули.

— Тебе действительно нужен учитель. Тебе особенно нужен наставник. И муж. Твой язык двигается без всяких ограничений. Это не к лицу королеве. Когда Раванна закончит с тобой, понадобится мужчина, который поможет умерить твою недалёковидность.

— Муж? — меня вдруг затошнило. Нет, нет, нет, нет, нет, нет.

Он с вызовом посмотрел мне в глаза.

— Да, муж. Совет хочет, чтобы ты вышла замуж как можно скорее. Твоя коронация станет прекрасной возможностью начать искать кого-то подходящего.

— Дядя, ты же не серьёзно!

— Я совершенно серьёзно. У тебя будет муж в течение года, если ты хочешь, чтобы держава воспринимала тебя всерьёз.

— Потому что я королева, а не король? Я не думаю, что у державы будут проблемы...

— Потому что ты не женщина, а девушка. Потому что ты ещё не королева, ты всего лишь принцесса. Та, которая даже не была коронована. Потому что эта держава ищет силы, единства и солидарности, а ты — ребёнок, который бродит по лесу, ни о чём не заботясь, как будто бабочки защитят её от всех тех, кто ждёт, чтобы перерезать ей горло. Если ты хочешь стать королевой этой державы, Тессана Аллисанд, ты должна повзрослеть. Ты должна вести себя как королева. Муж поможет с этим.

Я медленно выдохнула. Мой дядя мог сколько угодно искать мне мужа, но последнее слово оставалось за мной, за кого и когда я выйду замуж.

И это произойдёт не раньше чем через год.

Когда я не ответила, он махнул рукой в сторону дверей.

— Иди, иди. Увидимся за ужином.

Я сделала реверанс в последний раз и отвернулась от Места Силы, которое однажды станет моим.

— Вот ты где.

Я перевела взгляд с моих золотых туфель на самые голубые глаза, которые я когда-либо видела.

— Тейлон.

— Я искал тебя, — улыбнулся он.

— Ты и половина охранников.

— Что?

Я покачала головой.

— Всё в порядке?

— Мне пора уходить, — пробормотал он.

Моё сердце ушло в пятки, и мне захотелось заплакать. Монархи медленно разъезжались в течение последних нескольких недель. Трескинаты были одной из последних семей, оставшихся здесь. Они должны были уехать сегодня.

Мне будет их очень не хватать.

Я уже попрощалась с его родителями, но не смогла найти Тейлона, когда искала его.

— Это довольно странно, не правда ли? — спросила я его. — Мы провели последние восемь лет в разлуке, но на этот раз это кажется более окончательным, чем в прошлый.

Он поджал губы.

— Но это не так. Я вернусь через несколько месяцев на твою коронацию.

Я кивнула.

— Да, я знаю. Мы ещё увидимся.

Моё сердце бешено колотилось. Я была права. Этот раз был более окончательным.

Он возвращался домой, в своё королевство и к своей короне. К своему будущему. И я останусь здесь. С моим королевством. С моей короной. С моим будущим.

Я закрыла глаза и снова представила его Королём Мятежников. Тогда я знала, что это невозможно, но не совсем. Потому что он ни перед кем не нёс ответственности. Как наследный принц Соравалья, он нёс ответственность перед целым королевством людей.

— Тесса, — пробормотал он, наклоняясь ко мне. — В чём дело?

— Я скоро выйду замуж, — призналась я. — Мой дядя говорит, что мы начнём искать подходящего мужа на моей коронации. Королева должна быть замужем. Особенно та, которая правит державой.

Тело Тейлона напряглось.

— Я ненадолго, Тесса. Помни об этом, пока твой дядя забивает тебе голову всем тем, что будущая королева должна и не должна делать.

Он подошёл ко мне, пока мы не оказались всего в дюйме друг от друга. Я чувствовала, как меня поглощает тепло его тела, его мужской запах, всё, что было Тейлоном Трескинатом, будущим королём Соравалья.

— Хорошо, — прошептала я.

Он наклонился ближе.

— Гантер здесь, пока меня нет. Твой дядя может ненавидеть его присутствие, но знай, что Каволианец поклялся тебе в верности. Он не допустит, чтобы с тобой что-нибудь случилось, пока меня не будет.

— А как же Эрет? — прошептала я.

Временного командира повстанцев бросили в темницу после того, как он пообещал мне верность. Моего дядю несколько не волновало, что мятежники присягнули короне и державе. Я навещала его чаще, чем следовало. Он не слишком страдал, но я знала, что он жаждет свободы.

— Мой дядя полон решимости заставить его пожалеть о своём обещании.

На губах Тейлона мелькнула улыбка.

— Не беспокойся об Эрете. Он скоро будет свободен.

Я больше не задавала вопросов.

Было бы лучше, если бы я не знала.

— Я вернусь, Тесса, — пробормотал он. — Не забывай обо мне, пока меня не будет.

Мое дыхание дрожало в лёгких.

— Я никогда не смогу, — прошептала я. — Никогда.

Его губы коснулись моих в трепещущем поцелуе, который закончился прежде, чем начался, и его пальцы проследили линию кулона, который я всё ещё носила на шее.

— До новой встречи, незнакомка.

— Держись подальше от неприятностей, Мятежный Король.

Он отстранился и одарил меня ослепительной улыбкой.

— Никогда.

Затем он ушёл по коридору, с силой впечатывая каждый шаг, и аура королевской семьи реяла вокруг него. Я смотрела, не в силах оторвать от него глаз, пока он не скрылся из виду.

Голос Оливера ворвался в мои блуждающие мысли.

— Он ушёл, Тесс. Ты можешь перестать с тоской смотреть в коридор, как влюблённая жаба.

Я повернулась к своему другу.

— Разве ты не должен усерднее работать над своими клятвами, Оливер Молчаливый?

Его улыбка приветствовала меня.

— Возможно, — согласился он. — Но я бы предпочёл поговорить со своей подругой, королевой, а не беспокоиться о клятвах, ожидающих меня за полцарства отсюда.

— Я ещё не королева.

— Это совпадение.

Он взял меня под руку и потащил по коридору. Охранники встали у нас за спиной. Предположительно, они защищали меня, но это немного отличалось от того, когда я была на суде. Оливер продолжал.

— Потому что я ещё не монах.

— Это совпадение, — согласилась я. — Похоже, нас обоих ждут довольно великие судьбы.

— И пока мы ждём, мы, вероятно, должны попасть в как можно больше неприятностей.

Я рассмеялась.

— Согласна!

Мы разговаривали всю дорогу до моих комнат. Оливер больше не выдавал себя за соравальского слугу. Он был в резиденции в качестве моего приглашенного гостя.

Мы послали известие отцу Гариусу, что мои поиски завершены и что он вскоре может ожидать приглашения на коронацию. До тех пор Оливер останется со мной и поможет мне приспособиться к дворцовой жизни. Это было нелегко.

Меня особенно беспокоило то, что от меня ничего не ожидали. Я часто пыталась помогать по хозяйству и готовить, но и горничные, и повара прогоняли меня. У меня были занятия и обязанности, но ничего такого, что действительно бросало бы вызов моему разуму.

Как и последние восемь лет, Оливер был единственным, что поддерживало меня в здравом уме.

— Давай возьмём Шиксу, — предложил он, — и стащим несколько тарталеток с кухни. Она любит вишневые.

— Потому что ты балуешь её ими!

Он остановился в коридоре.

— Вот она.

Я наклонилась, чтобы поднять её. Она только что вернулась к себе прежней, способной перепрыгивать с кровати на шкаф и обратно на землю со всей энергией, которой должен обладать щенок её возраста.

— Как ты сюда попала, малышка?

Она свернулась калачиком в моих руках, её когти защитно впились в мой рукав.

— Тессана, — предупредил Оливер.

Мы вошли в мою комнату, и я ахнула. Это место было разрушено. Постельное бельё было разорвано в клочья. Одежда была разорвана и брошена на пол. Картины были

разрезаны посередине, а мебель изрублена на куски.

— Драконья кровь, — выругалась я. Стражники заглянули мне за спину и быстро принялись за работу, вызывая остальную королевскую гвардию для расследования.

Я обменялась взглядом с Оливером, и он пробормотал:

— С тобой никогда не бывает скучно.

Я моргнула, оглядывая комнату, не в силах понять, что это значит.

— Смотри, — прошептала я.

— Что это? — он вышел на середину комнаты и поднял длинное чёрное перо.

— Это ещё не конец, — услышала я свой голос. — Они не остановятся, пока я не умру.

Оливер обернулся, держа перо в руке.

— Если только ты не убьешь их первой.

Кто-то пытался убить меня.

Но это не сработало, когда я была ребёнком.

И это не сработало, когда Креншоу напал.

Это была моя судьба. Я должна была править Элизией и всей державой. Я должна была стать королевой. И они не остановят меня. Кем бы они ни были.

Оливер был прав. Если бы мне пришлось убить их первой, я бы это сделала. Я бы всю жизнь боролась, выживала и искала их.

Потому что, в конце концов, дело было не во мне.

Речь шла о мире, за который я буду бороться.

Зле, которое я уничтожу.

Речь шла о Короне Ста Королей, которая скоро будет принадлежать Королеве.